This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A3

HDI
HL 1Q1L N

Ch. 7
Dissertationes selectae

RU.
DIE

A 3
Ch., I
Diolo Salmiveira

Bd. Nov. 1931

HARVARD LAW LIBRARY

Received SEP 29 1931

ДѢЛО САЛНИКѢЕВА.

Н. Ч.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ (КАТКОВЪ И К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1869.

Государи, именемъ которыхъ они управляли народомъ, носили только имя Государей. Народъ, надъ которымъ они властвовали, народъ, съ его нуждами и интересами, былъ попираемъ ими, какъ ни чего не значащая вещь въ Государственномъ хозяйствѣ, такая вещь, о которой и думать не стоитъ. До него ли имъ было на ихъ высотѣ, гдѣ раскрывалось передъ ними столько интересовъ высшаго Государственнаго порядка! Если бы онъ вздумалъ напомнить о себѣ и докучать своими нуждами, можно зажать ему ротъ, можно запретить ему и думать о томъ, что ему не хорошо: стоитъ только поставить на сторожѣ зоркаго Генерала Ушакова, который имѣлъ счастливую способность читать даже въ мысляхъ Русскаго человѣка.

Въ каждомъ Государствѣ во всякое время есть люди почтенные, которые пользуются общимъ уваженіемъ и которые, занимая соотвѣтственныя ихъ опытности и заслугамъ мѣста, пользуются общимъ довѣріемъ и уваженіемъ. Въ это несчастное время не было такихъ людей, не по тому, что на самомъ дѣлѣ обезлюдѣла Русская земля, но по тому, что въ ней, то есть, въ ея лучшихъ слояхъ, подавлено было понятіе о личной чести и доблести. Наплывъ искательныхъ, своекорыстныхъ иноземцевъ задушилъ въ Русскихъ чувство гражданской доблести, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ его безвыходнымъ и безплоднымъ. Пробиться въ люди стало—ухаживать за временщиками и сильными иноземцами, держаться въ людяхъ—значило льстить имъ словами и угождать подарками; не угодилъ, такъ не спасетъ ни родъ, ни званіе, ни заслуги. Плеть и кнутъ не щадили ни кого; не было исключеній ни для кого, въ самомъ крайнемъ смыслѣ этого слова. Если и этого казалось мало, то вывозили плаху на площадь и казнили политически и самымъ дѣломъ самыхъ высокихъ и сановныхъ лицъ въ Государствѣ. Члены Кабинета, Верховнаго Совѣта, Сената, Синода, Коллегій, Митрополиты, Епископы, всѣ были подъ одинаковымъ гнетомъ и страхомъ крѣпости, плетей, кнута и пытокъ тяжелѣе смерти. Подобнаго упадка гражданскаго чувства, подобнаго униженія и оскорбленія народа, никогда не было въ Россіи ни прежде, ни послѣ описываемаго времени.

Къ этому-то несчастному времени относится дѣло Салникѣева, одно изъ любопытнѣйшихъ дѣлъ первой половины XVIII столѣтія.

Кромѣ того, въ числѣ частію вызвавшихъ, частію объясняющихъ его, обстоятельствъ, было одно, замѣчательное въ Церковно-Историческомъ отношеніи: это—надежды и попытки одной части Русскаго Духовенства на возстановленіе прежней Патріяршеской формы церковнаго правленія, вмѣсто новоучрежденнаго Синода, въ которомъ она видѣла болѣе судебную и административную инстанцію, нежели живое представительство Церкви, какимъ она считала Патріяршество. Учрежденіемъ Синода, по ихъ понятію, Церковь введена была во всѣ формы гражданской жизни, поставлена въ одинъ рядъ съ вѣдомствами разныхъ управленій, какъ одно изъ нихъ, вмѣсто того, чтобы возвышаться надъ ними, какъ независимому и одушевляющему началу гражданскаго общества. Къ этому, до нѣкоторой степени справедливому, мнѣнію, какъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, присоединились личныя страсти и выгоды передовыхъ лицъ и вождей этой стороны, которые, подъ видомъ защиты церковнаго дѣла, пролагали пути своему властолюбію и честолюбію. Въ дѣлѣ Георгія Дашкова намъ извѣстно, какъ они вели свое дѣло и какъ, пользуясь смутами Государственными, вводили замѣшательство въ ходъ церковнаго управленія, чтобы ниспровергнуть нововведенный порядокъ вещей и на мѣсто его поставить прежній, освященный болѣе чѣмъ вѣковою давностію и образовавшій уже въ народѣ привычку къ извѣстной формѣ церковнаго правленія и церковно-общественной жизни. Въ дѣлѣ Салникѣева мы встрѣтимся съ тѣми же лицами, которыя участвовали въ дѣлѣ Дашкова, и съ тѣми же счастливыми и несчастными перемѣнами въ ихъ судьбѣ, какъ и тамъ.

Но, кромѣ того, дѣло это получаетъ новую занимательность отъ случайнаго прикосновенія къ нему лица, замѣчательнаго своею странною судьбою и все еще загадочнаго для Исторіи: разумѣемъ А. П. Волынскаго.

Сдѣсь мы фактически прояснимъ одинъ изъ темныхъ эпизодовъ его исторіи, сообщая новые документы, которые не извѣстны еще въ печатной литературѣ.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ былъ Архимандритъ Казанскаго Спаскаго монастыря, Іона Салникѣевъ.

Онъ былъ родомъ изъ Смоленска, Дворянскій сынъ. Не извѣстно, какое побужденіе увлекло его въ монашество, которое вовсе не соотвѣтствовало его личнымъ склонностямъ. Въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія онъ былъ Іеромонахомъ Троицкаго Сергіева монастыря. Въ то время Настоятелемъ этого монастыря былъ Архимандритъ изъ Дворянъ, Сильвестръ Холмскій, не походившій на него ни нравомъ, ни привычками. Еще въ ту пору были между ними какія-то темныя денежныя исторіи, о которыхъ они вспоминали другъ другу и въ послѣдствіи; но скоро они разошлись въ стороны, каждый своей дорогой. Салникѣевъ перешелъ въ Казань, гдѣ, какъ человѣкъ ловкій и образованный, успѣлъ войти въ милость къ престарѣлому Митрополиту, Тихону и сдѣлался Судьею Архіерейскаго дома. Пользуясь старостію и снисходительностію своего начальника, онъ самоуправно распоряжался въ его Епархіи, нажилъ себѣ состояньице, дружилъ съ Губернскою знатью и жилъ бариномъ. Полы его Архимандритскихъ покоевъ устланы были коврами, стѣны обиты тонкимъ Нѣмецкимъ сукномъ, столы покрыты заграничными коврами. Для выѣздовъ у него было нѣсколько паръ кровныхъ лошадей, заграничныя кареты, коляски и возки. У высшихъ властей онъ также былъ на хорошемъ счету, такъ что когда въ послѣдній годъ жизни Петра состоялся Указъ, чтобы въ Синодъ вызывались на чреду, вмѣстѣ съ Архіереями, по два Архимандрита, которые могли бы быть избираемы потомъ въ Архіереи, [1] Іона вызванъ былъ первый и засѣдалъ въ Синодѣ наравнѣ съ Членами.

По смерти Петра, когда началось извѣстное дѣло Новгородскаго Архіепископа, Ѳеодосія Яновскаго, Іона посыланъ былъ, вмѣстѣ съ Капитаномъ гвардіи, Шушеринымъ, въ Новгородъ повѣрить по описямъ Соборную ризницу и домовую Архіерейскую казну. По какимъ-то доносамъ Іону потребовали изъ Новгорода въ Тайную Канцелярію. Синодъ вступился за честь своего Члена, и 7 Іюля подалъ докладъ Государынѣ, что «знатныя духовныя персоны арестуются иногда по подозрѣніямъ и доносамъ людей, не заслуживающихъ довѣрія, отъ чего не только бываетъ имъ не малая тягость, но и здравію и чести поврежденіе.» Синодъ просилъ, чтобы дѣла ихъ рѣшались безъ промедленія и подъ арестомъ ихъ не держать, а отдавать

---

[1] 1725 г., Генваря 12.

на знатныя и вѣроятія достойныя поруки. Однимъ словомъ, въ доселѣшней жизни Іоны все шло честь честью. [2] Но, на горе ему, судьба опять столкнула его съ Сильвестромъ.

Исторія Сильвестра извѣстна намъ изъ дѣла Ростовскаго Архіепископа, Георгія Дашкова. Изъ Троицкихъ Архимандритовъ онъ посвященъ былъ въ 1708 году въ Нижегородскіе Митрополиты; въ 1719 году переведенъ изъ Нижняго въ Смоленскъ, изъ Смоленска въ Тверь съ повышеніемъ, а изъ Твери, по уничтоженіи званія Митрополитовъ, въ Рязань простымъ Епископомъ. Съ назначеніемъ въ Синодъ покровителя его Дашкова, при Екатеринѣ, его перевели въ Казань Архіепископомъ.

Прибывши въ Казань, онъ встрѣтился съ старымъ знакомцемъ, Іоною, который былъ тамъ въ чести—Судьею Архіерейскаго дома и Синодальнымъ Членомъ. Іона держался въ отношеніи къ новому начальнику довольно свободно и независимо, а тотъ, человѣкъ старый и стараго времени, не могъ перенести смѣлыхъ выходокъ подчиненнаго. Въ досадѣ на новоучрежденный Синодъ, который лишилъ его званія Митрополита, Сильвестръ не велѣлъ поминать его въ церкви и не признавалъ нѣкоторыхъ его распоряженій. Въ церкви, вмѣсто Синода, велѣлъ поминать Святѣйшихъ Вселенскихъ Патріярховъ, а на ставленныхъ грамотахъ подписывался: «Сильвестръ, бывшій

---

[2] «Былъ здѣсь въ знатномъ монастырѣ Архимандритомъ Смолянинъ», писалъ о немъ Волынскій», онъ же и Дворянскій сынъ, Іона Салникѣевъ (или по Русски Салникѣевичъ), которой при покойномъ Тихонѣ, бывшемъ здѣшнемъ Митрополитѣ, былъ Судьею и въ крайней милости и имѣлъ богатства своего на нѣсколько тысячъ; въ томъ числѣ денегъ съ три тысячи, или больше; потомъ взятъ въ Синодъ, и тамъ былъ Членомъ, да скучно ему, дураку, въ Петербургѣ стало, что тамъ живыхъ стерлядей нѣтъ и что онъ разлучился съ своими друзьями, которому всѣ знатные Дворяне и лучшіе купцы друзья и пріятеля; также и бѣднымъ пріѣзжимъ Офицерамъ всѣмъ былъ благодѣтель, понеже былъ обходительный человѣкъ и жилъ зѣло роскошно, котораго и Губернаторы, Петръ Матвѣевичъ, Петръ Самойловичъ и Алексѣй Петровичъ безмѣрно любили, и такой человѣкъ былъ, что надобно было любить, и ужь когда сюды и нынѣшній Архіерей въ Епархію прибылъ, сначала былъ къ нему очень добръ, и такъ и при немъ былъ Судьею, какъ при Тихонѣ Митрополитѣ, да учинилась у нихъ ссора»... (Изъ письма Волынскаго къ Княгинѣ Черкаской).

Нижегородскій Митрополитъ, нынѣ же Казанскій и Свіяжскій.» [3] Іона, по своей должности, напоминалъ ему объ его незаконныхъ дѣйствіяхъ, и впалъ въ крайнюю немилость у Владыки. Но Владыка отмстилъ ему не милостиво.

I.

Въ 1726 году, пользуясь милостію Дашкова и Коломенскаго Митрополита, Игнатія, Сильвестръ рѣшился поприжать своего Судью, чтобы онъ не зазнавался и не перечилъ ему въ его распоряженіяхъ. Онъ написалъ къ нимъ и къ Синодальному Оберъ-Прокурору, что его Судья живетъ непорядкомъ, обираетъ монастыри, продаетъ церковныя вещи и обращаетъ вырученныя деньги въ свою собственность.

Іона ужь кончилъ свою очередь въ Синодѣ и собирался въ путь, какъ Синодальный Оберъ-Прокуроръ, Баскаковъ, сдѣлалъ Синоду предложеніе: «Обносится здѣсь, что Казанскаго Спаскаго Преображенскаго монастыря Архимандритъ Салникѣевъ нѣкоторыя вещи, до церкви принадлежащія, распродалъ, о чемъ и Вашему Святѣйшеству о нѣкоторыхъ сообщено.» Синодъ приказалъ это дѣло изслѣдовать, и поручилъ это Сильвестру. Іону приказано было отправить для слѣдствія въ Казань за поруками, а если порукъ по себѣ не дастъ, то выслать его изъ Синодальной Канцеляріи съ кѣмъ пристойно, чтобъ за нимъ въ слѣдованіи остановки не было. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сильвестру предписано было Указомъ слѣдовать то дѣло безъ послабленія и, если что казенное растащено напрасно, взыскивать безъ упущенія.

Понятно, какого можно ожидать слѣдствія отъ Сильвестра, при извѣстныхъ его отношеніяхъ къ подсудимому.

---

[3] Изъ этого въ послѣдствіи, въ 1732 году, возникло огромное слѣдственное дѣло, кончившееся тѣмъ, что множество Архимандритовъ, Священниковъ и монаховъ Казанской Епархіи, за непоминаніе Синода и прикрытіе Сильвестра, лишены были сана и разосланы, кто въ Сибирь, кто въ отдаленные монастыри въ послушаніе и работу, изъ которыхъ освобождены были, кто остался въ живыхъ, уже при Императрицѣ Елисаветѣ, въ 1740 году.

По полученіи Указа, Сильвестръ немедленно приступилъ къ слѣдствію, и въ концѣ Ноября представилъ въ Синодъ репортъ, съ копіями допросовъ и показаній Салникѣева. Въ этомъ репортѣ Іона обвиняемъ былъ въ отобраніи и обращеніи въ свою пользу нѣкоторыхъ церковныхъ вещей и украшеній изъ Спасо-Казанскаго монастыря и приписныхъ къ нему монастырей, Кизическаго и Ѳедоровскаго. По монастырскимъ описямъ въ нихъ не оказывалось жемчужныхъ ожерельевъ, панагій, гривенъ, серебряныхъ цатъ, серегъ, репьевъ, дробницъ, драгоцѣнныхъ камней, ризъ на иконахъ, вѣнцовъ и разныхъ привѣсокъ.

Іона оправдывался тѣмъ, что у нихъ въ монастырѣ не было хлѣба, и по тому онъ продалъ нѣсколько монастырскаго жемчуга и серебра на покупку хлѣба, а другія вещи для устройства церкви въ монастырскомъ селѣ Плетеняхъ, и сдѣлалъ это по словесному разрѣшенію покойнаго Митрополита, Тихона. Изъ Ѳедоровскаго и Кизическаго монастырей онъ перевезъ утварь въ свой монастырь, по его же, Митрополичьему, Указу, которымъ этѣ монастыри были упразднены въ 1724 году.

Въ разсужденіи этѣхъ монастырей Сильвестръ заинтересованъ былъ тѣмъ, что они были приписными къ Архіерейскому дому. Іона, пользуясь слабостію и старостію Тихона, приписалъ оба монастыря къ своему и перевезъ къ себѣ всю ихъ церковную утварь. Сильвестръ, бывшій задолго до Іоны также Судьею Казанскаго Архіерейскаго дома, зналъ очень хорошо положеніе дѣлъ, грамоты и указы, и хотѣлъ возвратить ихъ Архіерейскому дому.

Сильвестръ прибавилъ въ своемъ донесеніи, что Салникѣевъ его смиренію оказался не послушенъ, и подъ слѣдственнымъ дѣломъ упрямствомъ своимъ не подписался, и во всемъ строптивыми своими поступками учинился ему противенъ. Опасаясь съ его стороны побѣга, Сильвестръ посадилъ его подъ караулъ и просилъ о переводѣ его куда ни будь въ другую Епархію.

Синодъ, выслушавши репортъ Сильвестра, приказалъ отрѣшить Іону отъ управленія монастыремъ и взыскать съ него деньги за проданныя вещи, въ количествѣ 290 р. 33 к., а до тѣхъ поръ, пока онъ не уплатитъ требуемой суммы, держать его подъ стражей;

когда же все взыскано будетъ, выслать его, Салникѣева, въ Москву въ Духовную Дикастерію.

Сильвестръ не могъ, однако жь, ни чего добиться отъ Салникѣева, жаловался Синоду, просилъ смирить его жезломъ правды, и чтобъ другимъ воровство умножать и отбывательство умышлять было не повадно, предложилъ отправить его въ Преображенскій Приказъ (20 Февраля, 1728 г.).

Салникѣевъ не могъ не видѣть всей невыгоды своего положенія. Чтобы какъ ни будь замять дѣло и отстранить Сильвестра отъ слѣдствія, 13 Декабря, 1727 года, онъ сказалъ за собой Государево дѣло, и взятъ въ Губернскую Канцелярію. Губернаторъ, Генералъ-Маіоръ Зотовъ, съ Вице-Губернаторомъ, Нефедомъ Кудрявцевымъ, отобрали отъ него показаніе, въ которомъ онъ объявлялъ Сильвестра противникомъ и ругателемъ Высочайшихъ Его Императорскаго Величества Указовъ.

У Іоны потребовали объясненій.

Салникѣевъ показалъ, что въ 1725 году, когда Сильвестръ пожалованъ былъ въ Казань изъ Епископовъ въ Архіепископы, онъ, гнушаясь этою милостію и ругаясь Высочайшимъ Указомъ, какъ въ церквахъ во время служенія, такъ и въ дѣловыхъ бумагахъ, Архіепископомъ писать себя не велѣлъ, а велѣлъ писать и поминать Архіереемъ, а у Поповскихъ грамотъ подписывался Митрополитомъ: «Бывый Нижегородскій Митрополитъ, нынѣ же Казанскій и Свіяжскій.»

Кромѣ того, онъ у многихъ людей не принималъ исковыхъ челобитенъ, написанныхъ на Высочайшее имя и отдавалъ челобитчикамъ обратно и велѣлъ переписывать на свое Архіерейское имя, а переписанныя принималъ и производилъ въ дѣло.

По отобраніи этѣхъ показаній, Губернская Канцелярія отправила его назадъ въ Архіерейскій Приказъ, для взысканія по Синодскому Указу, а о показаніяхъ сдѣлала донесеніе Синоду. Фискальная Губернская Канцелярія, съ своей стороны, донесла объ этомъ Сенату; Сенатъ поручилъ изслѣдованіе дѣла Преображенскому При-

казу, но Преображенскій Приказъ передалъ его въ Синодъ, для изслѣдованія духовною властію.

Синодъ, бывшій въ ту пору въ Москвѣ, приказалъ, для изслѣдованія этого дѣла, взять Іону въ Москву и везти въ желѣзахъ за крѣпкимъ карауломъ (14 Марта, 1728 г.).

По пріѣздѣ въ Москву Іона оставленъ былъ до Указу подъ карауломъ. Ему показали копіи съ оправдательныхъ отвѣтовъ Сильвестра противъ взводимаго на него обвиненія и потребовали отъ него доказательствъ; но Іона, сдѣлавши доказательства на первый пунктъ Архіерейскаго отвѣта, о пренебреженіи чести Синодальной, сказалъ, что о пренебреженіи Высочайшаго имени теперь доказательства говорить не будетъ, а будетъ доказывать въ то время, когда Сильвестръ въ Синодъ призванъ будетъ. Синодъ, отнеся это къ упрямству Салникѣева, приказалъ наложить на него цѣпь и желѣза и содержать подъ крѣпкимъ присмотромъ.

Коломенскій Митрополитъ Игнатій посылалъ къ нему Синодскаго Секретаря спросить: для чего онъ не представляетъ доказательствъ на второй пунктъ Сильвестровыхъ показаній? Іона отвѣчалъ, что безъ Сильвестра онъ доказательствъ представлять не станетъ; потомъ просилъ, чтобъ отослать его по тому дѣлу въ Преображенскій Приказъ. Секретарь сказалъ, что въ Преображенскомъ Приказѣ слѣдуются дѣла только по первымъ двумъ пунктамъ. Іона отвѣчалъ, что по пунктамъ онъ не знаетъ, но можетъ доказать, что Сильвестръ ругатель не только Указовъ, но и Императорскаго Величества (26 Ноября, 1728 г.). Послѣ этого показанія Синодъ приказалъ еще усилить надъ нимъ караулъ, никого для разговоровъ съ нимъ не допускать и его никуда не выпускать, чернилъ и бумаги ему не давать.

Но предосторожность взята поздно, по тому что Іона успѣлъ подать въ Верховный Тайный Совѣтъ два доношенія, которыми, оправдаваясь въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, просилъ взять его дѣло изъ Святѣйшаго Синода, куда надлежитъ.

Но этѣ прошенія ни къ чему не привели.

Наконецъ Іона рѣшился сдѣлать доказательства противъ втораго пункта показаній Сильвестра. Онъ указалъ на извѣстные ему

случаи, когда Сильвестръ отдавалъ назадъ прошенія, написанныя на Высочайшее имя и велѣлъ переписывать на свое Архіерейское, и прибавилъ, что когда онъ, по своей должности, Архіерею объ этомъ говаривалъ, то Архіерей обнесъ его въ похищеніи церковныхъ монастырскихъ вещей.

Въ защиту себя Салникѣевъ сказалъ, что, еще бывши въ Казани, онъ перемѣтилъ буквами Польскаго алфавита всѣ дѣла, вершенныя по этѣмъ челобитнымъ, чтобъ послѣ ни чего нельзя было подмѣнить въ нихъ, и просилъ взять ихъ въ Синодъ на обличеніе Архіерею. Этого мало: онъ сберегъ у себя нѣсколько челобитныхъ на Высочайшее имя, изорванныхъ Архіереемъ по тому, что написаны не на его, Архіерейское, имя. Подлинность этѣхъ челобитныхъ Іона доказывалъ тѣмъ, что они занесены были во входящіе журналы за номерами. Вмѣсто этѣхъ драныхъ дѣлъ произведены были другія дѣла по челобитнымъ, писаннымъ на Архіерейское имя.

Но Іонѣ трудно было добиться правды, по тому что въ Синодѣ сидѣли друзья Сильвестра. А по тому, вмѣсто ожиданнаго слѣдствія, въ Синодѣ состоялся Указъ, которымъ всѣ доносы Іоны объявлены извѣтомъ и враньемъ. «И въ тѣхъ его, извѣтчика Салникѣева, показаніяхъ явилась рознь и несходство, изъ чего признавается, по такой розни и несходству его, извѣтчика Салникѣева, сущая вина, а по отвѣту Казанскаго Архіерея ни какой важности не находится; а ежели бы по отвѣту онаго Архіерея явились къ вящшей важности, то бы по оному дѣлу надлежащее рѣшеніе учинено было въ Преображенскомъ Приказѣ, а то видно, что по тому его, Салникѣева, отвѣту и по отвѣту Казанскаго Архіерея важности до онаго Архіерея по слѣдованію Преображенскаго Приказу знатно, что не причтено и прислано къ разсмотрѣнію Святѣйшаго Синода, а въ Синодѣ по отвѣту его ни какой важности не находится. Видимо, что оный извѣтчикъ такую великую важность на онаго Митрополита наводитъ вымышленно отъ себя, по злобѣ своей, злоковарно, примѣрно примѣняя отъ себя вымысломъ своимъ, и не отъ словъ его, Архіерейскихъ, мстя за то, что онъ, чрезъ слѣдствіе онаго Архіерея, явился въ похищеніи монастырскихъ и церковныхъ вещей и избывая въ томъ явнаго своего воровства.» Къ этому преступленію Іоны выведены были справки изъ Церковныхъ правилъ и Соборна-

го Уложенія о непринятіи доносовъ на Епископа отъ лицъ, находящихся подъ судомъ, о клирикахъ, творящихъ совѣты на Епископа, о доносящихъ на кого важное Государево дѣло и не доказавшихъ, и, по силѣ этѣхъ справокъ, состоялся приговоръ, чтобы за недоказанную клевету на Епископа, обнажа его іеромонашества и монашества, отослать его къ гражданскому публичному наказанію, по исполненіи котораго взыскивать съ него похищенное имъ церковное имущество по прежнему безъ удержанія (11 Дек., 1728 г.).

Въ виду неизбѣжнаго позора, Іона рискнулъ еще на доносъ. Въ Юстицъ-Коллегію онъ подалъ донесеніе на Сильвестра въ драньѣ челобитенъ и другихъ бумагъ, писанныхъ на Высочайшее имя. Предсѣдатель Коллегіи, Князь Михаилъ Голицынъ, представилъ это донесеніе на усмотрѣніе Сената. Но Сенатъ предписалъ исполнить въ точности Указъ Синода о наказаніи Салникѣева, а о драньѣ дѣлъ Сильвестромъ сообщилъ Синоду для надлежащаго изслѣдованія.

18 Іюня, 1729 года, Юстицъ-Коллегія доносила Синоду, что Осипу Салникѣеву наказаніе учинено: «битъ кнутомъ,» и по наказаніи возвращенъ въ Синодъ для продолженія слѣдствія.

Но торжество Сильвестра, успѣвшаго передъ тѣмъ выпросить себѣ званіе Митрополита, хотя безъ бѣлаго клобука, и возвратить захваченные Салникѣевымъ монастыри Архіерейскому дому, продолжалось не долго.

II.

По смерти Петра II-го, Дашковъ впалъ въ немилость. Это отозвалось и на покровительствуемыхъ имъ. Синодъ потребовалъ у Салникѣева дранаго дѣла. Салникѣевъ отвѣчалъ, что оно имѣется у него въ домѣ Князя Василія Михайловича Вяземскаго, въ Поварской Улицѣ, за Арбатскими воротами. Дѣло взяли къ слѣдствію. Это была челобитная Казанскаго гарнизоннаго Унтеръ-Офицера Саморокова на домовыхъ Архіерейскихъ крестьянъ Кононовыхъ въ безчестіи его, Саморокова. А между тѣмъ съ Салникѣева взыскивали и причтенные ему въ воровство церковныя и монастырскія деньги. Салникѣевъ ставилъ въ свое оправданіе то, что ему не давали денегъ на

содержаніе въ бытность въ Синодѣ. Синодъ, не уваживъ этого представленія и считая его отбывательствомъ, опредѣлилъ: «для взысканія съ него за церковныя вещи отослать его въ Казанскую Губернскую Канцелярію съ нарочнымъ солдатомъ, дабы, освидѣтельствовавъ достовѣрно, что доведется, снесшися съ Преосвященнымъ Сильвестромъ, оные деньги съ него взыскивали неослабно, какъ Указы повелѣваютъ.» Вмѣстѣ съ нимъ положили отослать въ Губернскую Канцелярію и драное дѣло, дабы, какъ о томъ, такъ и о другихъ отъ него показуемыхъ драныхъ дѣлахъ, когда, и кѣмъ, и для чего драны ль, справяся достовѣрно, освидѣтельствовать Архіерею, Губернатору, которымъ былъ въ то время, послѣ Зотова, Волынскій, и Вице-Губернатору, со всякою очисткою, и то свидѣтельство прислать въ Синодъ при доношеніи немедленно (15 Декабря, 1729 г.).

Въ слѣдъ за этѣмъ у Салникѣева, по словесному приказанію Остермана, сдѣлали обыскъ, при которомъ найдено два Календаря на 1727 и 1728 годы. Календари отправлены къ Остерману, а надъ колодникомъ усиленъ караулъ. Но такъ какъ по этому особливому дѣлу ни чего за нимъ не отозвалось, то Синодъ, 16 Марта, 1730 г., приказалъ «отправить его, во исполненіе своего прежняго опредѣленія, въ Казанскую Губернскую Канцелярію, на коштѣ Казанскаго Митрополита. А для касающихся по тѣмъ же дѣламъ духовныхъ персонъ, при томъ слѣдованіи и рѣшеніи, вмѣстѣ съ Губернаторомъ и Вице-Губернаторомъ, быть двумъ духовнымъ персонамъ, а именно: изъ Синодальной области Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря Архимандриту Лаврентію, и Нижегородской Епархіи изъ монастырскихъ властей, или Протопоповъ, кого Архіепископъ Питиримъ опредѣлитъ, и все то дѣло производить имъ общимъ согласіемъ.» Архіепископъ Питиримъ, съ своей стороны, назначилъ къ слѣдствію, Протоіерея Нижегородскаго Архангельскаго собора, Андрея Иванова.

Сильвестръ, жившій въ ту пору въ Москвѣ, успѣлъ, однако жь, смягчить дѣло.

Протоколомъ Марта 24 приказано было взыскать деньги за проѣздъ Салникѣева не съ Казанскаго Митрополита, а съ Управителей Казанскаго Архіерейскаго Приказа, которые были у дѣлъ въ

1726 и 1727 годахъ, по тому что къ этѣмъ годамъ относилось предъявленное Салникѣевымъ драное дѣло. Другимъ протоколомъ, 8 Апрѣля, велѣно было наряженной для слѣдствія Казанскихъ дѣлъ Коммисіи слѣдовать токмо о взысканіи церковныхъ вещей съ Салникѣева, а объ упомянутомъ драньѣ дѣлъ и челобитенъ ни чего не производить, но слѣдовать то въ Синодѣ, по тому что то касается до духовной Архіерейской персоны, и посланноеи зъ Синода Саморокова дѣло прислать обратно въ Синодъ безъ промедленія.

Изъ назначенныхъ въ Казань слѣдователей Архимандритъ Лаврентій доносилъ, что, за весеннею распутицею, онъ въ Казань вскорѣ ѣхать не можетъ, къ тому же онъ страдаетъ тяжкою головною болѣзнію. Наконецъ, уже въ Маѣ, слѣдователи собрались въ Казани, и прислали оттуда прошеніе: на какія средства имъ жить и откуда требовать денегъ.

Сильвестръ, съ своей стороны, подалъ доношеніе, въ которомъ писалъ, что «онъ посылалъ къ Губернатору Волынскому солдатъ за дранымъ дѣломъ, но Волынскій, мстя ему за поданныя на него въ Сенатѣ и въ Юстицъ-Коллегіи и въ другихъ мѣстахъ прошенія о различныхъ ему обидахъ отъ Волынскаго, солдатъ держитъ и Сумарокова дѣло имъ не отдаетъ, даже и о полученіи Синодскаго Указа тому седьмая недѣля не репортуетъ, и знатно хощетъ, продолжалъ Сильвестръ, нанести мнѣ, по злобѣ своей, напрасное здѣсь утѣсненіе и бѣдство и дому нашему разореніе безъ всякой причины, для того что Архимандритъ Лаврентій и Протопопъ Андрей Ивановъ и говорить о томъ Волынскому не смѣютъ. И отъ того чрезвычайнаго, за посягательствомъ ко мнѣ Губернаторскимъ, продолженія, живучи въ Москвѣ, разоряюсь безвинно, а не дождавъ по тому дѣлу здѣсь подлиннаго рѣшенія, въ Казань ѣхать не смѣю.» Сильвестръ просилъ послать къ Волынскому вторичный Указъ съ подтвержденіемъ о присылкѣ въ Москву Саморокова дѣла, а не о исполненіи имъ Указовъ Синода сообщить въ Правительствующій Сенатъ съ требованіемъ резолюціи. Синодъ послалъ къ Волынскому вторичный Указъ съ нарочнымъ, которому поручено было взять дѣло и съ требованіемъ объясненія въ неисполненіи перваго Указа (27 Мая, 1730 г.).

Но, не дождавшись отвѣта Волынскаго, Сильвестръ, 5 Іюня, подалъ на него въ Синодъ новое доношеніе, съ 38 пунктами, которыми обвинялъ Волынскаго въ разныхъ преступленіяхъ. Заключая свои пункты, Сильвестръ просилъ: «жезломъ паствы Вашего Святѣйшества Церкви Божія и насъ сиротствующихъ отъ него, Волынскаго, съ другими оборонить и защитить и яко сильному насъ немощныхъ въ руки не предать, и о воровствахъ растриги Салникѣева дѣла изъ Губернской Канцеляріи у него взять, и послать къ рѣшенію въ Казань же, къ кому надлежитъ, мимо его, Волынскаго... и къ нему, Губернатору, послать третій Указъ съ подтвержденіемъ, и въ Сенатъ внесть вѣдѣніе съ мнѣніемъ и требованіемъ на все резолюціи.»

Такъ какъ жалоба Сильвестра имѣла гражданскій характеръ, то Синодъ сообщилъ ее въ Правительствующій Сенатъ, а Губернатора Волынскаго, за вышепоказаннымъ на него подозрѣніемъ, по дѣламъ Салникѣева положилъ отстранить отъ слѣдствія, поручивши слѣдовать то дѣло опредѣленнымъ къ тому духовнымъ персонамъ однимъ (15 Іюня, 1730 г.).

Управившись съ однимъ, главнымъ слѣдователемъ, Сильвестръ принялся за другихъ.

У него былъ вѣрный слуга, Питиримъ Смирной, котораго онъ посвятилъ въ Архимандриты на мѣсто Салникѣева. Это былъ истый подъячій прежняго времени, ловкій на всѣ крючки и продѣлки. Онъ жилъ неотлучно при Сильвестрѣ, составлялъ ему всѣ бумаги и былъ его правой рукой во всѣхъ судныхъ дѣлахъ. Покончивши съ Волынскимъ, они принялись за духовныхъ персонъ и, не зная, къ чему придраться, сами сочинили предлогъ къ доносу. Питиримъ прислалъ въ Синодъ доношеніе, что «духовные слѣдователи, Архимандритъ Лаврентій и Протопопъ Андрей, пріѣхали въ Казань не по препорціи своихъ ранговъ, зѣло многолюдно и съ немалою славою, на нашъ коштъ, а у насъ монастырь разореной и содержать ихъ будетъ не на чемъ, и за подводы подъ нихъ и служителей ихъ до Казани и обратно до Нижняго, заплатить не чѣмъ, и всякаго довольства имъ покупать не на что. А есть извѣстіе изъ Казани, что оныя духовныя персоны поступаютъ весьма неумѣренно и показываютъ Келарю нашему съ братіею всякія утѣсненія, паче же за-

даютъ нестерпимые страхи и грозятъ имъ различнымъ прещеніемъ, и берутъ про свой расходъ, что хотятъ, съ великой обидой для братіи, и, сверхъ того, еще требуютъ отъ монастыря всякаго себѣ въ корысть награжденія, и за то нанесли Секретарю жестокой бой; отъ чего монастырь приходитъ во всеконечное и, сверхъ Салникѣева, горшее разореніе; а обносится слухъ, что оныя персоны, и кромѣ Указныхъ имъ монастырскихъ нашихъ дѣлъ, и въ прочія вникаютъ, знатно хотя въ Казани бытіемъ продолжить и объявить себя яко бы сущими всему вѣдомцами.» Синодъ, однако жь, не очень ему повѣрилъ и, сдѣлавши распоряженіе, чтобы слѣдователи получали содержаніе оттуда же, откуда получаютъ его духовные управители Архіерейскаго дома, поручилъ объявить Питириму, что онъ не изъяснилъ, какія именно и кому происходятъ обиды отъ духовныхъ слѣдователей (15 Іюня, 1730 г.).

Волынскій, еще ни чего не подозрѣвая со стороны Сильвестра, прислалъ доношеніе (по первому Указу) о томъ, что онъ слѣдованіе вмѣстѣ съ духовными слѣдователями началъ, и что ему изъ Архіерейскаго Приказа не хотѣли выдать дѣлъ, нужныхъ къ слѣдованію, но онъ взялъ ихъ чрезъ Секретаря Губернской Канцеляріи по описи.

Но только что онъ отправилъ это донесеніе, какъ узналъ о второмъ Указѣ, который присланъ былъ не прямо къ нему, а въ Архіерейскій Приказъ, для объявленія Губернатору. «Прошедшаго 23 Іюня увѣдомился я отъ духовныхъ слѣдователей, что присланъ ко мнѣ вторичный Указъ изъ Святѣйшаго Синода, и что онъ уже въ Архіерейскомъ Приказѣ нѣсколько дней; и слышно было, что онаго Указу и подавать мнѣ изъ Архіерейскаго духовнаго Приказу не хотѣли.» За тѣмъ Волынскій объясняетъ, что промедленіе въ отсылкѣ дѣла произошло «за неприбытіемъ изъ Нижняго духовныхъ слѣдователей, и за неприсылкою изъ Архіерейскаго Приказу подлинныхъ дѣлъ, но что потомъ дѣло немедленно отдано посланнымъ за нимъ солдатамъ; а для чего солдаты то дѣло вмѣстѣ съ доношеніемъ удержали, или мимо Святѣйшаго Синода подали Сильвестру, или кто, похлебствуя ему, принявъ, удержалъ, о томъ онъ не извѣстенъ. А что Сильвестръ, писалъ онъ, въ Синодъ вымышленно (не хотя, чтобъ дѣла о похищеніи правильно слѣдованы были) на-

писалъ на меня, будто я на него злобствую, мстя, что онъ подалъ (или подаетъ) на меня составныя и затѣйныя свои прошенія въ Сенатъ и въ Юстицъ-Коллегію и въ другія мѣста, будто въ показанныхъ отъ меня обидахъ, я добровольно кленуся въ томъ, что не только на него злобствовать, или мстить, истинно я до полученія сего Указа и не вѣдалъ, что онъ на меня пишетъ и подаетъ, а и теперь не знаю, гдѣ подавалъ оныя прошенія, и въ какихъ моихъ обидахъ; а ежели бъ какія отъ меня были показаны къ нему обиды, то надлежало было ему просить на меня прежде, нежели повелѣно мнѣ оныя дѣла слѣдовать, и хотя уже Его Преосвященство дошелъ до самой глубокой старости, понеже имѣетъ близъ осмидесяти лѣтъ жизни своей, однако жь онъ, Преосвященный, презирая такую свою старость и забывъ Бога и свою бѣдную душу, клеплетъ на меня тѣмъ и вредитъ честь мою напрасно. А если бъ подлинно были Его Преосвященству и прочимъ властямъ отъ меня какія обиды и разоренія, то бъ онъ въ томъ челобитьѣ своемъ могъ показать о томъ имянно, а по формѣ суда такихъ не имянно писанныхъ о обидахъ и разореніяхъ доношеній и челобитенъ и принимать не велѣно; того ради Святѣйшаго Синода всепокорно и прилежно прошу, дабы повелѣно было отъ него взять за его рукою подлинныя показательства, какія я ему и прочимъ властямъ учинилъ обиды и разоренія, и при томъ чтобъ повелѣно было спросить его, чего ради онъ не просилъ на меня прежде, нежели Указомъ Святѣйшаго Синода опредѣленъ я къ слѣдствію оныхъ дѣлъ, понеже онъ, Архіерей, давно уже въ Москвѣ обрѣтается (изъ чего видно, что онъ защищаетъ плутовъ, которые, непорядочно похлѣбствуя Его Преосвященству, оныя о похищеніи дѣла производили, что явно по нашему слѣдствію показаться можетъ), и чтобъ оныя его показательства на меня повелѣно было сообщить въ Правительствующій Сенатъ, и повелѣно бъ было правильно о томъ розыскать, и всѣхъ обрѣтающихся въ здѣшней Епархіи подвластныхъ его Архіерейскихъ допросить, духовныхъ по священству и монашествующихъ по присягамъ, а мірскихъ и подъ страхомъ смерти, и ежели какая моя вина по прихотямъ моимъ, или по какой моей страсти, явится, я о себѣ не буду просить ни какого милосердія отъ Ея Императорскаго Величества. Буде же и то явится, что то отъ него, Архіерея, затѣяно на меня напрасно, чтобъ повелѣно было ему учинить хотя въ полы противъ того, чего бы я былъ достоинъ (30 Іюня, 1730 г.).»

Въ слѣдъ за этѣмъ Волынскій получилъ третій Указъ изъ Синода, которымъ онъ, въ слѣдствіе поданной на него челобитной Сильвестра, устранялся отъ слѣдованія по дѣлу Салникѣева.

Въ досадѣ Волынскій написалъ письмо къ Салтыкову, въ которомъ просилъ самъ на себя суда по жалобѣ Сильвестра.

«Наслалъ на меня Богъ проклятые дѣла, которыхъ я не искалъ, ни желалъ, и какимъ образомъ то мнѣ пришло, не знаю. Понеже въ нынѣшнемъ году Апрѣля 3 дня, при Указѣ Ея Императорскаго Величества изъ Святѣйшаго Синода, прислано въ Казанскую Губернскую Канцелярію для изслѣдствія драное дѣло, да двѣ выписки, о которыхъ во ономъ Указѣ написано, первое о дѣлѣ, что доносилъ на Казанскаго Митрополита Сильвестра, Казанскаго жъ Спасскаго монастыря Архимандритъ Іона (что нынѣ рострига Іосифъ), что оной Митрополитъ исковыхъ челобитенъ, которые написаны на имя Императорскаго Величества, у многихъ людей не принималъ и дралъ и бросалъ, и не только дралъ челобитные, но и дѣла произведенные въ дѣйство за помѣтами въ шнурованныхъ за печатью тетрадяхъ, дралъ же, изъ которыхъ по тому ево, Салникѣева, доношенію для слѣдствія прислано было драное дѣло Унтеръ-Офицера Максима Саморокова, на крестьянъ Казанскаго Архіерея въ безчестьѣ; тако жъ велѣно слѣдовать о похищеніи церковныхъ и монастырскихъ вещей онымъ бывшимъ Архимандритомъ, что нынѣ рострига; а при томъ слѣдствіи обще со мною велѣно быть и Нижегородской Епархіи Архимандриту да Протопопу. А потомъ присланъ вторичной Указъ, чтобъ о томъ драномъ дѣлѣ не слѣдовать, и оное отослать по прежнему въ Святѣйшій Синодъ (которое по тому Указу и послано), а слѣдовать бы только о помянутыхъ церковныхъ и монастырскихъ вещей похищеніяхъ, въ той силѣ, что оные дѣла слѣдованы въ прошлыхъ годѣхъ въ Архіерейскомъ Приказѣ неправильно, что и самая правда по нашему слѣдствію является, а нынѣ по прошенію Преосвященнаго ево, Сильвестра, Казанскаго Митрополита, присланъ ко мнѣ третей Указъ, въ которомъ и затѣйное ево доношеніе съ великими мнѣ образами и безчестьемъ прописано, такъ что не только такому старому человѣку и пастырю церквамъ, истинно ни какому и свѣтскому, а совѣстному человѣку писать такъ ложно и затѣвать не возможно, развѣ бы кто уже былъ бездѣльной и безсовѣстный ябедникъ.

И можетъ сыскаться, что онъ, Архіерей, во многомъ виноватъ будетъ, того ради онъ показалъ на меня подозрѣніе и сплетчи поябеднически, а не по Архіерейски, дабы тѣмъ покрыть свои блудни, подалъ на меня сплетное поябеднически доношеніе, по которому присланъ ко мнѣ третей Указъ, а въ немъ имянно оное затѣйное это доношеніе прописано, будто я великой обидчикъ и разоритель; и хотя онъ уже человѣкъ престарѣлой, такой, что уже было надлежало ему только Бога и душу памятовать, какъ ему явиться суду Божію, однако жъ онъ, забывъ все то, тѣмъ меня поклепалъ зѣло: въ мысли моей не бывало, не только бъ я то дѣлалъ и столько вредилъ мою честь, что не токмо Архіерею и такому старику, истинно, Милостивый мой отецъ, ни изъ свѣтскихъ ни кто бъ такъ не похотѣлъ душевредничать, развѣ кто уже былъ безпутной и безсовѣстной ябедникъ, противъ чего принужденъ я, въ мое оправданіе, послать доношеніе въ Синодъ, а другое въ Сенатъ (въ одной силѣ оба) и прошу о томъ, чтобъ велѣли про меня розыскать, и всѣхъ ево, Архіерейскихъ, подвластныхъ здѣсь допросить, чернецовъ и бѣльцовъ; буде же того не довольно, чтобъ повелѣно было всѣхъ здѣшнихъ жителей, не только Казанцовъ, я радъ тому, чтобъ, по Уѣздамъ ѣздя, про меня спрашивали. И есть ли какая моя вина, по прихотямъ моимъ, или по какой моей страсти, сыщется, я не буду просить отъ Ея Императорскаго Величества ни какова милосердія; а буде и то явится, что то на меня затѣяно, прошу, чтобъ я отъ такой наглой и нестерпимой мнѣ обиды обороненъ былъ. Для того я Ваше Превосходительство, Милостиваго Государя и отца всепокорно прошу показать ко мнѣ отеческую милость, пожаловать поговорить Архіереямъ, которые въ Синодѣ засѣдаютъ, также и Господамъ Сенаторамъ, чтобъ приказали про меня, безо всякаго мнѣ послабленія, изслѣдовать, какія я кому дѣлалъ обиды; а изъ того видно будетъ, кто изъ насъ виноватъ, или правъ, будетъ. Паче же прошу, ежели донесется сія на меня наглая напраслина Ея Императорскому Величеству, чтобъ прежде нежели сыскано будетъ, не изволила вѣрить безсовѣстному ево, Архіерейскому, доношенію, и не изволила бъ содержать меня за такова человѣка, какъ онъ лжетъ. Я столько смѣло доношу, что я готовъ подписаться на смерть, естьли онъ на меня что докажетъ дѣльно. Что же я такъ дерзновенно пишу, милостиво извольте разсудить по совѣсти, сколь чувственна человѣку обида, а паче та, которая чести касается. Сверхъ того,

Милостивой Государь, Архіерейско ль то дѣло, что по приказу его некоторые плуты шилничали здѣсь по всему городу и проискивали, чтобъ кто что на меня показалъ, и слышу, что къ одной челобитной, не знаю какіе бездѣльники, и не знаю въ чемъ, восемь человѣкъ приложили на меня руки, и съ тѣмъ одинъ плутъ чернецъ къ Архіерею поѣхалъ, однако жъ я благодарю Бога, не боюся ни чего, въ чемъ Ваше Превосходительство безъ сумнѣнія изволь мнѣ вѣрить.

При семъ прилагаю копію съ доношенія моего, посланнаго въ Синодъ, которую прошу сообщить Князю Алексѣю Михайловичу, въ которомъ прописана матерія присланнаго ко мнѣ изъ Синоду Указа и его, Архіерейское, ябидническое доношеніе, поданное на меня и мое оправданіе прописано.

Милостивой Государь мой, отецъ, покажи Божескую надо мной милость, обороните меня, Бога ради, отъ такова плута! Понеже столько меня замаралъ и запачкалъ, что я теперь никуда не гожусь, какъ бы уже подлинно такой былъ бездѣльникъ, и чаю, многіе по ево старости и чину, вѣрятъ ему. Я ни какой иной не прошу милости отъ васъ и помощи себѣ, только чтобъ правду розыскать велѣли, въ чемъ я на васъ, Ваше Превосходительство, Милостивой Государь, отца благонадѣюсь, пребывая, остаюсь съ должнѣйшимъ уваженіемъ. (30 Іюня, 1730 г.).» [4]

Дѣло его, между тѣмъ, перешло въ Сенатъ.

Ходатай его по дѣламъ въ Москвѣ, Борисъ Останковъ, извѣщалъ его 4 Іюля:

«Въ Сенатѣ, Государь, по доношенію Казанскаго Архіерея, дѣло слушано и говорено, чтобъ по тому дѣлу послать для слѣдствія; и того ради призыванъ былъ Иванъ Ивановичъ Бахметевъ, и отговорился онъ отъ той посылки ссорою, что имѣлась въ Саратовѣ, и за тѣмъ, Государь, еще къ тому дѣлу ни кто не опредѣленъ.»

Вѣроятно, тогда же Волынскому сообщена была копія съ поданныхъ на него пунктовъ; но онъ пока не прислалъ своего оправ-

---

[4] Такое жь письмо послано и къ Князю А. М. Черкаскому.

данія, въ надеждѣ, что Сенатъ пошлетъ кого ни будь изслѣдовать дѣло на мѣстѣ.

Въ ожиданіи этого онъ хотѣлъ сдать, въ слѣдствіе Синодскаго Указа, слѣдственныя дѣла Духовнымъ слѣдователямъ. Но они не приняли отъ него дѣлъ и отвѣчали, что имъ нельзя принять ихъ, по тому что Питиримъ ябедою своею показалъ на нихъ въ Синодѣ подозрѣніе, будьто бы оной монастырь они привели въ разореніе паче Салникѣева, и за тѣмъ подозрѣніемъ слѣдовать имъ не возможно.

Волынскій донесъ объ этомъ Синоду и, вмѣстѣ съ этѣмъ, представилъ выписку изъ слѣдствія, сколько его произведено было до сихъ поръ. Онъ донесъ, что посланныя въ Синодъ изъ Аріэхрейскаго Приказа выписки по слѣдствію надъ Салникѣевымъ съ подлинчыми дѣлами, взятыми изъ Архіерейскаго Приказа, оказались не согласны, по тому что многія рѣчи изъ допросовъ и показаній не вписаны и изъ черной выписки вычеркнуты, а при Архіерейскомъ слѣдствіи многимъ людямъ допросовъ вовсе не было; нѣкоторые изъ нихъ при нынѣшнемъ слѣдствіи были допрашиваны, а другіе, которыхъ въ Казани нѣтъ, и понынѣ не допрашиваны; оцѣнка многихъ вещей сдѣлана по волѣ Преосвященнаго безъ цѣновщиковъ; выписки, посланныя въ Синодъ, по показаніямъ Секретарей, сочинены въ Архіерейскомъ домѣ, не извѣстно кѣмъ; одну Подьячій Бекбулатовъ скрѣпилъ и подписался, исподъ неволи, по тому что Архіерей замахивался на него палкой, другую скрѣпилъ Подьячій Крыловъ, за устрашеніемъ Подьячаго Кирѣева, который сказалъ, что ежели онъ къ той выпискѣ не подпишется, и за то будетъ битъ плетьми, а Кирѣевъ показалъ, что этѣ выписки сочинялъ жившій при Архіерейскихъ кельяхъ Питиримъ, и по его же Приказу онъ принуждалъ Подьячего Крылова подписаться подъ выпиской. А кто подъ мнѣніями и сказками подписались, тѣмъ оныхъ мнѣній и сказокъ не читали, показывали только подпись Сильвестра, который подписался прежде всѣхъ властей. Въ слѣдъ за тѣмъ Волынскій излагаетъ подробно новыя стороны этого дѣла, изъ которыхъ видно, что мнѣніе Архіерейское также не право, какъ фальшивы составленныя имъ выписки (26 Іюля, 1740 г.). Такое же доношеніе послалъ онъ и въ Сенатъ.

Духовные слѣдователи, съ своей стороны, во всемъ оправдывали Волынскаго, и показывали, что замедленіе въ отсылкѣ дѣла

произошло въ слѣдствіе причинъ, объясненныхъ въ донесеніи Волынскаго. А на счетъ своихъ отношеній къ нему, будьто они ему и говорить не смѣютъ, писали, что они засѣдаютъ въ Губернской Канцеляріи съ нимъ, Губернаторомъ, обще, и какъ онъ безъ совѣту ихъ, такъ и они безъ его совѣту, ни чего не слѣдовали. Вмѣстѣ съ тѣмъ они просили Синодъ оборонить ихъ судомъ отъ клеветы Питиримовой, розыскать противъ того его ябедническаго затѣйнаго челобитья и допросить всю братію Спаскаго монастыря, каждаго порознь, подъ присягой: какую кому обиду и разореніе они учинили, по тому что изъ монастыря, кромѣ печенаго хлѣба и квасу, и то по усильной просьбѣ Келаря, они ни чего не брали. Доношеніе Волынскаго, съ слѣдствіемъ по дѣлу Салникѣева, они признали во всей силѣ.

Само собой разумѣется, что такой неожиданный оборотъ дѣла встревожилъ Волынскаго. Какъ бы онъ ни чувствовалъ себя правымъ въ обвиненіяхъ, которыя взводилъ на него Сильвестръ, но попасть подъ судъ ни для кого не бываетъ пріятно, а особенно это не могло быть пріятно для Волынскаго, которому открывалась при новой Государынѣ блестящая будущность. Чтобы понять всю неловкость его положенія, мы вернемся нѣсколько назадъ ко времени восшествія на престолъ Императрицы Анны, и посмотримъ, какія надежды развернуло передъ нимъ это событіе.

III.

Обстоятельства этого событія, мало извѣстныя въ своихъ подробностяхъ, очень извѣстны по своимъ главнымъ чертамъ, и по тому мы укажемъ только на тѣ частности, которыя имѣютъ отношеніе къ нашему дѣлу.

19 Генваря, 1730 года, отправлены были въ Митаву депутаты отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта съ предложеніемъ Русскаго престола Курляндской Герцогинѣ, Аннѣ, на нѣкоторыхъ условіяхъ.

Въ ночь съ 1 на 2 Февраля получено было согласіе Анны на принятіе Русскаго престола на предложенныхъ условіяхъ. [5]

---

[5] Въ дѣлахъ Волынскаго есть пункты, предложенные Императрицѣ, въ двухъ близкихъ одна къ другой редакціяхъ. Подъ одной изъ нихъ замѣчено: «И под-

Получивши согласіе Императрицы, Верховный Совѣтъ предложилъ подавать, кто захочетъ, свои заявленія о лучшемъ устройствѣ порядка въ новой формѣ правленія.

Такихъ заявленій подано было нѣсколько.

Одни изъ нихъ клонились къ тому, чтобы ограничить власть Верховниковъ; другія, чтобъ выиграть время до прибытія Императрицы, когда дѣла могли принять другой оборотъ. [6]

Во время этѣхъ волненій и борьбы партій, 11 Февраля прибыла въ Москву Императрица. Сторона, противная Совѣту, повела дѣла черезъ госпожъ, назначенныхъ въ штатъ новой Императрицѣ: это были жены лицъ, извѣстныхъ ей со стороны преданности, именно: Княгиня Черкаская, Графиня Салтыкова, Баронеса Остерманъ и жена Генерала Чернышова.

25 Февраля они успѣли подать Императрицѣ прошеніе, въ которомъ отъ имени народа просили ее объ установленіи такой формы правленія, которая признается по большинству голосовъ. Во время происшедшаго при этомъ смятенія во дворцѣ, Полковникъ гвардіи, Салтыковъ, вызвался привесть къ повиновенію сопротивляющихся

писано подъ сими пунктами Ея Величества собственною рукою тако: «Содержать посему, а ежели что противно учиню, то лишена буду Россійскія короны.» Подъ другой также находятся слѣдующія слова Императрицы: «Правда, что Богъ всѣмъ владѣетъ, и Онъ вложилъ въ сердца ваши такое попеченіе о мнѣ; однако жъ я тотъ поступокъ почитаю за великое ваше и всего народа усердіе ко мнѣ. И намѣреніе мое ко всему народу и къ вамъ, сколько Богъ мнѣ положитъ, всякую милость казать и во всемъ Отечеству моему пользы и благополучія искать.»

[6] Въ дѣлахъ Волынскаго есть два такихъ мнѣнія или заявленія. Одно въ девяти пунктахъ, подписанное 28 лицами, въ томъ числѣ двумя Головкиными, Макаровымъ, Шаховскимъ, Ст. Лопухинымъ, Черкаскимъ, Юсуповымъ, Чернышовымъ и Елагинымъ; другое въ десяти пунктахъ, безъ подписей, и еще девять пунктовъ, съ общимъ заглавіемъ: «Нынѣ обществомъ сочиняется.» Первый изъ пунктовъ этой послѣдней статьи касается образованія Сената и уничтоженія Верховнаго Совѣта. Какъ относятся этѣ заявленія къ мнѣніямъ Черкаскаго, Матюшкина и Гагарина, упоминаемымъ въ Запискахъ Дюка Лирійскаго, пока трудно рѣшить.

волѣ ея Величества. Императрица приняла его предложеніе и, приказавши присутствующимъ слушаться Салтыкова, написала на прошеніи: «По сему разсмотрѣть.» Но въ тотъ же день они выпросили новую аудіенцію, въ которой просили Императрицу о принятіи Самодержавія, уничтоженіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, и о возвращеніи Сенату прежняго значенія, какое онъ имѣлъ при Петрѣ, и чтобъ онъ состоялъ изъ 21 члена, Императрица приняла это предложеніе, и обѣщала все сдѣлать по желанію народа.

До Волынскаго въ Казань доходили только темные слухи объ этой перемѣнѣ; но скоро пришло извѣстіе довольно опредѣленное. У него въ Москвѣ былъ двоюродный братъ, Бригадиръ, въ послѣдствіи Нижегородскій Вице-Губернаторъ, Иванъ Михайловъ Волынскій, который письмомъ, отъ 1 Марта, увѣдомилъ его о Московскихъ смутахъ. Слѣдующія строки его къ Волынскому составляютъ собственно приписку къ письму, которое само не имѣетъ ни какого значенія.

«Здѣсь дѣла дивныя дѣлаются. По кончинѣ Его Величества выбрали Царевну Анну Ивановну, съ подписаніемъ пунктовъ, склонныхъ вольности, и чтобы быть въ правленіи Государства Верховному Совѣту восьми персонамъ, а въ Сенатѣ одиннадцати. И въ ономъ спорили больше Шляхетство, чтобы быть въ Верховномъ Совѣтѣ двадцати одной персонѣ, и выбирать оныхъ балтированіемъ, а большіе не хотѣли онаго, чтобы по ихъ желанію было восемь персонъ. И за то Шляхетство подали челобитную Ея Величеству, чтобы быть въ двадцати одной персонѣ, и оная челобитная Ея Величества собственною рукою тако: «По сему разсмотрѣть,» и потомъ ея и оную челобитную изволила отдать Князь Алексѣю Михайловичу Черкаскому. И съ Шляхетствомъ подавалъ челобитную Князь Алексѣй Михайловичъ, и потомъ за опасностію Шляхетство подали челобитную другую Ея Величеству, чтобы соизволила принять суверенство, и тако учинилась въ суверенствѣ, и присягу вторично сдѣлали, а оное дѣлалъ все Князь Алексѣй Михайловичъ и Генералитетъ съ нимъ и Шляхетство, и что изъ того будетъ впредь, Богъ знаетъ. Нынѣ въ великой силѣ Семенъ Андрѣевичъ Салтыковъ, того ради извольте быть извѣстны, и живетъ онъ въ верху, и ночуетъ при Ея Величествѣ: я разумѣю, что вамъ надобно его просить о пере-

мѣнѣ чину; извольте ко мнѣ отписать, какъ вы намѣрены, въ Сенатѣ быть или Губернаторомъ, а Верховнаго Совѣту не будетъ, будетъ одинъ Сенатъ, такъ какъ при первомъ Императорѣ было, понеже о томъ просили Государствомъ Ея Величеству. Не худо Гаврилу Ивановичу и дѣтямъ его, а я Семену Андрѣевичу, слегка о васъ упоминалъ, о перемѣнѣ чину, только ты ему о семъ не пиши, что я ему упоминалъ о васъ; извольте ко мнѣ отписать о своемъ намѣреніи, чтобы я могъ знать, гдѣ прилучится, говорить объ васъ; а большіе въ великомъ подозрѣніи и въ стыдѣ обрѣтаются двѣ фамиліи, и съ ними Матюшкинъ, Измайловы, Еропкинъ, Шуваловъ, Наумовъ, Дмитріевъ, Матвѣй Воейковъ, и такова дива отъ начала не бывало.»

Волынскому льстила эта перемѣна тѣмъ, что родной дядя его, Семенъ Андрѣевичъ Салтыковъ, благодаря волнамъ смятенія, попалъ на ступени трона. Слѣдовательно, интересъ Салтыкова въ его глазахъ сливался съ интересами Императрицы и вмѣстѣ съ его собственными интересами.

Волынскому самому хотѣлось заявить хоть чѣмъ ни будь участіе къ дѣламъ торжествующей стороны. Случай скоро доставилъ ему къ этому способъ.

Какой-то Бригадиръ Козловъ, прибывши въ Казань, началъ распускать слухи о Московской перемѣнѣ; но, по видимому, онъ зналъ только начало дѣла, а не зналъ ему конца, о которомъ ужь былъ увѣдомленъ Волынскій, и по тому попалъ въ просакъ. Волынскій сдѣлалъ на него доносъ Салтыкову, прикрываясь защитникомъ возмущаемаго имъ общественнаго спокойствія и порядка.

16 Марта онъ послалъ къ Салтыкову письмо съ увѣдомленіемъ о распускаемыхъ Козловымъ слухахъ:

«Возвратясь сюды изъ Москвы И. К. (Иванъ Козловъ) въ великую печаль враньемъ своимъ привелъ меня. Сказавъ порядокъ прошедшаго опредѣленія, которое такъ похвалилъ, что теперь у насъ прямое правленіе Государства стало порядочное, какова нигдѣ не бывало, и нынѣ уже прямое теченіе дѣламъ будетъ, и что

уже больше Бога не надобно просить, кромѣ чтобъ только между главными согласіе было. А естьли будетъ между ими согласіе такъ какъ положено, то, конечно, ни кто сего опровергнуть не можетъ.

Есть, де, нѣкоторые бездѣльники, которые трудятся и мѣшаютъ, однако жъ ничего не сдѣлаютъ, а больше-де всѣхъ мудрствуютъ съ своею партишкою Князь Алексѣй Михайловичъ. Однако жъ-де ничего не успѣваютъ и не сдѣлается.

И о Государынѣ Императрицѣ такъ положено: что хотя въ маломъ въ чемъ не такъ будетъ поступать, какъ ей опредѣлено, то ее, конечно, вышлютъ назадъ въ Курляндію, и для того будь она довольна тѣмъ, что она Государыня Россійская: полно, де, и того. Ей же, де, опредѣляютъ на годъ 100,000, и что тѣмъ ей можно довольной быть, понеже, де, дядя ея, Императоръ, и съ теткою ея довольствовался только 60,000 въ годъ, а сверхъ того не повинна она брать себѣ ни чего, развѣ съ позволенія Верховнаго Тайнаго Совѣта; такъ же, де, и деревень ни какихъ, ни денегъ не повинна давать ни кому, и не токмо того, ни послѣдней табакерки изъ Государевыхъ сокровищъ не можетъ себѣ вовсе взять, не только отдавать кому, а что надобно ей будетъ, то будутъ давать ей съ росписками.

А всего, де, лучше положено, чтобъ ей при дворѣ своемъ отъ нихъ свойственниковъ своихъ не держать, а и другихъ ко двору ни кого не брать, кромѣ развѣ кого ей позволятъ Верховной Тайный Совѣтъ; и теперь, де, Салтыковыхъ и духу нѣтъ, и лучше, де. Твой дядюшка, Сильвестръ Алексѣевичъ, — ничто; и впредь ни кого не допустятъ, и нельзя статься, чтобъ имъ быть въ чемъ. И что она сдѣлана Государынею, и то, де, только на первое время, помазка по губамъ.

Потомъ, когда присланъ курьеръ для возвращенія первыхъ присягъ, онъ, услышавъ, тотчасъ ко мнѣ пріѣхалъ и съ великою печалью спрашивалъ: что за перемѣна? Я ему сказалъ, что я надѣюся, что Государыня можетъ быть изволила вступить въ Самодержавство, такъ какъ прежде у насъ было.

Противъ того онъ мнѣ сказалъ: Я, де, не вѣрю, что такъ сдѣлалось. Понеже-де партишка зѣло безсильна была, и я, де, больше думаю, что она вонъ выгнана; а буде, де, такъ, какъ прежде было, такъ развѣ уже и Фелдмаршалы тѣ ничто будутъ? А потомъ сказалъ: Что для меня, де, хотя такъ, хотя сякъ, все равно, только бъ, де,уже одинъ конецъ былъ.

И понеже извѣстно Вашему Превосходительству, что онъ очень не глупъ, и для того если бы совершенной надежды не имѣлъ, какъ бы ему такъ смѣло говорить? И говорилъ не пьяной. Боже сохрани какой перемѣны, чего весьма надобно опасаться и осторожно поступать, а я зѣло боюся, и теперь не вовсе увѣряюся, чтобъ все было успокоено. Не допусти, Боже, ежели какое несчастіе сдѣлается и отмѣна Ея Величеству, то мы совсѣмъ пропадемъ, и по истиннѣ духъ нашъ не спасется.»

Салтыковъ, получивши это письмо, просилъ Волынскаго прислать ему формальное донесеніе о Козловѣ, чтобы разслѣдовать дѣло законнымъ порядкомъ:

«Письмо ваше, Государя моего, писалъ онъ Волынскому, писанное въ Казанѣ Марта 16 дня, я получилъ. И при томъ письмѣ вѣдомость о Бригадирѣ Иванѣ Козловѣ, какіе онъ по пріѣздѣ изъ Москвы въ Казань имѣлъ разговоры о порядкахъ Московскихъ. И нынѣ Ея Императорское Величество изволила указать къ тебѣ нарочнаго курьера послать, чтобъ прислать съ нимъ въ Москву, при письмѣ своемъ, доношеніе противъ присланной ко мнѣ вѣдомости объ ономъ Козловѣ: какіе онъ имѣлъ по пріѣздѣ своемъ въ Казань разговоры о здѣшнемъ Московскомъ обхожденіи, и при томъ кто былъ, какъ онъ съ вами разговаривалъ, чтобъ произвесть въ дѣйство можно было. И онаго курьера извольте отправить въ Москву немедленно. А буде оной Козловъ безотлучно будетъ въ Казанѣ, то оному Козлову объявлять не извольте. А буде куды станетъ изъ Казани отъѣзжать, то извольте ему объявить Ея Императорскаго Величества Указомъ, чтобъ онъ безъ Указу изъ Казани никуды не ѣздилъ. (Апрѣля 8 дня, 1730 года).»

Волынскій отвѣчалъ, что онъ должностнаго доноса не пришлетъ, по тому что считаетъ неприличнымъ для порядочнаго человѣка и Русскаго Дворянина вступать въ подобные доносы:

«Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя, письмо изъ Москвы 8 Апрѣля и при томъ приложенную копію получилъ. Что же, Милостивый Государь, изволите писать, чтобъ мнѣ противъ приложенной копіи прислать доношеніе, дабы по тому въ дѣйство можно было произвести, на оное симъ моимъ всенижайше отвѣтствуя доношу.

Служить Ея Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшей Государынѣ, такъ какъ бы самому Богу, я и по должности и по совѣсти долженъ. При томъ же и предостерегать, конечно, повинность моя, не только что къ высокой Ея Императорскаго Величества пользѣ касается, но и партикулярно къ сторонѣ Вашего Превосходительств надлежитъ служить мнѣ, какъ свойственникуа и милостивому моему благодѣтелю, за толикіе ваши ко мнѣ отеческіе милости.

А чтобъ, Милостивой Государь, мнѣ доносить и завязыватца съ бездѣльниками, извольте отечески по совѣсти разсудить, сколь то не токмо мнѣ, но и послѣднему Дворянину, прилично и честно дѣлать. И понеже ни дѣдъ мой, ни отецъ никогда въ доносчикахъ и въ доносителяхъ не бывали, а и мнѣ какъ съ тѣмъ на свѣтъ глаза мои показать? Извѣстно Вашему Превосходительству, Милостивому Государю, что я съ робятскихъ лѣтъ моихъ при васъ жилъ и до сего времени большую половину вѣка моего прожилъ такъ честно, какъ всякому доброму человѣку надлежало, и тѣмъ нажилъ нынѣшнюю честь мою, и для того лутче съ нею хочу умереть, хотя и лутче не буду того, каковъ теперь есмь, нежели послѣдній мой вѣкъ доживать мнѣ въ пакостномъ и поносномъ званіи, въ доносчикахъ. Не спорю въ томъ, что противно: но понеже я пишу къ Вашему Превосходительству такъ властно, какъ бы къ родителю моему, столько смѣло и надежно, что я не имѣю ни въ чемъ ни опасности, ни зазрѣнія ни какова. Противу же того и Вашему Превосходительству, Милостивому Государю, надобно и ко мнѣ поступать, какъ къ сыну своему, а по крайней мѣрѣ какъ къ родному племяннику, какъ я и надѣюся.

Однако жъ не прогнѣвайся, Милостивой Государь, отецъ, мнѣ мнитца въ такихъ дѣлахъ не только для меня, свойственника вашего,

но и для протчихъ доброжелательныхъ Ея Императорскому Величеству, всеконечно ненадобно такъ остро поступать, понеже впредь изволите всякому къ предосторожности путь загородить. Изволите сами разсудить, кто отважитца честный человѣкъ итить въ очныя ставки и въ прочія пакости, развѣ безумной, или уже ни къ чему непотребной. Понеже и лучшая ему удача, что онъ прямо докажетъ, а останется самъ и съ правдою своею вѣчно въ безчестныхъ людехъ, и не только кому, но и самому себѣ, потомъ мерзокъ будетъ.

Впрочемъ, все сіе предаю въ ваше, Милостиваго Государя, здравое и милостивое разсужденіе, и при томъ, уповая на ваше великодушіе, всенижайше прошу впредь содержать меня въ своей истинной отеческой милости, какъ вѣрнаго вашего раба и племянника, въ чемъ я всегда имѣю крѣпкую мою надежду, и тако пребуду съ должнѣйшимъ почтеніемъ и вѣрностію.» [7]

---

[7] Къ этому письму, или къ другому изъ писемъ этого времени, приложена была записка Волынскаго о затѣваемой въ Москвѣ перемѣнѣ формы правленія:

«Слышно здѣсь, что дѣлается у васъ, или уже и сдѣлано, чтобъ быть у насъ Республикѣ.

Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже, сохрани, чтобъ не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго Государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій, и такъ мы, Шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными, какъ бы согласно ни было, однако жъ впредь, конечно, у нихъ безъ разборовъ не будетъ; и такъ одинъ будетъ миловать, а другіе, на того яряся, вредить и губить станутъ.

Второе, понеже народъ нашъ наполненъ трусостію и похлѣбствомъ, и для того, оставя общую пользу, всякъ будетъ трусить и манить главнымъ персонамъ, для бездѣльныхъ своихъ интересовъ, или страха ради. И такъ хотя бы и вольныи всего общества голосы требованы въ правленіи дѣлъ были, однако жъ бездѣльные ласкатели всегда будутъ то говорить, что главнымъ надобно; а кто будетъ правду говорить, тѣ пропадать станутъ, понеже уже всѣ совѣты тайны быть не могутъ. К тому же главные для своихъ интересовъ будутъ прибирать къ себѣ изъ мелочи больше партизановъ, и въ чьей партіи будетъ больше голосовъ, тотъ что захочетъ, то и станетъ дѣлать, и кого захотятъ, того выводить и производить станутъ, а безсильной, хотя бъ и достойной былъ, всегда назади оставаться будетъ.

Салтыкову эта уклончивость показалась сомнительною, и неумѣстною. Онъ написалъ къ Волынскому, что ужь если начали дѣло, то надо его и вести.

«Письмо ваше, Государя моего, которое писано въ Казанѣ Апрѣля 25 дня, я получилъ, за которое благодарствую. Что же изво-

---

Третіе, не допусти Боже, если война на насъ будетъ, и въ то время потребно расположить будетъ обществомъ или рекрутской наборъ, или прочій какой сборъ для пользы и обороны Государства, для того надлежитъ тогда всякому понести самому на себѣ для общей пользы нѣкоторую тягость, въ томъ голосовъ сообразить ни какъ не возможно будетъ, и что надобно сдѣлать и расположить въ недѣлю, того въ полгода, или въ годъ, не сдѣлаютъ; а что и положено будетъ, то будетъ на главныхъ всегда въ доимкахъ, и мы, средніе, одни будемъ оставатца въ платежахъ и во всѣхъ тягостяхъ.

Четвертое, если Офицеры передъ штатскими не будутъ имѣть лишняго почтенія и воздаянія, то и послѣдняя пропадетъ у тѣхъ къ военной служаѣ охота, понеже страха надъ ними такова, какой былъ, чаю, не будетъ.

Еще же слышно, что дѣлается воля къ службѣ; и правда, что въ неволю служить зѣло тяжело. Но ежели и вовсе волю дать, извѣстно вамъ, что народъ нашъ не вовсе честолюбивъ, но паче лѣнивъ и нетрудолюбъ, и для того если нѣкотораго принужденія не будетъ, то, конечно, и такіе, которые въ своемъ домѣ ѣдятъ одинъ ржаной хлѣбъ, не похотятъ черезъ свой трудъ получать ни чести, ни довольной пищи, кромѣ что всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ, развѣ останутца одни холопи и крестьяне наши, которыхъ принуждены будемъ производить, и съ тое чести надлежащіе мѣста отдавать имъ, и такихъ на свою шею насажаемъ непотребныхъ, отъ которыхъ впредь самимъ намъ мѣста не будетъ, и весь воинской порядокъ у себя, конечно, потеряемъ. Притомъ же подъ властью такихъ командировъ, Боже, сохрани, такъ испотворованы будутъ солдаты, что злѣе стрѣльцовъ будутъ. И какъ можетъ команду содержать, или отъ какихъ шалостей унять, одному Генералитету, естьли въ полкахъ не будетъ добрыхъ Офицеровъ?

Еще же и то, ежели изъ арміи изъ рядовыхъ выпущено будетъ подлое Шляхетство, то уже имъ трудами своими отъ земли питать себя не привыкнуть, для того развѣ рѣдкой будетъ получать хлѣбъ свой отъ своихъ трудовъ, а протчіе большая часть разбоями и грабежами прибылей себѣ искать станутъ, и воровскіи пристани у себе въ домѣхъ держать будутъ; и для того хотя бъ и выпускалъ, однако жъ, по моему мнѣнію, развѣ съ такимъ разсмотрѣніемъ, чтобъ за кѣмъ было 50, а по послѣдней мѣрѣ 30 дворовъ, да и то, чтобъ онъ нѣсколько лѣтъ выслужилъ, и молодые и шаткіе свои лѣта пробылъ подъ страхомъ, а не на своей волѣ прожилъ.

лите писать въ томъ своемъ письмѣ, что я по прежнему вашему письму (и при томъ письмѣ вѣдомость была кому о томъ вѣдать надлежало), я сообщилъ, а не сообщить было мнѣ ни какъ нельзя. Понеже, уповая я на то, что вы, Государь мой, изволили писать ко мнѣ, и я думалъ, что писали вы очень благонадежно, что слѣдъ какой покажется отъ васъ. А какъ нынѣ по письмамъ отъ васъ вижу, что показать вамъ нельзя, на чтобъ такъ ко мнѣ и писать, понеже и мнѣ не очень хорошо, что и я вступилъ, а ни чего не сдѣлалъ. И будто о томъ приносилъ я напрасно, а то все пришло чрезъ письмо отъ васъ ко мнѣ, понеже вы изволили писать, что онъ говорилъ при многихъ другихъ, а не одному, и я, на то смотря, и доносилъ, и то стало быть и мнѣ не хорошо, что будто не право я сказывалъ, и по тому видно, что лучше бъ вамъ того не писать, что при многихъ сказывалъ, а послѣ по письмамъ не такъ обошлось. Того ради я совѣтую лучше противъ прежняго письма извольте отписать, какіе онъ имѣлъ разговоры съ вами, чтобъ можно было произвесть въ дѣйство. Понеже, какъ для васъ, такъ и для меня, что о томъ уже коли вступили, надобно къ окончанію привесть. Что же изволите причитать, что вамъ будетъ не хорошо, и то напрасно такъ разсуждается, худо бы къ вамъ ни какое не причтется, развѣ причтетъ тотъ, которой доброй совѣсти не имѣетъ. При томъ же прошу не оставить въ письмахъ о своемъ здоровьѣ. Что же ко услугѣ вашей ко мнѣ надлежитъ, истинно со всякою охотою готовъ.»

Отвѣтъ Волынскаго на это письмо раскрываетъ предъ нами побужденія, которыми онъ руководствовался во всемъ этомъ дѣлѣ. Мы не вдаемся въ разбирательство этѣхъ побужденій, представляя читателю самому судить о достоинствѣ дѣйствій Волынскаго.

«Вашего Превосходительства, Милостиваго Государя, письмо, писанное въ Москвѣ прошедшаго 20 Мая, я чрезъ человѣка моего здѣсь въ цѣлости принять получилъ, въ которомъ изволите, Милостивой Государь, совѣтовать мнѣ, чтобъ я о извѣстномъ дѣлѣ прислалъ доношеніе, и при томъ изволите нарекать на меня и причитать себѣ за противно то, что вы изволили высокой персонѣ сообщить, въ той надеждѣ, что на то будетъ прислано письменное доказательство, на которое симъ моимъ всепокорно отвѣтство доношу.

Хотя меня изволите осуждать, что я къ Вашему Превосходительству писалъ, однако я не сумнѣваюсь о томъ, понеже по должности моей надобно мнѣ было такъ сдѣлать, а на Ваше Превосходительство я не нарекаю. Если только одной той персонѣ изволили сообщить, кому надлежало, мнѣ разсудилось, что должность моя была къ вамъ писать, и вамъ, конечно, надобно было о томъ сообщить той персонѣ, повѣря мнѣ, что я не лгу и не затѣю, въ чемъ и теперь изволите мнѣ повѣрить. А что изволите себѣ причитать въ худобу, что тѣмъ изволили вызваться, и то, Милостивый Государь, мнѣ кажется изволите мыслить напрасно, понеже я не солгу и не затѣю отъ себя, и для того не только нынѣ, и впредь отъ того, что писалъ, не отопруся никогда, но все какъ было не отрекаюся подробно самъ донесть, да только приватно, а не публично.

А чтобъ, Милостивой Государь, мнѣ доношенiи подавать, и въ доказательствахъ на очныхъ ставкахъ быть, не только самъ добровольно не хочу, ни другу моему никому не совѣтовалъ бы. Понеже, по моему слабому мнѣнiю, мнѣ такъ разсудилось, что то всякому Дворянину противу его чести будетъ; а что престерегать и охранять, то, конечно, всякому доброму человѣку надобно, и я по совѣсти моей и впредь не зарекаюся то жъ сдѣлать, если что противное увижу, или услышу.

Повѣрь мнѣ, Милостивой Государь, ежели бъ я вѣдалъ тогда, что такъ будетъ, какъ уже нынѣ по благости Господней видимъ, по истиннѣ я бы, не смотря на то, хотя бъ кто лучше меня былъ, конечно, и здѣсь бы начало дѣла произвелъ явнымъ образомъ; и то бъ мнѣ приличнѣе было, да не зналъ, что такое благополучiе намъ будетъ.

И вправду донесть имѣлъ къ тому не малой и резонъ; но, понеже и тогда еще дѣло на балансѣ было, для того боялся такъ смѣло поступать, чтобъ мнѣ за то самому не пропасть. Понеже прежде нежели покажетъ время, трудно угадать совершенно, что впредь будетъ. И для того, Милостивой Государь, всякому свою осторожность имѣть надобно столько, чтобъ себя и своей чести не повредить.

Буде же сей мой поступокъ извѣстная персона изволитъ принять за противно, я всепокорно прошу милостиво меня экскузо-

вать и отечески разсудить: весьма я на Ваше Сіятельство, какъ на родителя моего, благонадеженъ пребываю, и тако остаюсь съ должнымъ моимъ почтеніемъ и вѣрностію.»

Можно судить, какъ пріятенъ былъ для Волынскаго благопріятный оборотъ дѣла Императрицы, и какъ въ немъ разыгривались честолюбивыя мечты, въ виду такого блестящаго положенія, какое выпало на долю его дядюшки. Съ своей стороны и онъ успѣлъ заявить свою преданность и, безъ сомнѣнія, ожидалъ, что она оцѣнена будетъ, кѣмъ слѣдуетъ, по достоинству.

Вѣрный братецъ сообщалъ ему изъ Москвы о всѣхъ перемѣнахъ въ положеніи дѣлъ и лицъ, чтобы зналъ, къ кому и какъ относиться:

«О Князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, писалъ онъ къ нему 7 Іюля, здѣсь ни чего не слышать, и думаю, что не правда только; у нихъ, у Семена Андрѣевича и у протчихъ Россіянъ, съ Нѣмцами не согласно; только Юсуповъ съ Нѣмцами мало имѣетъ, а паче съ Остерманомъ; только они сильны Бирономъ, которой нынѣча Оберъ-Камергеромъ, нынѣча и всѣхъ Нѣмцовъ двое Левольдовъ (Левенвольдовъ) да и Остерманъ и Биронъ, да еще Курляндцовъ двое и, сверхъ того, введены и Остерманомъ изъ его служителей двое въ пажи, и сколько нашимъ ни думать, я чаю, что ихъ не пересилѣютъ.»

И вдругъ, во время самаго разгара надеждъ и предположеній, на Волынскаго обрушилось пренепріятное дѣло Казанскаго Архіерея, Сильвестръ жилъ въ Москвѣ и, прикрываясь старостію и саномъ, могъ безнаказанно взвести на него всякую небылицу, оболгать всякими злодѣйствами, какія тому и въ мысль не приходили. Волынскій приходилъ въ ярость отъ этой нежданной тяжбы, которая никогда не была меньше кстати, чѣмъ теперь, когда ему только что открывались виды, когда онъ надѣялся выйти въ люди.

Само собой разумѣется, что это не было пріятно и Салтыкову, котораго всѣ знали, какъ родственника Волыскому, и который волей, неволей, долженъ былъ принять участіе въ племянникѣ.

Салтыковъ вылилъ всю свою желчь въ письмѣ къ Волынскому, которое онъ послалъ въ отвѣтъ на извѣстіе его о положеніи Казанскаго дѣла:

«Письмо ваше, Государя моего, отъ 30 дня Іюля, писалъ къ нему Семенъ Александровичъ Салтыковъ, я получилъ. Въ которомъ изволите упоминать, что въ нынѣшнемъ году, при Указѣ изъ Синода, прислано въ Казанскую Губернскую Канцелярію, для изслѣдствія, драное дѣло, да двѣ выписки по доносу Казанскаго Спаскаго монастыря Архимандрита Іоны, что нынѣ разстрига Іосифъ, на Казанскаго Митрополита Сильвестра, въ неприниманіи исковыхъ челобитенъ. Да по тому жъ доносу для слѣдствія прислано было драное жъ дѣло Ундеръ-Офицера Саморокова на крестьянъ Архіерейскихъ въ безчестьѣ. Тако жъ велѣно слѣдовать о похищеніи церковныхъ и монастырскихъ вещей онымъ бывшимъ Архимандритомъ. И по вашему слѣдствію является и можетъ сыскаться, что оной Архіерей во многомъ виноватъ будетъ. И онъ, Архіерей, подалъ на васъ доношеніе въ подозрѣніи въ томъ дѣлѣ, и въ обидахъ, и въ разореніи. О чемъ присланы отъ васъ доношеніи, одно съ Синодъ, другое въ Сенатъ. На которое вамъ, моему Государю, доношу, что отъ Казанскаго Архіерея на васъ въ обидахъ къ служителемъ дому Архіерейскаго и въ протчемъ, также и монастырямъ Казанской Епархіи, при доношеніи пункты въ Синодъ поданы, а нынѣ уже изъ Синода и въ Сенатъ взнесено. А мнѣ кажется, Государь мой, лучше жить посмирнѣе. Что изъ того прибыли, что много жалобы происходитъ. И такъ кромѣ Архіерея жалуются много и толкуютъ о васъ не очень хорошо. Пожалуй, изволь меня послушать и жить посмирнѣе. Лутче вамъ будетъ самимъ. А какъ Казанской Архіерей свѣдалъ, что вы мнѣ свои, то тотчасъ пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ, что истинно, де, я не зналъ того, что Артемей Петровичъ свой тебѣ, а то бъ ни о чемъ просить не сталъ. Хотя бъ, де, и обидно было, лучше бъ могъ вытерпѣть. О чемъ кому надлежало, и я о томъ дѣлѣ говорилъ. Да онъ же, Казанской Архіерей, въ письмѣ своемъ, которое подалъ мнѣ сего Іюля 20 дня, въ которомъ просилъ, чтобъ я до васъ, Государь мой, писалъ и просилъ, что больше оной Архіерей бить челомъ не будетъ и броситъ такъ: и просилъ меня, чтобъ вы къ нему были по прежнему благопріятны и содержали въ дружбѣ. И хочетъ изъ Москвы оной Архіерей отъѣзжать скоро

въ Казань. Того ради, пожалуй, оставь все и живи съ нимъ посмирнѣе! При томъ же прошу впредь не оставить меня въ письмахъ. Вашъ, Государя моего, покорный слуга Семенъ Салтыковъ. 30 дня, 1739. Въ селѣ Измайловѣ.

Но приписка дороже письма:

«И не знаю, для чего такъ вы, Государь мой, себя въ людехъ озлобили, что сказываютъ до васъ доступъ очень тяжелъ, и мало кого до себя допускать изволите, и это не очень хорошо, можно и оставить.

Которые на васъ пункты подалъ Архіерей, и ежели то правда, что показано въ пунктахъ, истинно мнѣ очень удивительно. Съ какимъ опредѣленіемъ ты изволилъ дѣлать? Не токмо чтобъ поступать такъ, и стыдно слушать, какъ будутъ честь. Я не знаю, какъ изволишь такъ строго поступать. А я вѣдаю, что друзей вамъ почти нѣтъ и никто съ добродѣтелью о имени вашемъ помянуть не хочетъ. Я какъ слышалъ, что обхожденіе ваше въ Казанѣ съ такимъ сердцемъ, и на кого осердишься, велишь бить при себѣ, такъ же и самъ изъ своихъ рукъ бьешь. Что въ томъ хорошаго, и съ такимъ сердцемъ на што поступалъ и всѣхъ озлобилъ? Я напредь сего до васъ, Государя моего, писалъ, чтобъ вы прислали доношеніе противъ прежнихъ своихъ писемъ. На что изволили ко мнѣ писать: «какъ, де, я покажу себя въ люди доносителемъ? А мнѣ кажется, что развѣ кто не можетъ разсудить, чтобъ тебя могъ этѣмъ порекать. А нынѣ сами то себя показали присланныя ваши два доношенія на Архіерея. Въ которыхъ ни мало какого дѣйства въ тѣхъ доношеніяхъ, только что стыдно отъ людей, какъ будутъ слушать. Мнѣ сему очень удивительно, что такъ изволите поступать строго, безъ пути, и какую надежду изволите имѣть? Пожалуй, изволь жить посмирнѣе! Истинно лучше будетъ. А присланная отъ васъ челобитная объ отпускѣ въ Москву подана въ Сенатъ, для того что изъ Сената докладъ сдѣлаютъ. А безъ того обойтиться ни какъ нельзя.»

Волынскій старался расположить дядю въ свою пользу и воспользовался для этого представившимся случаемъ сдѣлать ему услугу по дѣламъ его въ Казанскомъ имѣніи. Салтыковъ, получивши

увѣдомленіе объ этомъ, выразилъ ему свою благодарность и готовность помогать по дѣлу съ Архіереемъ, чѣмъ будетъ въ состояніи:

«Письмо ваше, Государя моего, отъ 11 сего Августа, я получилъ 27 числа. Въ которомъ изволите писать: объ моемъ заводѣ подана въ Казанѣ челобитная именемъ Ѳедора Самойлова, что заводится вновь заводъ, а дачи общіе не размежованы и чтобъ освидѣтельствовать то мѣсто, чтобъ впредь спору отъ кого не было бъ: и для того изволили послать Маіора Чемодурова; такъ же и лѣсъ расчищали мои крестьяне одни, и въ томъ сосѣдямъ всѣмъ подписаться, и впредь будетъ крѣпко. Да что били челомъ вамъ, Государю моему, крестьяне на прикащика въ работѣ, изволили приказать розыскать. И за оное вамъ, Государю моему, благодарствую, и впредь прошу не оставить онаго заводу, и полагаюсь на ваше, Государя моего, разсужденіе, какъ лучше. Также изволите писать, что отправили ко мнѣ двухъ лошадей, и которая мнѣ нравна будетъ, взять мнѣ себѣ, и какъ ихъ приведутъ, я, Государь мой, ихъ посмотрю. При томъ же изволите писать о Казанскомъ Архіереѣ, что вымышленно васъ поносилъ, и подалъ на васъ подозрѣнія, и на то изволили ко мнѣ прислать экстрактъ, въ которомъ показано, что оной Архіерей ростригу Салникѣева погубилъ напрасно и нагло, что, по вашему нынѣшнему слѣдствію, все то сдѣлано напрасно и безвинно, и для того на васъ и затѣвалъ нарочно, чтобъ тѣмъ подозрѣніемъ до слѣдствія не допустить, и обще съ прочими духовными опредѣленными персоны слѣдовали. И по тому я нынѣ узналъ, что оной Архіерей по злобѣ на васъ то производитъ. Однако жъ, правда вѣдаю, что пустошъ, и этого вамъ дѣлать я ни какъ не чаю, что онъ показываетъ: только покамѣстъ можете оправдаться, а что обнесено такими злыми неправыми поступки, то не скоро выправиться можете; что моя возможность допустила, истинно служилъ, и впредь что возможно со всякою ревностію готовъ. И такъ Архіерей у меня былъ, и я ему говорилъ, чтобъ онъ въ томъ осмотрѣлся, что онъ сказываетъ и пишетъ на васъ напрасно лишнее, и онъ пошелъ отъ меня съ сердцемъ, что я ему противно говорилъ. Однако жъ, сколько возможно, извольте осмотрительно и осторожно охранять себя, какъ отъ Архіерея, такъ и отъ другихъ. Я вижу здѣсь, сколько вамъ не друзей, на сколько друзей, что вы и сами извѣстны, а я воистинну, сколько могу, васъ охраняю. Однако

жъ трудно противъ многихъ охранять. Также говорилъ мнѣ Князь Григорій Дмитрѣевичъ, что отъ васъ ни какихъ репортовъ и вѣдомостей въ Военную Коллегію въ присылкѣ нѣсколько времяни нѣтъ, и говорилъ мнѣ, чтобъ, де, я вамъ объ этомъ сказывалъ, и буду терпѣть нѣсколько времени, и буде въ присылкѣ не будетъ, то сказалъ, что будетъ о томъ репортовать въ Сенатъ, и прежде онъ мнѣ о томъ еще говорилъ, и я вамъ писалъ, токмо отповѣди отъ васъ не было; извольте въ этомъ осмотрѣться, и репорты присылать, и вамъ это не хорошо, какъ будетъ о томъ репортовать въ Сенатъ.»

Волынскій написалъ также просительное письмо къ Князю Г. А. Урусову, на которое тотъ отвѣчалъ готовностію сдѣлать что можно будетъ въ его пользу:

«Благопріятнѣйшее ваше, моего Государя, письмо, писанное въ Казанѣ сего Августа 12 дня, я вчерашній день получилъ, которое видѣвъ, конечно надобно мнѣ говорить съ Семеномъ Андрѣевичемъ и съ протчими, токмо еще никого не видалъ.

Зѣло мнѣ дивно, что вы, не опробовавъ моей къ вамъ въ дружбѣ отмѣны, да писать ко мнѣ не изволилъ и не сообщилъ ко мнѣ прежде, какъ нынѣ изъ письма твоего вижу, и не зналъ я, что по навѣтамъ Архіерейскимъ объ тебѣ дѣлать; токмо слышавъ отъ него, во многомъ вѣрилъ, а нынѣ вижу ваше оправданіе; что же объявлялъ онъ другое, чему ни какъ вѣрить нельзя, и для того говорилъ я со многими, чтобъ о томъ розыскалъ, а нынѣ изъ письма вашего увидѣвъ, [8] и знавъ я о здѣшнемъ, конечно, надобно быть слѣдованію между вами въ Казани; токмо того буду смотрѣть, чтобъ посланъ былъ человѣкъ доброй и не глупой, а паче чтобъ исправилъ безъ похлѣбства.»

Но всю свою досаду Волынскій излилъ въ письмѣ къ Нижегородскому Архіепископу Питириму:

---

[8] «Слышалъ я отъ членовъ Военной Коллегіи, что долгое время отъ тебя репортовъ не имѣется и уже хотятъ на тебя протестовать въ Сенатѣ, въ чемъ изволь остерегаться.»

«Я не мню, чтобъ не было отъ кого ни будь здѣшнему Архіерею похлѣбства (отъ вашихъ персонъ), понеже видно, что и дѣло драное Саморокова, о которомъ доносилъ на него Салникѣевъ, въ ту мѣру взято назадъ, чтобъ все то уничтожить; а ежели прямо слѣдовать, то конечно удобнѣе сыскать истинну сдѣсь, нежели въ Москвѣ, понеже тѣ всѣ обрѣтаются сдѣсь, которые подавали ему, Сильвестру Митрополиту, челобитные, писанные на имя Императорскаго Величества, а онъ, Архіерей, за то бранилъ ихъ и челобитенъ тѣхъ не принималъ, а иные и дралъ, и велѣлъ писать на свое имя. А понеже въ томъ Указѣ, по которому велѣно назадъ прислать оное дѣло, не только того не написано, чтобъ тѣхъ подавателей челобитенъ допросить, но еще и запрещено имянно, чтобъ по тому дѣлу ни чего не чинить, какъ же то стало не самое похлѣбство, и какъ такъ смѣло въ Указѣхъ къ намъ пишутъ о такихъ важныхъ дѣлахъ, о какихъ надлежало было понуждать, чтобъ то сыскивать, а не воспрещать?

А понеже блаженныя и вѣчно достойныя славныя памяти Императоръ и отецъ нашъ, какъ вамъ извѣстно, въ ту мѣру сочинилъ Святѣйшій Синодъ, чтобъ тутъ была святая истинная правда (гдѣ, конечно, и надобно и быть), а когда тутъ въ Канцеляріи, помѣщается, то уже въ нашихъ свѣтскихъ Канцеляріяхъ и весьма пропадетъ, понеже намъ надобно взирать на васъ, начальниковъ Вѣры.»

Сильвестръ въ своей тяжбѣ имѣлъ передъ Волынскимъ ту выгоду, что жилъ въ Москвѣ и могъ, по связямъ съ разными духовными и свѣтскими вліятельными лицами, во время поправить дѣло, и дать ему такое направленіе дѣлу, какое было для него лучше.

Изъ Казани написали ему, что Волынскій подыскивается подъ него, забираетъ разныхъ людей Архіерейскаго вѣдомства въ Губернскую Канцелярію, допрашиваетъ, пытаетъ и готовитъ новое на него доношеніе. Сильвестръ подалъ Салтыкову челобитную, въ которой жаловался на этѣ поступки Волынскаго и просилъ его обороны: [9]

---

[9] Заглавіе челобитной: «Божіею милостію, Высокопочтенному и Благородному Господину, моему премилосердому Государю, Семену Андреевичу, покорно доношу.»

«1. Напредь сего просилъ я Вашего» Превосходительства о заступленіи къ намъ и служителямъ нашимъ въ несносныхъ обидахъ и смертныхъ бояхъ и мученіяхъ, и различныхъ неудобъ стерпимыхъ раззореніяхъ, на Казанскаго Губернатора, Господина Волынскаго, и показать вашему Благородію двѣма письмами, которымъ моимъ предложеніямъ оной Господинъ Волынской первыми своими нападками не уволился, и чинитъ людемъ Божіимъ за доношеніи мои на него смертной бой и мученіи злѣя перваго, а имянно: прежде показаннаго Канцеляриста Плетеневскаго пыталъ предъ собою въ застѣнкѣ тремя стрястками смертно; а спрашиванъ въ томъ: что, де, къ вамъ Архіерей и вы къ нему пишете, и въ чемъ, де, онъ въ Москвѣ на меня доноситъ, и о другомъ, не вѣдая о чемъ: ибо нашимъ знать о томъ не даютъ, и выломали у него руки и ноги бревномъ, на которомъ по концамъ становилось по два, а на обѣихъ по четыре человѣка, и содержится и по се время въ смертномъ утѣсненіи напрасно, и едва нынѣ и живъ ли.

2. Онъ же, Губернаторъ, сверхъ состоявшагося нынѣ печатнаго о вѣнечныхъ пошлинахъ Указа, проискомъ своимъ, оставя настоящее свое правленіе, слѣдуетъ, о духовныхъ нашихъ дѣлахъ съ великимъ боемъ и нестерпимыми пытками и другіемъ мученіемъ и смертнымъ страхомъ, безъ Указу собою, Казанскими и всей Епархіи разныхъ чиновъ жителми подомовно: у кого съ прошлаго 727 году свадьбы были, и по чему за вѣнечную память пошлинъ становилось, и о штрафныхъ деньгахъ, которые, были взяты съ Поповъ за утайку не исповѣдавшихся, и куды браны, и по чему съ отпуску на освященіе церквей за антиминсы пошлинъ берется, и о держеныхъ на новокрещенскіе расходы деньгахъ, и о протчихъ дѣлахъ, о которыхъ отнюдь намъ за скрытіемъ отъ нихъ знать не возможно; и хотя кто на себя и другихъ овыя съ пытки, а иные и безъ розыску, чего и не говорилъ, и тѣхъ рѣчи, кои они за собою и ни за кѣмъ не свѣдаютъ, записываны и къ тому, за не волю, видя смерть, руки прикладывали.

3. А понеже онъ, Губернаторъ, въ Казани уже третей годъ живетъ, и когда бъ суще мною оное было (о чемъ онъ за ссору по злобѣ своей нынѣ слѣдуетъ и пытаетъ) чинено, то бы надлежало ему на меня въ тѣхъ яко бы народу обидахъ или Указомъ въ про-

тивностяхъ писать въ Москву первѣе сей между нами вражды, нежели послѣ протесту моего на него нынѣ за доношеніе наше имѣетъ напраслиное отмщеніе, чего ему, за полученнымъ изъ Синода Указомъ противъ доношенія моего, и въ духовное правленіе вступать было не довлѣло; ибо онымъ Указомъ ему, Губернатору, о томъ слѣдствіи за приказною недружбою запрещено; а вышереченные сборы и протчія исполнялись у насъ по прежнему обыкновенію: какъ при Тихонѣ и другихъ Митрополитахъ было, такъ и при мнѣ производили, а вновь наше смиреніе прибавку ни какова собою отнюдь не заводилъ.

4. Онъ же, Губернаторъ, въ кремли, позади каменнаго суконнаго двора, около яблонного домоваго стариннаго нашего сада, приказалъ каменную ограду разорить, которая и разобрана до подошвы, а намъ по крѣпостямъ и по нынѣ оного саду не отдаетъ, о чемъ сдѣсь въ Сенатѣ имѣется прошеніе наше, по которому и экстрактъ сочиненъ, токмо рѣшенія не учинено.

5. И отъ него, Волынскаго, не одни мы духовныя обидимы плачемъ, но и товарищей своихъ обрѣтающихся при однихъ дѣлахъ Вице-Губернатора, Господина Кудрявцова, да Секретаря Василья Второва, не токмо отъ дѣлъ онъ, Волынской, собою отрѣшилъ, но и домовъ ихъ лишилъ, и едва отъ него изъ Казани бѣгствомъ спаслись и живутъ въ Москвѣ овыя года по два, а иныя по одному лѣту, такъ же изъ Офицерства Кузмодемьянской Воевода Обуховъ, Казанской помѣщикъ Прапорщикъ Скрыпицынъ, Чебоксарской посадской человѣкъ Иванъ Васильевъ сынъ Кеменовъ, и той Губерніи Чуваша и Черемиса бьютъ челомъ на него, Волынскаго, уже другой годъ; такъ же и напредь сего въ Астрахани развѣ малымъ чимъ отмѣннѣе сего воздавалъ, и дву Архіереомъ, Іоакиму, Епископу нынѣ Суздальскому, такъ же и Лаврентію Горкѣ, точію оные поступки какъ въ Астрахани, такъ и въ Казани, до воли Божій съ рукъ ему идутъ.

6. И видя Казанскіе разнаго званія жители оное домовымъ нашимъ и монастырскимъ служителемъ и другихъ чиновъ смертныи бои и чрезвычайныя въ Казани мученіи, такъ же и въ Москвѣ долговременные волокиты, и по челобитью нашему и протчихъ во

учиненіи резолюцій сильное замедленіе, всѣ пришли въ великой страхъ, и за тѣмъ продолженіемъ многія обидимыя, ѣхавъ изъ Казани въ Москву для челобитья на него, Волынскаго, съ пути остановились, и въ домы свои за боязнію не возвратились, и живутъ по чужимъ деревнямъ отъ него, Волынскаго, утайкою, и бить челомъ знатно не смѣютъ, понеже онъ, Волынской, гласитъ о себѣ тамошнимъ обывателямъ, яко бы ему еще впредь Губернаторомъ въ Казани десять лѣтъ жить.

7. И хотя отъ духовныхъ и мірскихъ персонъ наносится мнѣ порицаніе, и яко бы наше смиреніе живу въ Москвѣ и въ Казань не ѣду за свою охоту, и то суще порицаютъ напрасно, понеже овыя не вѣдаютъ того, Волынскаго, къ намъ гоненія, а иныя хотя и слышутъ, точію за посягательствомъ къ намъ не такъ разсуждаютъ, а всякому легко чужую скорбь врачевать, или посторонняго невидимую печаль и напасть разсуждать; ибо оная каждому не больна, а своему несчастію съ трудомъ пользы искать; а я со истинною бы радъ въ Казань сей часъ брести, точію за страхомъ, не получа по доношеніямъ своимъ Указа, мнѣ отсель ѣхать въ Казань опасно, и всякаго званія служителемъ нашимъ и освященному чину оставшимъ въ домѣхъ своихъ жить не возможно; на что же усмотря служители наши, мою сдѣсь вседневную волокиту, а оборонъ на него, Губернатора, по доношеніямъ своимъ тому четвертой мѣсяцъ, и ни какой резолюціи за словомъ Вашего Сіятельства, и своимъ терпѣніемъ получити не могу, многія отъ него, Губернатора, уже разбѣжались, а и послѣдніе, оставя домы свои, отъ того страха и ужаса бѣгутъ врознь, и разорились всѣ напрасно, и впредь добра на угадъ ждать.

8. А въ Указѣ Ея Императорскаго Величества, сего 730 году, Іюня 3 дня, напечатано: велѣно, высшимъ и нижнимъ Судамъ имѣть Судъ во всемъ повсюду равный, не смотря на лица сильныхъ и безъ богоненавистнаго лицемѣрія и злобы, и противныхъ истиннѣ проклятыхъ корыстей, и своимъ вымысломъ ни въ чемъ другу не дружить, а недругу не мстить, и ни для чего не наровить, дабы поступали и рѣшали по самой чистой совѣсти и учиненной присягѣ, не стыдяся лица сильныхъ, и избавляли обидимаго отъ руки неправеднаго; а гдѣ оного нѣтъ, тамо Божіе

благословеніе и милость отъемлется и въ праведный ево гнѣвъ впадаетъ. А которые неправедные въ Судахъ порученныхъ имъ будутъ поступать и волочить ради своего лакомства, или маня кому, и боясь кого, и за то будущаго Суда Божія, за презрѣніе клятвеннаго обѣщанія не избѣгнутъ. А Господинъ Волынской, не взирая на оной Указъ, исполняетъ свое жестоко злобное хотѣніе, и бьетъ людей Божіихъ, и въ застѣнкахъ пытаетъ горши скотовъ, напрасно.

9, И по силѣ оного Ея Императорскаго Величества мудраго и въ народъ публикованнаго Указа, вѣдая мы, что Ваше Превосходительство изволите любить и хранить правду и править сущую истинну, того ради, припадая къ стопамъ ногъ Вашего Сіятельства, паки со слезами прошу: помилуй, Государь, избави Христіянъ отъ напрасныя смерти и злолютыхъ напастей, отри вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ неповинныя слезы и проливаемыя крови! Пожалуй, Государь, благоволи отъ показанныхъ ево, Господина Волынскаго, великихъ къ людемъ Божіимъ мученіяхъ и разореніяхъ унять, и впредь ему оные бѣдствы и чрезвычайныя жестокости чинить воспретить, и домовыхъ нашихъ служителей и о священномъ чинѣ брать ему къ себѣ возбранить, и держащія неповинныя изъ подъ караула свободить, донелѣже они страждущіе живы и до смерти не запытаны, а тѣ дѣла взять въ Правительствующій Сенатъ, и о всемъ противъ перваго и вторичнаго и сего моего третьяго прошенія милосердое рѣшеніе учинить. О вышесказанномъ нижеписанный проситъ: Сильвестръ Митрополитъ Казанскій. Августа въ день, 1730 года.» [10]

Салтыковъ послалъ копію съ этой челобитной къ Волынскому, на что тотъ отвѣчалъ:

«Всепокорно благодарствую, Милостивой Государь, за присланные ко мнѣ съ девяти Архіерейскихъ, поданныхъ Вашему Превосходительству, пунктовъ. Изволь вѣрить, что все какъ плутъ затѣ-

---

[10] Такую жь челобитную въ 16 пунктахъ Сильвестръ подалъ Павлу Ивановичу Ягужинскому: см. «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1862 г., кн. IV. Смѣсь, стр. 127—133.

ваетъ на меня. Противъ которыхъ, на будущей почтѣ нашей, буду къ Вашему Превосходительству, противъ всякова пункта, отвѣтствовать.»

Въ слѣдъ за этѣмъ Волынскій прислалъ доношеніе на Высочайшее имя въ Сенатъ о разслѣдованіи его дѣла на мѣстѣ законнымъ порядкомъ.

Въ этомъ доношеніи (2 Сентября, 1730 г.) онъ изложилъ весь ходъ дѣла и выставляя, на видъ, что оно приняло незаконное направленіе въ слѣдствіе происковъ Сильвестра, проживавшаго въ Москвѣ, просилъ изслѣдовать то дѣло, равно какъ взведенныя на него обвиненія, на мѣстѣ и допросить всѣхъ лицъ Архіерейской команды, какія кому онъ сдѣлалъ обиды. При этомъ Волынскій предупреждалъ, чтобы отъ Архіерея истребовать отзыва о лицѣ, которое назначено будетъ къ слѣдованію: не имѣетъ ли онъ на него какого подозрѣнія? «Понеже безъ того, кто бы опредѣленъ ни былъ, и если правильно будетъ слѣдовать, то онъ, Архіерей Сильвестръ, какъ недобросовѣстный человѣкъ, на всякаго будетъ составливать и затѣвать какія ни будь подозрѣнія.» [11]

Вмѣстѣ съ доношеніемъ въ Сенатъ Волынскій отправилъ письма къ Салтыкову, Головину и Княгинѣ Черкаской:

«Милостивые и отеческіе Вашего Превосходительства письма, писалъ онъ къ Салтыкову, въ цѣлости получилъ, за которые и за всѣ ваши милости всенижайше благодарствую, а что умедлилъ на оные отвѣтствовать и нынѣ подробно доносить не могу, прошу не прогнѣваться на меня, понеже наказалъ меня Богъ претяжкою печалью; ибо, сего Сентября 12 числа, жена моя скончалась, и такъ я отъ 12 Августа истинно и по се время внѣ себя, понеже съ того времени сумнителенъ, а часто и отчаянъ животъ ея былъ, а нынѣ въ печали моей, благодаря Бога, что дѣтей мнѣ оставила, однако жъ смотрѣть мнѣ на нихъ зѣло жалко, что такъ малы и сиры.

---

[11] См. «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1862 г. кн. IV. Смѣсь, стр. 124—126.

Боже сохрани, естьли и мой вѣкъ не продолжится, такъ они бѣдные вовсѣ пропасть могутъ.

Всепокорно, Милостивой Государь, Отецъ, благодарствую за милостивое ваше отеческое престереганіе, что милостиво изволите писать, чтобъ я осмотрительно и осторожно жилъ. Повѣрь, Милостивой Государь, мнѣ, какъ Христіянину, истинно умѣряннѣе того нельзя ни кому жить, какъ я жилъ и живу; а что Архіерей вамъ и протчіе плуты доносятъ, не извольте вѣрить, истинно все лгутъ, въ чемъ вамъ клянусь Богомъ, и шлюся на всѣхъ добрыхъ людей. Что же надлежитъ до дѣлъ, милостиво извольте разсудить, что я буду за человѣкъ, естьли я буду упускать и слабо поступать; а что на меня жалуется, не извольте дивиться, только извольте крѣпко вѣрить, что безъ причины не дѣлаю ни кому ни какой обиды, а что и дѣлаю, и то не мзды ради, и не для моей страсти, что и Богъ и люди видятъ, и ни кто въ глаза изобличить меня не можетъ, что я вамъ, какъ отцу моему, по чистой совѣсти доношу; а что мнѣ мало доброжелателей, что дѣлать, буди воля Божія, только бъ я былъ въ совѣсти моей чистъ! Я уповаю, Богъ меня не оставитъ въ моей правдѣ, и ни кто меня не съѣстъ, естьли Онъ не попуститъ своей на меня казни.

Объ Архіереѣ однимъ словомъ доношу, что онъ, какъ плутъ и безсовѣстной человѣкъ, [12] все на меня затѣваетъ и лжетъ, закрывая то, чтобъ онъ воромъ и плутомъ не показался на старости, что я имѣю въ рукахъ моихъ, да только печаль моя не допускаетъ, показать ево, каковъ въ однихъ вѣнечныхъ деньгахъ, какое здѣсь народу разоренье, а у Государыни кража четвертная, а въ казну развѣ пятая часть приходитъ; гдѣ слыхано, что по два рубли съ полтиною, да по три рубли бѣднымъ людямъ становится одна вѣнчанная память, а деньгамъ записки нѣтъ, или есть ли Богъ и совѣсть, что сдѣсь въ Епархіи съ 60 церквей пустыхъ, для того что меньше 30 ставленника въ Попы нѣтъ, и что люди помираютъ безъ покаянія, и робята мрутъ не крещеные по году, то нѣтъ ни чего.

---

[12] Неразборчивость въ словахъ и выраженіяхъ указываетъ какъ на грубость природы писавшаго, такъ и вообще грубость того вѣка, часто не дѣлавшаго ни какого различія между лицомъ и носимымъ имъ саномъ, званіемъ и т. п. О. Б.

Я не хочу остаться въ томъ, что онъ, плутъ, на меня лжетъ. Посылаю челобитную въ Сенатъ, и прошу самъ, чтобъ велѣли про меня розыскать. Сотвори, Милостивой Государь, милость, если возможно, внушить о томъ Ея Величеству, что я самъ о томъ челобитчикъ и подлинно доношу, что я во во всемъ чистъ; а если не будутъ розыскивать, такъ я вѣчно какъ у Ея Величества, такъ и у всѣхъ останусь въ недобрыхъ людехъ и хуже всякова сумазброднаго.

Что же жаловался вамъ на меня и ко мнѣ писалъ Князь Василей Володимировичъ о купцѣ Соли Камской Турчаниновѣ, правда, для Князь Василья Володимировича онъ доброй человѣкъ, а въ прочемъ такой плутъ, какъ больше нельзя, понеже онъ не только Соль Камскую и Усольскій Уѣздъ, всю провинцію разорилъ, и однимъ словомъ сказать, что Соль Камская ево, а не Государынина, и естьли прямо слѣдовать, я найду тысячъ пятьдесятъ, или больше, покраденыхъ отъ него, и уже и самъ онъ во многомъ не въ чемъ признался. Гдѣ слыхано, что онъ кого чѣмъ подаритъ отъ себя? Вмѣсто того съ посаду не только Соли Камской, и изъ другихъ городовъ въ трое соберетъ неволею, а буде не станутъ платить, то куетъ и мучитъ, или велитъ Воеводѣ, а онъ, бѣдной, страха ради принужденъ, по приказу ево, и ковзть, и пытать, и на правежѣ бить. Милости прошу сіе разсудить, какъ мнѣ то упускать и какъ бѣднымъ людямъ не помогать и не избавлять отъ того; я чаю мнѣ и Богъ за то не потерпитъ; а буде я то дѣлаю изо взятковъ, или хочу съ него, или съ другой стороны, взять, будь я во вѣки проклятъ!

Однако жъ я его, по письму Вашего Превосходительства, свободилъ изъ желѣзъ на поруки, а по дѣламъ слѣдовать буду, надѣяся, что и вамъ то не противно будетъ, что я по совѣсти дѣлаю. Повѣрь, Милостивой Государь, что я ни одному доброму человѣку ни какой обиды не дѣлывалъ, и впредь не хочу, а на безсовѣстныхъ не запираюся, держу отчасти строгость; и нельзя безъ того; а буде за все и для всѣхъ упускать, такъ я всѣхъ избалую и на всякое зло попущу.» [12]

---

[12] Такъ какъ никто близко не зналъ поступковъ Волынскаго, то въ послѣдствіи, когда его осудили, они разукрашивались въ молвѣ на тысячу ладовъ и превра-

Къ довершенію бѣдствій, Волынскаго посѣтило семейное несчастіе. 12 Сентября скончалась его жена, оставивши трехъ малютъ, сына и двухъ дочерей. Но занятый тяжбой, онъ не далъ горю сломить себя. Въ Сентябрѣ онъ писалъ къ Головкину: «Вашего Высокографскаго Сіятельства милостивое письмо Іюля отъ 31, резъ

щались въ басни, которымъ вѣрили самые серьезные люди. Такъ случилось и съ исторіей Турчанинова. Пецольдъ, а въ слѣдъ за нимъ Германъ и пересказываютъ именно басню о тиранствахъ Волынскаго надъ купцомъ Турчаниновымъ (Kaufmann Turzinow). «Какъ онъ (Волынскій), пишетъ Германъ послѣ восшествія на престолъ Анны, лишилъ имѣнія и жизни Русскаго купца Турчанинова, это всѣмъ извѣстно. Послѣдній имѣлъ около Казани большіе мѣдные заводы и фабрики и содержалъ при нихъ множество народу. Онъ многіе охотно помогалъ изъ своего богатства бѣднымъ и несчастнымъ. Къ этому-то фабриканту Волынскій обратился съ требованіемъ, чтобы тотъ прислалъ ему 20,000 рублей. Но такъ какъ купецъ не могъ, или не хотѣлъ, уплатить требуемой суммы, то Волынскій донесъ въ Москву, что Турчиновъ не исполняетъ своихъ обязанностей къ Коронѣ и постоянно вводитъ ее въ убытокъ. Императрица приказала нарядить слѣдствіе. Волынскій, которому не хотѣлось допускать его до публичнаго суда, приказалъ немедленно взять его подъ стражу, засадилъ въ своемъ Московскомъ домѣ въ погребъ и кормилъ только хлѣбомъ и водою, тирански вымогая у него требуемую сумму. Между тѣмъ Турчиновъ какъ-то увидалъ въ окно своей тюрьмы мимо проходящаго Ягужинскаго, узналъ его и просилъ заступиться за него. Ягужинскій разсказалъ объ этомъ при Дворѣ. Но, къ несчастію Турчинова, благодѣтель его (котораго Волынскій возненавидѣлъ съ тѣхъ поръ) запутался въ непріятности (съ Бирономъ), въ слѣдствіе чего долженъ былъ немедленно уѣхать (Посланникомъ) въ Берлинъ. Безпомощный Турчиновъ принужденъ былъ выдать требуемую сумму и отпущенъ на свои заводы съ условіемъ не пускать этого въ огласку. Но недусмотрительность Волынскаго этѣмъ не ограничилась: дорогой Турчиновъ умеръ, какъ увѣряютъ, отъ яду. Единственный сынъ его, получивши неожиданно извѣстіе о смерти несчастнаго отца, умеръ съ горя. Фабрики, ихъ упали такъ что, вмѣсто прежнихъ 30,000 р. годоваго доходу, не приносили и 4—500 р.» (Herrmann, Geschichte des Russischen Staates IV. B. S. 611—612). Вѣрнаго въ этомъ разсказѣ то, что Волынскій въ 1731 г. точно наряженъ былъ въ секретную слѣдственную Коммисію по дѣламъ Соли Камской, по его жъ доносу о злоупотребленіяхъ Турчанинова, которому отданы были на откупъ кабацкіе и таможенные сборы этой провинціи. За тѣмъ всѣ подробности—бия, выдуманная досужей фантазіей какого ни будь сплетника, либо памфлетиста. Въ Слѣдственной Коммиссіи 1740 года, въ которую собраны были всѣ дѣла Волынскомъ, нѣтъ и помину о дѣлѣ его съ Турчаниновымъ. Стало быть, оно едено и рѣшено было законнымъ порядкомъ. При томъ этотъ разсказъ невѣроятенъ по самому положенію Волынскаго въ 1731 году, какъ увидимъ это въ послѣдствіи. Волынскому

приащика Акинѳія Демидова, получилъ, въ которомъ изволите писать что держался въ Губернской Казанской Канцеляріи онаго, Демидова человѣкъ, и если по дѣлу Вашего Высокографскаго Сіятельства то бъ ево свободили, и что Демидовъ въ поставкѣ бѣглыхъ вашихъ кресьянъ далъ письмо. Всепокорно доношу: оной Демидова человѣкъ держался только по тому дѣлу, котораго я нынѣ свободилъ.

Сего Сентября 12 дня посѣтилъ меня Богъ тяжкою печалію: понеже жена моя скончалась, что мнѣ безмѣрно горестно. Понеже извѣстно вамъ, что она была доброй человѣкъ и мнѣ была любима; благодарю Бога въ печали моей, что оставила мнѣ дѣтей, да нынѣ, вмѣсто утѣхи, зѣло мнѣ и на нихъ смотря горько. Понеже три такіе черви, что малъ мала меньше. Боже сохрани, естьли не продолжится мой вѣкъ, такъ они бѣдные уже и со всѣмъ пропадутъ; понеже извѣстно вамъ, Милостивой Отецъ, какъ я пустъ и сиръ.

Отъ такой моей тяжкой печали истинно у меня ни ума, ни памяти въ головѣ не стало, а помошника у меня въ Канцеляріи ни кого нѣтъ; а когда и Неѳедъ здѣсь былъ, истинно мнѣ было все равно, есть онъ, или нѣтъ; понеже не дѣлалъ никогда самъ ни чего и не смыслитъ. И ежели какое будетъ въ дѣлѣхъ мое неисправленіе, милости прошу по человѣчеству разсудя, милостиво хранить меня; однако жъ я опасаюся, чтобъ что не упущено было и на мнѣ бъ не взыскалось Поручилъ я Канцелярію править здѣшняго гварнизона Подполковнику Григорію Хвостову, которой правилъ Нижегородскую Губернію, и его столько станетъ, а самъ я нынѣ всего труда истинно снести не могу, пока сія моя бѣда изъ головы не убудетъ. Да боюся того, что то сдѣлалъ собою безъ Указу, чтобъ мнѣ того въ вину не причли. Милости прошу, Милостивой Отецъ, милостиво въ томъ охранить меня.

Сколько мнѣ чувственна и тяжка печаль моя, то и Богъ и люди видятъ; однако жъ, какъ животолюбивый человѣкъ, не хочется безчестно жить, а хоя и умереть, однако жъ не хочу съ тѣмъ поро-

---

въ ту пору было недо взятокъ, какой бы онъ ни былъ охотникъ до нихъ во всякое другое время.

комъ дѣтей своихъ оставить, чѣмъ меня явили и всѣмъ обо мнѣ разгласили. Затѣялъ вымышленно, не бояся Бога и смерти, Архіерей здѣшней, и сдѣлалъ меня такимъ, естьли то не будетъ освидѣтельствовано, то я буду хуже всякова непотребнаго и сумазбороднаго человѣка. Для того я принужденъ послать челобитную въ Правительствующій Сенатъ, прося самъ на себя, чтобъ повелѣно было по тѣмъ ево затѣйнымъ и составнымъ пунктамъ прислать кого сюды нарочного и розыскать одною только правдою, безо всякой мнѣ поноровки. Того ради, Милостивой Государь и Отецъ, слезно у васъ прошу милости, не прикажите сего такъ оставить, и чтобъ кто былъ доброй человѣкъ и безкорыстной присланъ, а я, не выбирая никого, только бъ кто не его стороны былъ и не поманимъ ни мнѣ, ни ему, о чемъ и паки прошу: сотвори, Милостивой Государь и Отецъ, въ томъ свою надо мною милость! А въ какой силѣ челобитная, прилагаю при семъ копію, и уповаю на вашу ко мнѣ отеческую милость, прилѣжно прошу милостиво приказать оную передъ собою прочесть. Впрочемъ, Милостивой Государь, предаю себя въ невотъемлемую вашу отческую милость и пребываю съ должнымъ почтеніемъ и вѣрностію.»

Салтыковъ по чему-то медлилъ съ прошеніемъ Волынскаго и не подавалъ его въ Сенатъ. [13]

Между тѣмъ въ Москвѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Волынскій лишился жены. Нѣкоторые изъ его благожелателей совѣтовали ему поправить свои дѣла новой женитьбой: одинъ изъ нихъ, молодой Головкинъ, Михаилъ Гавриловичъ (въ послѣдствіи Вицеканцлеръ, мужъ знаменитой Катерины Ивановны Ромодановской), совѣтовалъ ему жениться на одной изъ Салтыковыхъ и обнадеживалъ, что съ этой женитьбой простятся ему всѣ его вины.

Волынскій, однако жь, не поддался на эту ловушку. Въ Октябрѣ онъ писалъ къ Княгинѣ Черкаской:

---

[13] Адъютантъ Салтыкова, Н. Кречетниковъ, писалъ къ Волынскому 18-го Ноября: «Челобитную подадимъ, а еще не готова, которую изволили прислать въ Москву.»

«Милостивая Государыня-мать, Княгиня Марья Юрьевна! Я пространными доношеніями моими опасаюся трудить Милостиваго Государя моего, Князя Алексѣя Михайловича, о которомъ сумнѣваюся, что онъ ко мнѣ не таковъ милостивъ сталъ, понеже я неоднократно просилъ и писалъ о кровныхъ моихъ нуждахъ, однако жъ ни на одно мое нижайшее прошеніе ни какой не только милости, ни отповѣди не получилъ.

Я васъ, Милостивую Государыню, всенижайше прошу, чрезъ самово Бога, чтобъ вы, по своей ко мнѣ прежней материнской милости, не изволили поскучить милостиво сіе мое прочесть также и приложенной экстрактъ при томъ.

А за тѣмъ доношу: буду проклятъ, ежели я искалъ и проискивалъ того, чтобъ мнѣ о Казанскомъ Архіереѣ розыскивать и дѣла его слѣдовать; да принудилъ меня Синодъ то дѣлать присланными ко мнѣ Ея Императорскаго Величества Указами, по тому я и вступилъ, что увѣдавъ здѣшней Архіерей, да не зналъ чѣмъ душевредство свое, а келейника своего воровство, закрыть, вымыслилъ составные на меня подозрѣніи, нарочно написавъ на меня и разглася то, что ежели въ мысль мою прихаживало, не только я то дѣлалъ, я буду треклятой и вѣчной бездѣльникъ! Правда, надобно было ему подозрѣніями отходить, понеже онъ по тѣмъ дѣламъ кругомъ виноватъ, только бъ не съ такими смертельно досадительными мнѣ образами, которыми онъ такъ меня теперь сдѣлалъ, что сталъ хуже всякаго сумазброднаго человѣка; и когда дядя мой, Милостивой Государь Семенъ Андрѣевичъ, ему повѣрилъ: какъ же другимъ кому не вѣрить? Понеже въ Святительскомъ санѣ и осмидесятилѣтней старичокъ; а буде о совѣсти его разсудить, мстя мнѣ Богъ сдѣсь и въ будущемъ, естьли я то затѣваю! Истинно ни самой бы безбожной варваръ не сталъ тово дѣлать по одному человѣчеству, какъ онъ, Христіянинъ, да къ тому жъ Архіерей, и будучи въ такой своей старости. Былъ сдѣсь въ знатномъ монастырѣ Архимандритомъ Смолянинъ, онъ же и Дворянской сынъ, Іона Салникѣевичъ (или по Русски Салникѣевъ), которой при покойномъ Тихонѣ, бывшемъ здѣшнемъ Митрополитѣ, былъ Судьею и въ крайней ево милости, и имѣлъ богатства своего на нѣсколько тысячъ, въ томъ числѣ денегъ съ три тысячей, или больше; потомъ взятъ въ Синодъ и тамъ

былъ Членомъ, да скучно ему, дураку, въ Питербургѣ стало, что тамъ живыхъ стерлядей нѣтъ, и что онъ разлучился съ своими друзьями, которому все знатные Дворяне и лутчіе купцы друзья и пріятели, также и бѣднымъ пріѣзжимъ Офицерамъ всѣмъ былъ благодѣтель; понеже былъ обходительной человѣкъ и жилъ зѣло роскошно, котораго и Губернаторы: Петръ Матвѣевичъ, Петръ Самойловичъ и Алексѣй Петровичъ безмѣрно любили, и такой человѣкъ былъ, что надобно было любить, и уже когда сюды и нынѣшній Архіерей въ Епархію прибылъ, сначала былъ къ нему очень добръ, и такъ и при немъ Судьею былъ, какъ при Тихонѣ Митрополитѣ; да учинилась у нихъ за то ссора, что Архіерей, по кончинѣ блаженные и вѣчно достославныя памяти Императора Государя Петра Перваго, не сталъ принимать челобитенъ, писанныхъ на имя Государыни Императрицы, и дралъ ихъ, и бросалъ, а велѣлъ переписывать на свое, Архіерейское, имя. Тотъ бѣдной Салникѣевъ сперва со слезами, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, просилъ ево, Архіерея, и молилъ, чтобъ онъ пересталъ то дѣлать, понеже отъ того самъ боялся себѣ бѣды, что Судья былъ въ томъ ево, Архіерейскомъ, Приказѣ; однако слезами и просьбою не упросилъ, принужденъ говорить уже и противностію, и тѣмъ впалъ въ ево немилость, за что ему Архіерей уже сталъ и бѣды искать; при томъ же и мѣсто ево, Архимандрическое, понадобилось плуту чернецу Питириму, келейнику Архіерея нынѣшняго. Потомъ дошло до того, что Архіерей не только челобитные почалъ драть, и дѣла произведенные въ дѣйство съ такими челобитными, осердяся на нево, что онъ производилъ по тѣмъ челобитнымъ, писаннымъ на имя покойной Императрицы, а не на ево, а къ нему, Салникѣеву, привалками придрался, будто въ похищеніи церковныхъ и монастырскихъ вещей, и за то оковалъ ево и мучилъ тирански въ земляной тюрмѣ, и раздѣвъ на морозѣ билъ на правежѣ только въ одной свитѣ; а все то только по одной своей богомерзкой злобѣ. Онъ, бѣдной Салникѣевъ, не стерпя того мученья, сказалъ за собою слово, и принужденъ доводить на него въ драньѣ тѣхъ челобитенъ и дѣлъ, изъ которыхъ и дѣло одно, выкравъ изъ Архіерейскаго Приказа, объявилъ, и при томъ просилъ на Архіерея въ своемъ напрасномъ мученьѣ, и былъ въ Преображенскомъ и въ прочихъ во многихъ мытарствахъ; потомъ дошелъ до Святѣйшаго Синода, гдѣ лучшая и святая всего Государства нашего правда; однако жъ тамъ, оставя голову, пой-

малися за хвостъ, мучили ево и допрашивали въ тѣхъ похищеніяхъ, гдѣ онъ поупрямился, и назвалъ присланную объ немъ отъ Архіерея выписку воровскою, а ссылался на подлинные дѣла, которые здѣсь въ Архіерейскомъ Приказѣ. Однако жъ все то отставя и не освидѣтельствовавъ той выписки съ подлинными дѣлами, лишили ево чести и чина священства и монашества, а за безчестье Архіерейское, что онъ назвалъ выписку воровскою, высѣкли кнутомъ. Тутъ ему и конецъ, тутъ и судъ весь. А пожитки ево и деньги пошли всѣ по рукамъ, за которые и кнутъ ему въ спину купленъ. А что доносилъ на Архіерея, то все брошено и по се время не слѣдовано.

И такъ все гибло, и онъ окованъ былъ въ Синодѣ, и содержался подъ крѣпкимъ карауломъ, которому не велѣно было давать ни чернилъ, ни бумаги: и то все дѣлалось при покойномъ Императорѣ Государѣ Петрѣ Второмъ, во время власти Ростовскаго Архіерея Дашкова. А какъ нынѣ Всемилостивѣйшая Государыня наша соизволила воспріять престолъ и вступить въ самодержавное правленіе, не вѣдаю чрезъ кого, оной бѣдной розстрига домогался, что прислали ко мнѣ изъ Синода Указъ, чтобъ мнѣ и двумъ духовнымъ персонамъ о всемъ вышеписанномъ изслѣдовать, и ево, разстригу, прислали сюда къ доказательству; но какъ я въ слѣдствіи тѣхъ дѣлъ пошелъ по прямой дорогѣ, то Архіерей злѣшней сталъ подавать на меня ябедническіе свои ложные подозрѣніи, а бывшей келейникъ ево, плутъ, котораго онъ на мѣсто того розстриги въ тотъ монастырь въ Архимандриты посвятилъ, подалъ жалобы, составя затѣйные жъ на присутствующихъ со мною духовныхъ.

А Святѣйшій Синодъ, маня Архіерею, не освидѣтельствовавъ обо мнѣ, и отрѣшили меня, какъ бы прямова подозрительнаго.

Не поскучь, Милостивая Государыня-Мать, и сіе еще милостиво прочесть:

Написалъ на меня Архіерей, будто я Секретаря ево, Судовикова, хотѣлъ шпагою заколоть, и, вынявъ оную на голо, будто гонялся за нимъ: проклени Богъ душу мою, естьли я то мыслилъ, не только дѣлалъ! Сверхъ того, я не только бить, или колоть ево, я ево

люблю, и онъ съ самово моево пріѣзду ищетъ во мнѣ, и не слыхалъ отъ меня истинно никогда ни какой брани, развѣ дьяволъ вмѣсто меня то дѣлалъ и Архіерею во снѣ явилось. Еще жъ написалъ, будто я отнялъ монастырской загородной дворъ, и держу на немъ съ двѣстѣ собакъ, и будто кормятъ ихъ и людей моихъ пятнадцать человѣкъ монастырскимъ хлѣбомъ да и кашею. Я доношу вамъ такъ совѣстно, какъ на страшномъ мнѣ Христовомъ Судѣ стать: дворъ тотъ пустой, и онъ разгороженъ на двое, изъ которыхъ одну половину велѣлъ для меня, по прозьбѣ моей, самъ Архіерей, гдѣ только два сарая и одинъ подклетъ, да черная баня, и собакъ моихъ истинно было только съ тридцать, да при нихъ пять человѣкъ людей, и жили только одну зиму, и то не всю; а чтобъ довольствовались монастырскимъ кормомъ, или брали ко мнѣ оттуды овесъ, будь я вѣчно бездѣльникъ, естьли то, или что ни будь изъ того правда, кромѣ что брано солома одна и то, что сами дадутъ. Также написалъ, будто я у монастыря оново велѣлъ вырубить бережоную рощу, и будто посланные мной того монастыря Игумена хотѣли убить за то, что онъ рубить возпрещалъ. Ежели я мыслилъ то дѣлать, не только посылать ково рубить, убей меня самово Богъ! и хотя по приказу моему одно дерево срублено, я готовъ заплатить тысячу рублевъ; сверхъ того, во всемъ въ томъ шлюсь на Игумена на того, да и роща та вся цѣла и теперь.

Онъ же написалъ на меня, будто я обралъ по неволѣ у него мастеровыхъ людей, и какъ онымъ, такъ и постороннимъ, за работу не плачу денегъ, и будто обралъ у него и у прочихъ лѣса на строенье хоромъ и протчаго безденежно; а понеже онъ двухъ окольнишниковъ, которыхъ я у него просилъ для починки, самъ далъ мнѣ, и дѣлали съ мѣсяцъ, которымъ за работу и деньги далъ, сверхъ тово что мой хлѣбъ ѣли, и такъ истинно всѣмъ плачу въ полтора, или вдвое, какъ платятъ имъ другіе. И буде бралъ лѣсъ и обижу тѣмъ и не плачу денегъ я, хотя одною копѣйкою покорыствовался, или бъ просили за что взятое, или за работу денегъ, а я отказалъ и не заплатилъ, за то самово разори меня Богъ!

Я уповаю, что Ваше Сіятельство, Милостивая Государыня, по своему великодушію и по своей совѣсти, по такой моей Христіянской тяжкой клятвѣ, можете мнѣ повѣрить, и что я, имѣя Бога, душу и совѣсть, не сталъ бы такъ предавать себя добровольной

клятвѣ. Извольте жъ милостиво разсудить о томъ, кто на меня лжетъ, какая то богомерзкая совѣсть и какой онъ безстыдной плутъ.

Я у васъ, Милостивая Государыня-Мать, вмѣсто всякой вашей ко мнѣ милости и защищенія, прошу, чтобъ Милостивой Государь мой, Князь Алексѣй Михайловичъ, и Милостивой Государь мой, дядя Семенъ Андрѣевичъ, исходатайствовали то мнѣ, чтобъ обо мнѣ, какъ о самомъ о какомъ злодѣѣ, повелѣно было изъ Сената кому розыскать по поданнымъ отъ него, Архіерея, на меня пунктамъ, безъ всякой мнѣ поноровки, только одною самою истинною, дабы въ томъ бѣдная моя совѣсть чистоту свою и невинность мою показала.»

Къ письму сдѣлана приписка:

«Нѣкоторымъ и неоднократно говорилъ Михайло Гавриловичъ, чтобъ я женился на которой ни будь изъ трехъ сестеръ Салтыковыхъ, которыя живутъ при Ея Высочествѣ, Государынѣ Царевнѣ, Екатеринѣ Ивановнѣ, обнадеживая, что если я женюсь, то мнѣ всѣ вины мои отпущены будутъ; а они такія госпожи, что ни куды не годятся, и за тѣмъ досидѣли до сорока лѣтъ, что никто не беретъ. А мнѣ, по мнѣнію моему, душа моя и честь милѣе, нежели весь свѣтъ; для того хочу съ совѣстью умереть, нежели послѣднюю половину вѣка моего со стыдомъ и безпокойствомъ совѣсти моей доживать. Я бы не хотѣлъ и въ постороннемъ домѣ видѣть того, кто мнѣ противенъ своими поступками; каково жъ пріятно мнѣ съ нимъ будетъ жить въ моемъ домѣ, да еще и спать на одной постелѣ?

Въ слѣдъ за этѣмъ письмомъ Волынскій отправилъ новое письмо къ Салтыкову, съ отвѣтомъ и оправданіемъ на девять пунктовъ Сильвестра:

«При семъ прилагаю копію съ пунктовъ, которыя подалъ Вашему Превосходительству Архіерей здѣшней на меня, и противъ тѣхъ пунктовъ отвѣтъ мой. Всенижайше прошу милостиво не поскучать приказать передъ собою его пункты прочесть, и при томъ на всякой пунктъ отвѣтъ мой, изъ чего изволите увидѣть удивленія и смѣху достойное многое, и изъ того изволите узнать безбожную и бездушную злобу Архіерейскую, и какой онъ дуракъ и плутъ безпутной.

---

[14] См. выше примѣч. 12-е. О. Б.

Желалъ бы я, чтобъ вы у себя приказали отвѣтъ мой прочесть ему, понеже я не почитаю ни за грѣхъ, ни за стыдъ того, что бралъ ево, да и не боюся, для того что я чистъ, и что пишу про него, то не отрекуся въ глаза предъ всѣмъ свѣтомъ сказать ему, понеже воякъ за свою обиду, а паче за ту, которая вредитъ честь, да еще и за напрасную, стоять конечно долженъ.

Я не знаю, какими глазами будетъ смотрѣть, и что противъ того говорить будетъ.

А за тѣмъ, Милостивой Отецъ мой, не дѣлай мнѣ ни какой милости, только чтобъ по его всѣмъ бреднямъ про меня розыскано было, такъ какъ я челобитною моею, посланною въ Сенатъ, самъ просилъ, и изволь вѣрно мнѣ вѣрить, что я во всемъ томъ, что онъ пишетъ и поноситъ меня, чистъ, и онъ все то какъ безсовѣстной и недоброжелатель составилъ и затѣялъ обще съ воромъ Питиримомъ Архимандритомъ, котораго только для такихъ пакостей и воровства и держитъ при себѣ, и въ Архимандриты за то и произвелъ. А кто онъ Питиримъ, мнѣ сказывалъ Прапорщикъ гвардіи Любовниковъ, что онъ былъ въ Шатскомъ Уѣздѣ Попомъ и держалъ у себя воровскую пристань, и самъ атаманомъ былъ нѣсколько лѣтъ; да когда товарищи его переловлены и стали на него съ пытокъ говорить, онъ отъ того ушелъ и постригся, а тѣ всѣ перевѣшаны. Изволь, Милостивой Государь, самъ того Любовникова спросить, а я его не зналъ.

Милости прошу и пункты и отвѣты мои показать Князь Григорью Алексѣевичу Урусову, чтобъ и онъ вѣдалъ и вѣрилъ мнѣ, что я чистъ.

Я буду ожидать слѣдствія здѣсь по Архіерейскимъ на меня бреднямъ и прошу, чтобъ кто присланъ былъ совѣстной человѣкъ для того слѣдствія. А за тѣмъ желалъ бы я самъ въ Москвѣ побывать на мѣсяцъ времени, какъ я прежде просилъ васъ, Милостивой Государь. А чтобъ вовсе отсюда, еже ей, ей не хочу. И я мышлю, крайняя нужда въ Москву быть мнѣ, первое, чтобъ видѣть Государыню, также и васъ, Милостивой Государь, а за тѣмъ и себя противъ Архіерейскихъ составныхъ лжей очистить и показать всѣмъ, какъ я невиненъ. Однако жъ все сіе предаю въ разсужденіе Ва-

шего Превосходительства и прилѣжно прошу милостиво меня увѣдомить.»

Письма этѣ Волынскій поручилъ разнесть служителю своему, Курочкину, который, исполнивши порученіе, отвѣчалъ Волынскому:

Прошедшаго Октября отъ 12 въ полученномъ того жъ Октября 29 числа въ Указѣ, Государь, вашемъ чрезъ деньщика Сидора Ваарушина писано: велѣно мнѣ рабу вашему по подписямъ письма рознести и навѣдаться о не бытіи вашемъ въ Казани. И на сіе вамъ, Государю, доношу, что письма ваши по подписямъ рознесъ, и отъ дяди вашего, Семена Андрѣевича, и отъ Князь Григорья Алексѣевича, письма къ вамъ, Государю, при семъ прилагаю. А Гаврило Ивановичъ противу того письма обѣщалъ писать, только не могъ вскорѣ того добиться. А Княгиня Марья Юрьевна очень больна. О перемѣнѣ, Государь, васъ изъ Казани, что Государыня Императрица изволила говорить о томъ, я предъ симъ писалъ къ вамъ, Государю, Октября 20 числа, съ деньщикомъ Пирожниковымъ, и на мѣсто ваше въ Сенатѣ еще ни кто не опредѣленъ, также и по челобитью Архіерейскому для слѣдствія ни кого не опредѣлено жъ; а присланную вашу, Государь, челобитную я въ Сенатѣ при собраніи чрезъ Рекетмейстера подалъ, и на той, Государь, челобитной помѣчено: «Записавъ, сообщить съ дѣломъ;» и къ тому, Государь, Архіерейскому дѣлу тое челобитную отдалъ Октября 22 дня. Въ Сенатѣ, Государь, по челобитью Скрыпицыной жены опредѣленіе учинено, велѣно дѣло и онаго Скрыпицына подъ карауломъ прислать въ Сенатъ, а противу того челобитья вамъ отвѣтствовать.

А сего, Государь, Ноября 6 дня, въ Сенатѣ записанъ Указъ, что вамъ, Государю, быть въ Москву, а Неееду Кудрявцову въ Казани править Губернаторскіе дѣла до Губернатора, а кому, Государь, быть тамъ Губернаторомъ, о томъ еще опредѣленія нѣтъ.

О пріемѣ, Государь, присланныхъ лошадей, которые присланы съ Иваномъ Рубинымъ, кто какъ принялъ и кто не принялъ, о томъ къ вамъ, Государю, писалъ съ Матвѣемъ Аристовымъ Октября 14 числа. А послѣ того и Князь Алексѣю Михайловичу Черкаскому дву иноходцевъ, половаго и соловаго, отвелъ, которыхъ изволилъ

смотрѣть и говорилъ: «Хотя, де, и мелки, только не стары,» изволилъ принять.»

Избавившись отъ такого опаснаго противника, каковъ былъ Волынскій, Сильвестръ вздохнулъ свободно, и 25 Сентября подалъ въ Синодъ доношеніе, въ которомъ писалъ, что «вотъ уже по двумъ слѣдствіямъ ни какова подозрѣнія, кромѣ истиннаго моего оправданія, за мною не явилось, а я по тому дѣлу четвертый годъ сокрушаюся суще безъ всякія причины и, за не вершеніемъ того дѣла живучи въ Москвѣ съ служителями и лошадьми, займывая деньги, все покупая, весьма избытчился и отъ продолженія разоряюсь напрасно, а не получа по тому дѣлу подлиннаго рѣшенія, взирая первому рѣшенію нарушеніе и отмѣну, опасаясь впредь такого жъ уничтоженія, ѣхать въ Казань не смѣю.» Сильвестръ просилъ повернуть дѣло и болѣе его не возобновлять, а для окончанія дѣла Владыка прикинулъ смиренную прибавочку: «И хотя по силѣ сего жъ 1730 года, Апрѣля 14 дня, Указа 3 пункту за умышленный его по ссорѣ съ злости поклепъ онъ, разстрига, достоинъ и смерти, однако жъ наше смиреніе выше реченной ему экзекуціи не желаю и прошу его отъ той казни уволить, а вмѣсто оной кары, за ложный его на меня послѣ вершенія двоекратный доносъ, оборонить меня и учинить ему въ Казани по прежнему гражданское наказаніе (25 Сентября, 1730 г.).»

Въ Москвѣ Сильвестра ни что не держало и, разумѣется, онъ могъ ѣхать въ Казань, когда захочетъ. Но дѣла нельзя было кончить такъ скоро и съ такою обидою для замѣшанныхъ въ немъ лицъ, а по тому и прошеніе его оставлено безъ вниманія.

IV.

Пославши въ Сенатъ прошеніе о разслѣдованіи дѣла по жалобѣ Сильвестра, Волынскій, въ слѣдъ за тѣмъ, отправилъ доношеніе въ Синодъ о злоупотребленіяхъ Сильвестра по Епархіи.

Волынскій доносилъ, что въ Губернскую Канцелярію подалъ прошеніе одинъ Казанскій бобыль, Иванъ Евтихѣевъ, въ которомъ объяснилъ, что онъ заходилъ въ домъ къ Подьячему Плетеневцу, и у-

зналъ отъ дворовой его женки, что къ нему присылается изъ Москвы весьма много пакетовъ съ письмами, которыя онъ у себя въ домѣ распечатываетъ, и пишетъ по нимъ одинъ, запершись въ особой избѣ, а знатно тѣ письма подозрительныя. Это и заставило его сдѣлать означенное доношеніе, чтобъ не причлось ему въ утайку, ежели помимо него, обнесутся какія письма, касающіяся какой важности.

Волынскій приказалъ взять Плетеневца, вмѣстѣ съ письмами, въ Губернскую Канцелярію. Между письмами оказались нѣкоторыя подозрительныя, именно:

Въ одномъ письмѣ къ Казначею приказывалъ П. М. чтобъ Новокрещенскій расходъ въ вѣдѣніи писанъ былъ весь, такие бы на тѣ расходы и бумагу показать особливую, а не казенную, чтобъ въ остаткахъ на лицо денегъ было малое число, понеже деньги завидная вещь.

Плетеневецъ показалъ, что «въ этомъ письмѣ буквы П. М. означаютъ: Преосвященный Митрополитъ. А писалъ то письмо къ Казначею изъ Москвы Стряпчій Афанасьевъ въ такой силѣ, что въ Синодъ спросили вѣдомостей о Новокрещенскихъ расходахъ (которые и посланы). На тотъ расходъ велѣно ему, Казначею, брать по 1000 рублей, а бумага покупается у нихъ на казенныя деньги другихъ сборовъ, а не изъ тѣхъ Новокрещенскихъ расходовъ, а въ цыдулкѣ велѣно зачислить тѣ деньги на расходъ Новокрещенской суммы для того, чтобъ остатку деньгамъ явилось меньше. По которой цыдулкѣ и по допросу его стала быть деньгамъ явная утайка.»

Въ другомъ письмѣ, и приложенномъ къ нему реестрѣ, въ одномъ пунктѣ сказано: «Въ кельѣ моей съ Казначеемъ и Келаремъ тебѣ, Алексѣю, осмотря искусно, и ежели что чрезъ надежду Божію явится, запечатать всѣмъ троимъ, держать въ цѣлости Казначею у себя въ кельѣ и въ Москву писать.»

Плетеневецъ показалъ, что «это письмо Архимандрита Витирима, привезенное имъ, Плетеневцомъ, изъ Москвы въ Великій Постъ, по которому велѣно ему въ томъ Спаскомъ монастырѣ въ кельяхъ

бывшаго Архимандрита Салникѣева осмотрѣть подъ поломъ поклажи. А сказывалъ о той поклажѣ въ Москвѣ Рязанской Губерніи, Радовѣдкаго монастыря Іеромонахъ Питиримъ. И они той поклажи не нашли; а Салникѣевъ еще на слѣдствіи показалъ, что у него въ подпольѣ въ двухъ большихъ бутылкахъ варыто было въ землю денегъ 1500 рублей, и что по показанію его изъ Губернской Канцеляріи посылали отыскивать ихъ, но по осмотру подполья, обще съ духовными Архіерейскими персонами, нашли только недавно разрытую яму, а денегъ ни чего не отыскано; а по тому знатно, что тѣ деньги взяты выше писаннымъ Келаремъ и пропадаютъ напрасно, а надлежало бъ, взявши ихъ публично, донести о томъ въ Синодъ.»

Между бумагами найдены двѣ инструкціи, за скрѣпою Подьячаго Ѳеофилактова, одна о сборѣ съ Поповъ на приказные расходы по 16 коп. съ Попа, другая о сборѣ съ Поповъ штрафныхъ денегъ. Плетеневецъ показалъ, что «тѣ деньги сбираются повсягодно уже четвертый годъ по приказанію Митрополита Сильвестра, а указовъ о томъ не имѣется и репортовъ въ Синодъ не посылается, что явная кража.»

Кромѣ того, Плетеневецъ и Подьячій Юрьевъ допросами показали, что «они были у записи вѣнечныхъ податей и брали тѣхъ пошлинъ съ первобрачныхъ по 52 коп., съ полуторобрачныхъ и двоебрачныхъ по 1 рублю 5 к., съ требрачныхъ по 1 р. 60 коп. А въ репортахъ показывается съ первобрачныхъ по 13 к., съ двоебрачныхъ по 26, съ требрачныхъ по 39, а остальныя въ приходъ не записываются, для того что вносятся въ келью къ Преосвященному Митрополиту.» Того ради я, усмотря оную народную тягость и слыша о томъ отъ многихъ происходящія жалобы, приказалъ Земскимъ Коммисарамъ каждому въ своемъ дистриктѣ освидѣтельствовать сказками, по чему тѣ деньги берутъ за вѣнечныя памяти, и въ сказкахъ показано, что берутъ тѣ деньги еще противъ показаннаго числа съ излишествомъ, а именно съ иныхъ брано по 2 р. 60 к. и по 2 р. 60 к., такъ что только по двумъ Уѣздамъ, Казанскому и Уржумскому, кромѣ провинцій, взято излишне за три года 3,307 р. Отъ чего чинится подлымъ людямъ великая тягость, а въ незаписке въ приходъ и непосылкѣ репортовъ явная жъ кража.»

Архіерейскіе Подьячіе, четыре человѣка, объявили по своимъ повытьямъ семь исковыхъ челобитенъ на его, Архіерея, имя, безъ Высочайшаго титула, и по тѣмъ челобитнымъ дѣла были произведены.

Спаскаго монастыря Стряпчій Свѣшниковъ объявилъ челобитную, писанную въ 1730 году, отъ имени братій этого монастыря на Салникѣева, и въ той челобитной сказано, что къ тому жъ воровству и общему съ нимъ согласію приличенъ Благовѣщенскаго Казанскаго собора Ключарь Степанъ Давыдовъ, который въ описныхъ книгахъ многія статьи, гдѣ были писаны деньги, выскребалъ и другія рѣчи своеручно измѣнялъ. И тѣ слова въ челобитную своеручно вписалъ Питиримъ. И переписана та челобитная по приказу его, Питирима, отъ имени Келаря съ братіей Спаскаго монастыря. По этому доношенію Указомъ Сильвестра изъ Москвы Ключарь отъ Соборной церкви отрѣшенъ и священнодѣйствія лишенъ и обнесенъ безвинно, по тому что сначала слѣдствія о Салникѣевѣ участія Ключаря въ его дѣлѣ не показалось. Духовные судьи Архіерейскаго Приказа прошенія отъ него не приняли, слѣдственные судьи тоже, и въ такой его обидѣ и въ посягательномъ челобитьѣ бить челомъ стало некому. А понеже въ милосердомъ Ея Величества Указѣ сего 1730 года повелѣно и накрѣпко подтверждено какъ вышнимъ, такъ и нижнимъ Судамъ дѣла рѣшать по самой чистой совѣсти и учиненной присягѣ, не смотря на лица сильныхъ и избавляя обидимаго отъ рукъ неправды, то, чтобъ оное его прошеніе принять къ оному его, Питиримову, составному черному доношенію, а у Келаря съ братіею взять сказки, какія имъ, Ключаремъ, вещи изъ этой церкви похищены и Питиримъ приписывалъ оныя рѣчи сообща ль съ братіею, или собою. А приписка Ключаря, по справкѣ съ описными книгами, состояла въ томъ, что многія иконы и другія вещи были не записаны, а онъ записалъ ихъ въ приходъ. И такъ оной Священникъ осужденъ напрасно, который таковъ въ своемъ званіи, какихъ во всей Казанѣ мало, или и подобнаго ему нѣтъ.

Въ томъ же приговорѣ именемъ его, Сильвестра, написано, что онъ, слушавъ прошенія властей Спаскаго монастыря, приказалъ въ ономъ съ ветхихъ иконъ всякаго званія оклады и привѣсы снять, также и съ Священническаго облаченія и прочей церковной утвари жемчугъ, дробницы и каменья сдорть, а у парчей золото и серебро

выжечь и оцѣня продать изъ домовыхъ бобыдей кому пристойно. А приговоръ тотъ писанъ, отъ имени Архіерея, имъ, Питиримомъ, что ему не надлежало дѣлать, по тому что онъ самъ Настоятель того монастыря и не судья Архіерейскаго дома, и для того приговоры сочинять, а паче о вещахъ той обители, гдѣ онъ самъ властелинъ, ему зѣло подозрительно. Изъ чего видно, что они оба съ Архіереемъ хотятъ тѣмъ корыстоваться сами. И между тѣмъ, какъ онъ же осудилъ Салникѣева, когда тотъ продалъ нѣкоторыя привѣсы на безотлагательныя монастырскія нужды, на пропитаніе братіи во время голода и на сѣмена въ монастырскія вотчины, и имѣетъ въ тѣхъ покупкахъ подлинныя росписки и свидѣтельства, самъ онъ, Архіерей, съ наслѣдникомъ мѣста того, Питиримомъ, учинилъ злѣе и того; понеже тотъ коснулся привѣсовъ отъ иконъ, а они велѣли на выжегу жечь и освященныя одежды и прочее. Какъ же то стало не самое богопротивное воровство?

А о собесѣдникѣ его, Архіерейскомъ, Питиримѣ, Подьячей Арманскій показалъ, что оный Питиримъ не только въ Архимандричествѣ, но и въ простыхъ Священникахъ быть не достоинъ, понеже, какъ Сильвестръ былъ на Рязани Архіепископомъ, держалъ онаго Питирима въ земленой тюрьмѣ и писалъ объ немъ въ Синодъ, что онъ, Питиримъ, ябедникъ, плутъ, и еретикъ, и раскольщикъ, которое доношеніе имѣется и нынѣ въ Духовной Дикастеріи. Да мнѣ же въ прошломъ Августѣ мѣсяцѣ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка Прапорщикъ Любовниковъ публично при многихъ сказывалъ, что онъ, Питиримъ, въ Шацкомъ Уѣздѣ держалъ воровскую у себя въ домѣ пристань и уже будучи Священникомъ, и самъ ѣзживалъ по разбоямъ, и что въ томъ многіе его товарищи переловлены и съ пытокъ на него въ томъ говорили, и онъ, Питиримъ, отъ того отъ церкви бѣжалъ, и, пришедъ въ монастырь тотъ, гдѣ былъ Архимандритомъ, или Игуменомъ, дѣдъ его родной, принужденъ постричься, и потомъ принялъ его къ себѣ Сильвестръ, будучи въ Рязанской Епархіи, и содержалъ его у себя нѣсколько времени тайно, и такъ онъ, Питиримъ, свободился отъ смерти, а товарищи его всѣ, за общіе съ нимъ разбои и грабежи, казнены смертію. И сіе все предаю въ разсужденіе Святѣйшаго Синода (30 Октября, 1730 г.).»

Разумѣется, нельзя одобрять Волынскаго за это донесеніе, которое было подыскиваніемъ подъ непріятеля, но его можно изви-

нить, въ виду извѣстнаго образа дѣйствій противника, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло. А до какой степени этотъ образъ дѣйствій не сроденъ Волыскому, мы видѣли это изъ уроковъ, которые ему дѣлалъ Салтыковъ за уклончивость, съ которой онъ отказывался отъ доносовъ.

Узнавши о новомъ донесеніи Волынскаго, Сильвестръ съ своей стороны подалъ на него доношеніе, направляя его противъ обвинительныхъ пунктовъ Волынскаго.

Сильвестръ началъ съ Нижегородцевъ:

«Изначала перваго свиданія Нижегородцы, злорадствуя, кричали на Спаскаго Келаря и говорили: «Вы бы насъ встрѣтили въ Свіяжскѣ. И чего вы съ другими на Салникѣевѣ ищете, то и сами ему заплатите.»

По ихъ же навѣту Губернаторъ Волынскій билъ дома нашего Секретаря Богданова смертно и напрасно.

Да по согласію жъ Нижегородцевъ Салникѣевъ подалъ въ Казанской Губернской Канцеляріи на меня доношеніе, которымъ ищетъ лѣтъ за двадцать и больше въ бытность мою Троицкимъ Архимандритомъ, яко бы во многихъ съ него и другихъ взяткахъ. Также будто у него въ Архимандрическихъ кельяхъ Спаскаго монастыря подъ поломъ въ землѣ зарыты были въ скляницахъ деньги, и по тому его доносу посланы были изъ Губернской Канцеляріи Секретари, и по его указанію будто денегъ искали, только ни чего не нашли. А видно тѣ деньги у Салникѣева имѣлись въ сохраненіи въ другихъ домѣхъ, а не въ монастырѣ, и Нижегородцы, знатно обще съ Салникѣевымъ, покорыстовались ими и, отводя свое лакомство, проискивали въ кельи у Питирима: но порожняго не положа пустаго нечего искать.

Да изъ той же Канцеляріи Секретарь Аврамовъ приходилъ съ солдатами въ домъ нашего Канцеляриста Плетеневца съ обыскомъ и, ухватя его, билъ и всякія, имѣющіяся при немъ, письма изъ двора его обобрали и отвели съ ними въ Канцелярію, и пытали въ застѣнкѣ тремя стряскамп смертно, и выломали у него руки и ноги

бревномъ, и содержится по се число въ смертномъ утѣсненіи напрасно, и едва нынѣ отъ того и живъ ли.

Взявъ также съ гренадерами Спаскаго Келаря Володимерцова съ письмами и Стряпчаго Свѣшникова, привели въ Канцелярію и съ пристрастіемъ распрашивали; и намѣрены были по тому жъ Свѣшникова пытать напрасно. А за что вышереченные люди мучены, о томъ въ Казани нашимъ вѣдать не даютъ и хоронятъ подъ скрытіемъ.

Они жъ, слѣдователи, оставя настоящее правленіе, разослали по всей нашей Епархіи Указы къ обывателямъ: у кого съ прошлаго 1727 года свадьбы имѣлись, и по чему за вѣнечную память пошлинъ становилось.

Да онъ же, Волынской, видно по согласію Нижегородцевъ, прислалъ въ Синодъ и въ Сенатъ разныя доношенія, въ которыхъ насъ уничтожая, написалъ, яко бы наше смиреніе, забывъ Бога и свою бѣдную душу и Архіерейскую совѣсть, и чиню святопродавство, и тѣмъ первѣе времени судитъ меня и ругаетъ, не токмо въ Казани словесно поноситъ всегда разными укоризны, но и здѣ при самой главности, гдѣ и самъ онъ судимъ и на меня суда проситъ, тутъ же не словесно уже, но и письменно, бранитъ явно, и пишетъ въ Москву къ Духовнымъ персонамъ и Господскимъ особамъ совѣтными письмами и цыдулками съ великими нашему смиренію угрозами, яко сущему извергу, или своему подчиненному, дабы мнѣ же испросить у него прощенія, а въ чемъ и за какую мою къ нему неуслугу и противность, истинно не знаю. А онъ, Губернаторъ, въ Казани уже третій годъ одинъ живетъ, и когда бъ мною оное было чинено, то надлежало бъ на меня въ тѣхъ яко бы народу обидахъ, или Указомъ противностяхъ, писать въ Москву, или собою слѣдовать, прежде прибытія Нижегородцевъ и прежде сей между нами вражды, нежели мстить за мой протестъ.

А вышереченные сборы и прочее у насъ исполнялось по прежному обыкновенію, какъ при Тихонѣ и другихъ Митрополитахъ было, а вновь наше смиреніе ни чего собою не заводилъ.

До прибытія Нижегородцевъ въ Казань такихъ страшныхъ за нами происковъ и ужасныхъ пытокъ ни отъ кого не бывало, и Гу-

бернаторъ Волынскій, по полученіи Синодскаго Указа, ожидая ихъ долговременно, одинъ въ дѣла не вступалъ. А онъ, Лаврентій, издавна къ тому разоренію себя затвердилъ и обыкъ не однимъ намъ обиды наносить, но многія бѣдства и злословія и первѣе сего чинилъ.» (Сильвестръ разсказываетъ исторіи, какъ Лаврентій судимъ былъ за взятки, смертные бои, блудодѣяніе и различныя монастырскія похищенія; какъ онъ посылалъ изъ Арзамаса въ Казань къ матери, сестрѣ, роднымъ и купленой жонкѣ разные припасы).

Слѣдователи не право поступаютъ и въ томъ, что вѣрятъ показаніямъ Салникѣева. Они должны знать Указъ, что публично наказанныхъ въ число добрыхъ людей принимать и вѣрить такимъ во всемъ запрещено.

Слѣдователи, усмотря, что Господинъ Волынскій, на котораго была у нихъ несправедливая надежда, отъ тѣхъ дѣлъ отрѣшенъ, а нынѣ по Указу Сената велѣно ему, отдавъ городъ и всѣ дѣла той Губерніи Вице-Губернатору Кудрявцеву, ѣхать въ Москву, а имъ, духовнымъ, воровству Салникѣева упущеніе, мнѣ пакости, а монастырю разореніе, однимъ дѣлать нельзя, отказались отъ слѣдствія собою, безъ Указу, а не для того, какъ въ доношеніи ихъ лжековарно написано. А что они получали только хлѣбъ и квасъ, то въ доношеніи ихъ показано ложно. Отнявъ кельи у Архимандрита Предтеченскаго, живутъ въ сильныхъ съ сродники своими забавахъ праздны седьмой мѣсяцъ безъ всякаго труда, токмо чинятъ нашему смиренію нестерпимыя пакости и обиды горши прежняго.»

Синодъ, въ которомъ не было ужь никого изъ покровителей Сильвестра, ограничился по этѣмъ доношеніямъ тѣмъ, что велѣлъ сыскать въ Синодъ проживавшаго въ Москвѣ Питирима, для отвѣта по доносу Губернатора; а что въ доношеніяхъ Сильвестра и Волынскаго касается до Гражданскаго Суда, о томъ поручить имъ искать суда, гдѣ надлежитъ (20 Ноября, 1730 г.).

Питиримъ, вмѣсто оправданія, прислалъ въ Синодъ доношеніе на духовныхъ слѣдователей, что «хотя бъ они своего безчестія на мнѣ и искали, а по Указамъ слѣдствіе имъ оканчивать подлинно довлѣло, а они. Нижегородцы, уничтожа посланные къ нимъ Указы, отъ произ-

веденія Салникѣевыхъ дѣлъ отказались самовольно, защищая противныя свои поступки и учинили остановку по страсти своей, наровя Салникѣеву, а не для того, какъ у Нижегородцевъ по злобѣ въ доношеніяхъ ложно во всемъ показано. А когда бъ Нижегородцы того, про что въ доношеніяхъ нашихъ показано, не чинили, то бы они могли своего безчестія по формѣ суда прямо искать, а не стороною, между прочими дѣлами подъ видомъ заочно просить и меня напрасно поносить, и оными доношеніи Нижегородцы первѣе времени забѣгаютъ и Ваше Святѣйшество оболганіемъ утруждаютъ, а въ своихъ непорядочныхъ поступкахъ, узнавъ вину, запираются и меня ябедникомъ и другими злословятъ напрасно, котораго своего безчестія по силѣ Указу впредь искать буду.»

V.

Отправивши доношенія въ Сенатъ и Синодъ, Волынскій на этомъ не остановился, а послалъ прошеніе на Высочайше имя, вложивши его въ пакетъ Семена Андреевича Салтыкова. Это былъ съ его стороны рѣшительный шагъ, и по тому онъ озаботился обстановить его какъ можно лучше. Въ Москву изъ Казани послано было довѣренное лицо (кажется, Подполковникъ Дубасовъ) съ пакетами писемъ ко всѣмъ милостивцамъ и съ подробномъ наказомъ, гдѣ и какъ вести дѣло.

Мы приведемъ относящуюся сюда переписку Волынскаго въ полномъ видѣ, чтобы не пропустить ни чего изъ этого любопытнаго дѣла.

Довѣренному лицу вручена была, записка для памяти, что дѣлать по пріѣздѣ въ Москву:

«1. Пріѣхавъ, освѣдомиться, какъ скоро отправляется новой сюды Губернаторъ, и съ тѣмъ прислать нарочнаго на скоро.

2. Внушить Семену Андреевичу и прочимъ, хотя разсуждаютъ пользу мнѣ въ моей перемѣнѣ, а мнѣ оная конечное принесла разореніе, какова на меня не бывало, понеже я по обнадеживанію ихъ забрался сюды со всѣмъ домомъ, гдѣ однихъ людей у меня чело-

вѣкъ со сто, а женатыхъ съ тридцать сѣмей. И такъ мнѣ хотя бъ и лишчіе прихоти посмѣтать здѣсь, однако жъ и съ нуждами чего обставить нельзя, врядъ на двѣсти подводъ убраться, кромѣ своихъ лошадей.

3. У меня жъ заведены сюды изъ заводовъ изо всѣхъ деревень лутчіе все лошади съ 80, и все кобылы да жеребята, которыхъ ковать нельзя, а не кованныхъ вести не возможно, а Персидскіе отъ одной стужи всѣ помрутъ. Какъ же то не самое мнѣ разореніе стало? А естьли бъ весною мнѣ отсюды ѣхать и чтобъ до Маія мѣсяца не перемѣнили меня, чтобъ я всего того разоренія миновалъ и собрался водою безо всякаго лишняго убытка.

4. Сверхъ того имѣю дѣтей малыхъ и деликатныхъ, которые не только на дворъ ходить, но и сѣней, за слабостію здоровья, мало знаютъ; а мнѣ ихъ оставить не на кого, а везти съ собою зимою я ихъ за стужу и могу поморить. Ежели бъ жива была покойная жена моя, я бы не тужилъ о томъ, хотя и здѣсь оставить.

5. Еще жъ сколько образна и обидна мнѣ моя перемѣна, то всякому легко разсудить можно. Когда я просилъ и искалъ того, тогда меня не допустили; а нынѣ полно мнѣ и того несчастія, что я лишился жены, а теперь пришло и съ дѣтьми и съ домомъ разстаться: сіе кто можетъ мнѣ причесть въ благополучіе? Но всякъ будетъ думать, что я отрѣшенъ за вину какую.

Подъ то жъ время, хотя я и самъ просилъ и прошу о розыскѣ между мною и Архіереемъ, теперь кто повѣритъ тому? Всякъ будетъ думать, что я въ опалѣ; понеже и перемѣнить и розыскивать про меня велѣно.

Еще жъ меня отрѣшать отъ Губерніи, а Архіерей остается въ своей Епархіи, а вся ссылка по дѣламъ на его духовныхъ и его подчиненныхъ. Какъ они за страхомъ Архіерейскимъ не будутъ по немъ покрывать и исполнять ево волю? Понеже образцы по Салникѣевымъ дѣламъ самъ знаешь, какъ Архимандриты и протчіе изъ подъ неволи къ суду прикладывали руки, а за что судили и какъ осудили, того сами не знали.

6. Я буду отъ Губернской Канцеляріи отрѣшенъ, а Нееедъ Кудрявцовъ, который на меня съ Архіереемъ за одно жъ стекался, будетъ сидѣть въ Канцеляріи, гдѣ всѣ къ тому слѣдствію надлежащіе дѣла и всѣ справки, а въ моихъ рукахъ того ни чего не будетъ: какой же тотъ будетъ правой розыскъ? Понеже что надобно, тово будетъ и сыскать негдѣ. Сверхъ того всякаго плута возбудятъ на меня то говорить, чего я не дѣлалъ, да не такъ, а мнѣ будетъ и оправдаться не чѣмъ, и такъ я и съ правдою буду хуже виноватого.

Того ради что мнѣ пользы въ розыскѣ? Я бы лучше желалъ, чтобъ меня совсѣмъ въ Москву взяли, ежели такъ будутъ дѣлать; пускай лучше сама Государыня изволитъ увидѣть мою правду; понеже я не за свои дѣла сталъ, но по Указу, и тѣмъ Архіерея возбудилъ на себя, что я хранилъ Императорскую честь и правду, да искалъ и пресѣкалъ явную Архіерейскую кражу.

7. Навѣдаться пожаловать о невѣстѣ, нѣтъ ли какой, и кто она такова: потомъ немедленно ко мнѣ отписать, понеже самъ ты знаешь, какъ я боюсь того.

8. Всего бъ лучше, чтобъ остановить новаго Губернатора, да прислать сюда розыскивать про меня, а меня бъ не перемѣнить. И хотя во время слѣдствія мнѣ въ Губернской Канцеляріи и не засѣдать и въ команду не вступать, то и нѣтъ ни чего, только надобно, чтобъ и Архіерей отъ Епархіи на то время отрѣшенъ былъ, также чтобъ и Нееду Кудрявцову не присутствовать въ Канцеляріи на то время, для того, что у меня съ нимъ соора. А по розыскѣ естьли вины моей не будетъ, чтобъ мнѣ по прежнему править должность мою, хотя до Маія мѣсяца, а потомъ хотя и перемѣнить, такъ мнѣ не такъ будетъ образно, да и выѣздъ мой мнѣ легче будетъ.

А буде не такъ, то лутче чтобъ въ Москвѣ слѣдовать.

9. Еще навѣдаться о томъ мѣстѣ, гдѣ я послѣ перемѣны опредѣленъ буду, и сіе все, что навѣдаетесь, прошу человѣку моему, Курочкину, сообщать

10. Посылаю съ вами подъ конвертомъ дяди Семена Алексѣевича всеподданнѣйшее мое прошеніе къ Ея Императорскому Величе-

ству, и ежели она захочетъ показать милость со мною, надобно оное подать всеконечно, дабы Государыня извѣстна была, что я невиненъ, а когда изволитъ усмотрѣть, я уповаю на Ея Величества великодушіе и мудрое разсужденіе мужественно, что меня напрасно не повелитъ перемѣною разорить и непорядочнымъ розыскомъ обругать. А буде онъ, жалѣя меня, по своему мнѣнію да не подастъ, такъ онъ тѣмъ погубитъ меня, и я вижу, что дѣло къ тому идетъ, что мнѣ умереть съ печали, что Богъ на немъ взыщетъ, что онъ до того довелъ меня.

11. Невозможно ль дядѣ Семену Андреевичу и прочимъ моимъ милостивымъ той милости показать, чтобъ для того розыску прислать кого изъ гвардіи, которые у такихъ дѣлъ бывали: Раевскій, Епишковъ, или Мельгуновъ. Я отъ такихъ ни отъ кого не прочь, только чтобъ порядочно повели слѣдствіе.»

Съ Дубасовымъ посланы были письма къ Салтыкову и къ Урусову; письмо къ Салтыкову было послѣднимъ усиліемъ со стороны Волынскаго разшевелить дядю:

«Понеже я знаю себя въ совѣсти моей, что я невиненъ конечно и во всемъ чистъ, а я вижу, что дѣло не туды идетъ (и то, Милостивой Государь, отъ васъ мнѣ, что не могли и съ правдою моею престеречь меня), того ради, не дожидаяся крайней напасти, принужденъ написать прошеніе мое къ самой Ея Императорскому Величеству, Всемилостивѣйшей Государынѣ. И ежели не надобна вамъ моя погибель, прошу оное поднесть; ибо я то учинилъ, вѣдая Ея Императорскаго Величества великодушное и мудрое разсужденіе, на которое уповая, не чаю, чтобъ безвинно я терпѣлъ немилость и преданъ былъ въ руганіе, да еще же за Ея Величества интересы, а за то себѣ злобу и напасть явную купилъ. А въ какой силѣ оное письмо, прилагаю копію, изъ которой изволите сами усмотрѣть, что противности въ немъ ни какой нѣтъ.

Я не знаю, Милостивой Государь-Отецъ, передъ вами ни какой моей вины, что вы сами изволите засвидѣтельствовать; а ежели вы меня нынѣ оставите, истинно вамъ за то будетъ самъ Богъ мститель, и я съ печали умереть могу.»

Въ то же время Волынскій писалъ къ Урусову:

«Хотя я вамъ просьбами моими наскучилъ, да крайняя неволя къ тому влечетъ меня, избывая напрасной бѣды и крайняго моего разоренія. Разсудилося мнѣ написать всеподданнѣйшее мое прошеніе къ Ея Императорскому Величеству Всемилостивѣйшей Государынѣ, которое послалъ подъ конвертомъ дяди моего, Семена Андрѣевича, да боюсь того, что онъ, жалѣя меня, подать либо не осмѣлится, а я опасности въ томъ ни какой не нахожу себѣ, для того, что я чистъ конечно.

И такъ естьли изволитъ Ея Императорское Величество то усмотрѣть, я уповаю на Ея Величества великодушіе и мудрое разсужденіе, что меня безъ вины напрасно обругать и разорить не повелитъ.

Я отъ розыску истинно не бѣгу, и самъ о томъ прошу, да только чтобъ порядоченъ былъ, а то какой же будетъ розыскъ, что всѣ мои оправданія и дѣла отнимутъ изъ моихъ рукъ, да станутъ слѣдовать, а мнѣ будетъ и сослаться не на что; а когда меня отрѣшатъ, надлежитъ отрѣшить и Архіерея отъ Епархіи, а Нееду не надлежитъ быть при Губернской Канцеляріи, понеже у меня съ нимъ ссора, а онъ обще стакался противу меня съ Архіереемъ.

Впрочемъ ссылаюсь на вручителя сего: что вамъ будетъ доносить, изволь повѣрить, и не оставить ево въ милости своей, понеже и онъ невинно страждетъ.

Остатнѣе прошу, естьли инова нельзя сдѣлать, чтобъ меня для допросу взять въ Москву прежде перемѣны: я столько чистъ, что въ два часа всѣ ево Архіерейскіе пункты очищу. А по допросѣ моемъ для улики пускай пошлютъ сюды слѣдовать, кого хотятъ, а меня пускай задержатъ въ Москвѣ, а вмѣсто меня быть здѣсь моему повѣренному. Да чтобъ Архіерею и Спаскаго монастыря Архимандриту Питириму не быть здѣсь. Понеже онъ по дѣламъ показался многажды явнымъ плутомъ.

А за тѣмъ по слѣдствіи воля Ея Величества и перемѣнить меня, да я честенъ буду и неподозрительно выѣду отсюда безо всякаго стыда. А буду по допросу моему и послѣдствію, естьли только достоинъ буду потерять палецъ, не буду стоять и за голову.

А безъ вины и безъ розыску не хочу, чтобъ я такъ былъ обруганъ, какъ злодѣй какой. И то сами можете разсудить; а хотя дядя ко мнѣ и пишетъ, разсуждая изъ моей перемѣны мнѣ пользу, да я вижу, что пропаду и разобьюся со всѣмъ моимъ домомъ.

За вину чего меня жалѣть? да прежде надлежитъ освидѣтельствовать, а не тому вѣрить, что плуты, закрывая воровство свое, доносятъ и затѣваютъ. Впрочемъ, прошу напамятовать Бога и душу, да меня въ такомъ моемъ зломъ несчастьѣ не оставитъ, и въ правдѣ моей, сколько сможешь, непоможествовать мнѣ. Симъ прекратя, остаюсь вашъ, Государя моего, покорный и вѣрный слуга Артемей Волынской.»

Человѣкъ Волынскаго, Курочкинъ, разнесъ всѣ его письма по адресамъ, и 24 Ноября увѣдомлялъ его о положеніи его дѣла:

«Сего Ноября 14 числа полученъ вашъ, Государевъ, Указъ, при томъ и письма къ вашему благодѣтелю чрезъ Сержанта, Господина Хомутова. И тѣ, Государь, письма, по подписанному, съ нимъ обща разнесли. А сего жъ, Государь, Ноября 20 числа въ Москву привезъ и Петръ Игнатьевичь Дубасовъ, и съ нимъ присланные письма всѣ разнесены жъ. И на тѣ письма всѣ сказали, что вамъ, Государь, лучше ѣхать скорѣй въ Москву, нежели тамъ медлить, а о конвоѣ и о подводахъ Семенъ Андрѣевичъ, Павелъ Ивановичъ и Князь Григорій Алексѣевичъ Урусовъ сказали, что ни какъ того Указу сдѣлать не можно. Присланное, Государь, письмо ваше, Государь, по совѣту Семена Андрѣевича съ Князь Алексѣемъ Михайловичемъ, Петромъ Игнатьевичемъ Дубасовымъ подано Оберъ-Камергеру Господину Бирону, которое въ то жъ число у Государыни и чтено при Семенѣ Андрѣевичѣ, и на то, де, ни чего не сказано, и о перемѣнѣ, Государь, вашей сдѣлано имяннымъ Указомъ, а видно по Архіерейскому оглашенію, на что чаялъ все яко бы то и правда, а челобитью, Государь, Архіерейскому въ Сенатѣ о розыскѣ опредѣленія ни какого нѣтъ. А о принятіи, Государь, Казанской Губернской Канцеляріи изъ Сенату Нееду Кудрявцову Указъ данъ Ноября 9 числа, и къ вамъ такой же Указъ посланъ, а надѣюсь, что Нееда Кудрявцовъ изъ Москвы выѣдетъ сегодня, а Губернаторомъ въ Казань сказано Князь Михайлу Володимировичу Долгору-

кову, а Указу еще въ Сенатѣ не написано. А Неѳедъ Кудрявцовъ вамъ, Государю, такой благодѣтель, что присланныхъ Казанскихъ деньщиковъ Пирожникова и который присланъ съ Сержантомъ Хомутовымъ взялъ къ себѣ; о чемъ тое обиду доносилъ и Семену Андрѣевичу, изволилъ на то сказать, что не отъ него зависитъ, а оной Сержантъ Хомутовъ, хотя, имѣя себѣ здѣсь свободу, и пріискать бы можно мѣсто, однако добросовѣстно соизволилъ на службѣ вашей въ Москвѣ остаться и нынѣ отправленъ къ вамъ, Государю, на ямщичьихъ двухъ подводахъ, а до сего числа не отправленъ за тѣмъ, что чаяли по присланному письму до Ея Величества Указу.

А нынѣ того ради, Государь, я началъ приготовлять сѣна и дрова въ Москву къ пріѣзду вашему. А гдѣ, Государь, (какъ) прибыть изволишь, возмемъ квартеру, о томъ ко мнѣ, рабу своему, прикажи отписать. А Василья Ивановича Волынскаго домъ отданъ въ наемъ иноземцу. О семъ доношу вашъ всенижайшій рабъ Андрей Курочкинъ. Ноября 24 дня, 1730 году.

Еще вамъ, Государю, доношу, что видно изо всего заочнаго ни отъ кого благодѣянія по вашему желанію незнамо для чего нѣтъ. Можетъ иные великаго способа достать не могутъ, а другіе яко бы говорятъ, сожалѣя о помощи. Больше всего говорятъ та перемѣна сдѣлана отъ ничоваго охраненія. А Михайлу Михайловичу брату вашему, Государь, въ Сенатѣ опредѣленія къ дѣламъ ни какого нѣтъ, и о томъ нѣкто ему писалъ ложно.»

Нетерпѣливый Волынскій, не дождавшись отвѣта Салтыкова, послалъ къ нему еще новое письмо съ просьбой объ оставленіи его въ Казани хоть до будущей весны:

«Я уповаю, что съ прошеніями моими Сержантъ Хомутовъ прибылъ давно, а и Господинъ Дубасовъ въ сихъ дняхъ (кажется, въ половинѣ Ноября) къ Вашему Превосходительству уже прибылъ, и кромѣ писемъ моихъ могъ вамъ словесно о всемъ донести. По тому милостиво изволите, Милостивый Отецъ, сами разсудить, сколько безчестна и убыточна мнѣ нынѣ будетъ трудность въ дорогѣ съ малыми ребятишками, дѣтьми моими. Истинно я разорился безъ остатка со всѣмъ моимъ домомъ, и дѣтей бѣдныхъ принужденъ буду конечно повредить стужею, понеже здѣсь рѣдко помнятъ такихъ въ Ноябрѣ морозовъ, какіе нынѣ стали.

Я, Милостивой Государь Отецъ, ни о чемъ иномъ не прошу, когда пришла на то воля Ея Императорскаго Величества что(бъ) меня перемѣнить, что дѣлать, и когда ни будь надобно тому быть, да только чтобъ не въ нынѣшнее время. И для того всенижайше прошу показать надо мною Божескую милость и милостиво испросить мнѣ до весны время въ моей перемѣнѣ. Также прилежно прошу и о слѣдствіи по Архіерейскимъ на меня затѣйнымъ и составленнымъ бреднямъ, чтобъ повелѣно было слѣдовать не тому, кто на мое мѣсто Губернаторомъ назначенъ; понеже онъ, желая моего мѣста, будетъ на мою сторону посягать и съ правдою могъ дѣлать меня нарочно виноватымъ; также при томъ слѣдствіи чтобъ Нееду Кудрявцову не быть; понеже онъ съ Архіереемъ обще противу меня стакался. Того ради чтобъ повелѣно было прислать кого особливаго, и я не выбираю ни кого, только чтобъ кто совѣстенъ былъ и зналъ совершенно дѣло, а я готовъ подписаться на смерть, что ежели порядочно и на обѣ стороны ни посягая, ни маня, будетъ изслѣдовано, я буду во всемъ правъ, а Архіерей останется въ томъ какъ недобрый и безсовѣстный человѣкъ. [15]

Впрочемъ, Милостивой Государь-Отецъ, всенижайше прошу милостиво напамятовать мои хотя малые, но вѣрные, услуги къ Вашему Превосходительству, милостивому отцу, и при томъ милостивое ваше отеческое ко мнѣ обнадеживанье, и показать въ томъ ко мнѣ Божескую милость.

Ежели о пріѣздѣ моемъ въ Москву будутъ ту невозможность разсуждать, что Губерніи оставить не на кого, есть здѣ Подполковникъ Хвостовъ, во сто мѣръ лучше Нееда, и правилъ цѣлую Нижегородскую Губернію такъ порядочно, что въ одинъ годъ передѣлалъ столько дѣлъ, чего Юрій Ржевскій въ десять лѣтъ не сдѣлалъ.»

Не извѣстно, что отвѣчалъ Салтыковъ на это письмо, но Князь Урусовъ писалъ ему, что это его желаніе не исполнимо:

«Письмо ваше, писанное въ Казанѣ сего Ноября 4 дня, я получилъ 17 дня, ввечеру, на которое симъ отвѣтствую, чтобъ вамъ умедлить въ Казанѣ до весны, ни какъ не могу вамъ въ томъ услужить, а для чего, о томъ изволишь увѣдомиться, пріѣхавъ въ Москву; ибо вамъ лутче быть здѣсь, какъ можешь управиться скорѣе,

[15] См. выше примѣч. 12-ое. О. Б.

нежель въ Казанѣ до весны умѣшкать; а что вамъ по вашимъ недостаткамъ зѣло проѣздъ убыточенъ, и я тому вѣрю, да что же дѣлать? А что вы съ обнадеживанія привезъ и привелъ много, и въ томъ никто не виненъ, кромѣ васъ, понеже обнадеживали васъ не такой мѣрою, дабы вамъ не изъятну быть вовсе изъ Казани; токмо разсуждая въ вашу пользу, что вамъ перемѣны (въ то время не было) не слышно, и лутче вамъ жить тамъ, нежели въ Москву, по вашему желанію пріѣхать; а когда не потрафлено въ вашу пользу, и то уже друзьямъ и писать совѣтовъ не надобно. Архіерейская ссора съ вами, я чаю, твоимъ сюда пріѣздомъ пресѣчется безъ слѣдствія, а на ваше мѣсто будетъ Губернаторомъ Князь Михайло Володимировичъ Долгорукой, которой отсель поѣдетъ, я чаю, не замѣшкавъ, а Вице-Губернаторъ Кудрявцовъ, я не знаю, за чѣмъ отсель еще не поѣхалъ, а надлежало ему отсель давно выѣхать и ѣхать въ Казань. Вѣрный вамъ, Государю, слуга Князь Григорій Урусовъ. Изъ Москвы, Ноября 20 дня, 1730 года.»

VI.

Мы не знаемъ, при какомъ изъ этѣхъ прошеній и когда именно Волынскій послалъ оправдательное объясненіе на 38 пунктовъ Сильвестра. Видно только, что онъ послалъ ихъ въ 1730 году, когда Сильвестръ былъ еще въ Москвѣ. Вѣроятно, это было послѣдствіемъ его неудачныхъ просьбъ о разслѣдованіи дѣла на мѣстѣ.

Такъ какъ въ біографіи Волынскаго [16] приведены пункты Сильвестра, какъ «драгоцѣнный документъ, проливающій самый яркій свѣтъ на цѣлую эпоху жизни и дѣятельности Волынскаго,» то мы считаемъ справедливымъ привести и оправдательные пункты Волынскаго. Но они будутъ непонятны безъ обвинительныхъ пунктовъ, и по тому мы просимъ позволенія привести вмѣстѣ тѣ и другіе, одни за другими:

«1. Приговоромъ бывшаго Губернатора, Василія Зотова, съ товарищи, противъ прошенія нашего изъ Казанской Губернской Канцеляріи Указомъ, крѣпостныя наши старинныя мѣста въ Каменномъ

---

[16] «Артемій Петровичъ Волынскій,» Г. Шишкина. Отеч. Зап. 1860 г.

городѣ, близъ Никольскихъ воротъ, мѣрою длины тридцать, а поперешнику двадцать сажень, отданы были въ домъ нашъ по прежнему, и оный Указъ нынѣшній Губернаторъ Волынскій, по немилости своей къ намъ, уничтожилъ и вышеозначенныя мѣста владѣніемъ у насъ отрѣшилъ, и ни чего строить на нихъ не велѣлъ, и на вышереченныя мѣста ко всякому строенію куплено было нами у постороннихъ дорогою цѣною лѣсу сто восемдесятъ девять деревъ, также изъ плотовъ по два лѣта съ четыреста лучшихъ бревенъ, сильно Губернаторъ побралъ себѣ на дворъ и поутребилъ въ новопостроенныя свои Губернаторскія хоромы безденежно, и тѣмъ сильнымъ взятіемъ дому нашему учинилъ обиду и въ дѣлѣ остановки, также и другихъ нашихъ домовыхъ служителей, разныхъ чиновъ людей, побралъ, лучшихъ же бревенъ на выборъ многое число, безъ платы же.

1. Оныя мѣста въ замкѣ Казанской крѣпости, гдѣ были Дворянскіе и протчихъ чиновъ людей дворы, въ томъ числѣ и соборныхъ Поповъ, а не одни Архіерейскіе, и при бытности Губернатора Петра Матвѣевича Апраксина тѣ дворы сломаны, для очищенія крѣпости, и чтобъ въ ней деревяннаго строенія, для опасности отъ пожаровъ, и не было (что конечно и надлежало сдѣлать), а на тѣхъ мѣстахъ сдѣланъ цейхгаузъ каменной, а противъ цейхгауза сдѣланъ же Губернаторскій дворъ (который потомъ къ суконной фабрикѣ отданъ), а у кого тѣ дворы сломаны, тѣмъ людемъ даны иные мѣста, въ томъ числѣ соборянамъ и Архіерейскимъ служителямъ, на которыхъ они и нынѣ живутъ: и то онъ, Архіерей, все утаилъ; а что написалъ, что ему отдалъ мѣста Василей Зотовъ, и то учинено напрасно. Понеже не только вновь въ крѣпости деревянныхъ дворовъ подлымъ людемъ строить не надлежитъ, но и старое строенье весьма надобно вынесть, для того, первое, что отъ того въ крѣпости тѣснота, а параднаго нѣтъ довольнаго мѣста (какъ въ прочихъ крѣпостяхъ вездѣ есть и надобно быть); второе, надобно опасность имѣть отъ пожару, понеже подлѣ того мѣста, вышепомянутой цейхгаусъ, которой покрытъ деревомъ, а сводовъ каменныхъ въ немъ нѣтъ. Также близъ того мѣста фабричный дворъ и Соборная церковь, подлѣ которой кладутъ Архіерейскія дрова по нѣскольку сотъ саженъ. И ежели на томъ мѣстѣ попустить строиться нѣвчихъ Архіерейскихъ (какъ мнѣ онъ, Архіерей, о томъ говорилъ), то оные небреженіемъ своимъ все оно сож-

гутъ. Ктому жъ и мѣсто оное зѣло тѣсно, и строиться онымъ невчимъ негдѣ, для того что тутъ построены магазейные анбары на полковые аммуницы. Сверхъ того для лутчаго разсмотрѣнія прилагаю о томъ чертежъ. А что онъ, Архіерей, написалъ, что будто взято сто восемдесять девять бревенъ да четыреста бревенъ, и что будто и у другихъ домовыхъ ево побрано бревенъ лутчихъ многое число безденежно, и то онъ все солгалъ. Понеже хотя лѣса на Государственные строенія у лѣсныхъ торговыхъ людей, по торговой цѣнѣ и съ торги браны, тѣмъ всѣмъ производится должная заплата, и жалобы за то я ни отъ кого не слыхалъ, а у Архіерея ни одного бревна не бирывано.

2. Въ томъ же Каменномъ городѣ имѣлся у насъ старинный небольшой садъ и огородъ, въ которомъ, прошлаго 728 году, въ прибавокъ купя на свои келейныя деньги яблоновыхъ и вишневыхъ и прочихъ, раждающихъ плоды, деревьевъ, посадилъ вновь своимъ трудомъ, и промежъ тѣхъ яблоней на грядахъ обыкновенно дому нашего монахи садили ниже означенный овощи, чѣмъ напредъ сего по вся лѣты и пропитаніе имѣли, и во ономъ нашемъ саду въ Великій Постъ онъ, Губернаторъ, не сказавъ намъ, велѣлъ сломать замки и вороты, и травилъ собаками волковъ и зайцевъ, отъ чего старыя деревья поломали, а вновь посаженныя мною деревья приказалъ, выкопавъ, перенести и посадить на загородномъ своемъ дворѣ, и послѣ недѣли Святыя Пасхи саженныя овощи наши: лукъ, чеснокъ, рѣдьку, салатъ, росаду, мяту, по приказу его, выкопали изо земли и выбросили за ограду, и приставилъ свой караулъ, а калитку съ двора нашего, которою наши ходили въ оной садъ, велѣлъ бревнами завалить на глухо, и за онымъ и до днесь входу отъ насъ изъ владѣнія тѣмъ мѣстомъ нѣтъ.

2. Оной огородъ и садъ Архіерейской никогда не бывалъ, а заводилъ его Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ подлѣ выше помянутаго Губернаторскаго каменнаго дому, того, что къ суконной фабрикѣ отданъ, и огородилъ тотъ садъ каменною стѣною, придѣланною къ тому каменному двору, и владѣлъ имъ онъ, Петръ Матвѣевичъ, а послѣ Петра Матвѣевича владѣли протчіе Губернаторы: Петръ Самойловичъ, Алексѣй Петровичъ Салтыковъ, Князь Александръ Волконскій, Иванъ Ѳамендинъ. А потомъ, въ прежнюю мою здѣсь бытность,

владѣлъ и я тѣмъ садомъ безспорно, а потомъ и Василей Зотовъ владѣлъ же; а когда мнѣ велѣно Зотова перемѣнить, тогда оный отдалъ Архіерею безъ Указу собою; а когда я сюда прибылъ, сталъ онымъ паки владѣть, и отъ Архіерея ни какова спору въ томъ не слыхалъ, а деревъ я изъ него на загородный дворъ ни одного не высаживалъ и вывозить было не для чего. А что онъ, Архіерей, написалъ, будто я калитку съ двора его, которою его люди ходили въ тотъ садъ, велѣлъ завалить на глухо бревнами, а калитки съ Архіерейскдго двора ни какой къ тому огороду нѣтъ и быть негдѣ, для того что между Архіерейскимъ дворомъ и тѣмъ садомъ Соборная церковь, а за Соборною церковью бывшей Губернаторскій дворъ, что нынѣ фабрика, а ходъ въ тотъ садъ особливой, а не съ Архіерейскаго двора и оной входъ и теперь цѣлъ, а я не только Архіерейскую калитку, но и ни какой не задѣлывалъ: и то онъ, Архіерей, все солгалъ.

3. А отнялъ и завладѣлъ онъ, Волынскій, тѣми мѣстами и огородомъ подъ именемъ купца Ивана Миклаева, жены его вдовы, Авдотьи, Ивановой дочери, которыми, какъ самъ Иванъ Миклаевъ при жизни своей, такъ и по кончинѣ его, оная вдова подлинно не владѣла, въ чемъ повелѣніемъ ея, прикащикъ ихъ, Иванъ Артемьевъ, въ Мануфактуръ-Конторѣ сказкою предъявилъ, что оными мѣстами и садомъ они не владѣли, и впредь имъ ни подъ какія случающіяся потребы во владѣніи быть не угодны, которая сказка и въ Правительствующемъ Сенатѣ по челобитью нашему и въ выписку о тѣхъ мѣстахъ написана.

3. Я владѣлъ тѣмъ садомъ не подъ именемъ вдовы Микляевой, а владѣю по тому, какъ выше во второмъ пунктѣ написано; а что онъ, Архіерей, написалъ, что мужъ той вдовы, Иванъ Микляевъ, не владѣлъ тѣмъ садомъ, и что по смерти его и оная вдова не влаживала, то правда, токмо оной Микляевъ и жена его для того не владѣли, что ему отданъ одинъ дворъ каменной Губернаторскій для фабрики, а о томъ саду, чтобъ отдать ему, въ томъ Указѣ не написано. И хотя оной Микляевъ и просилъ меня о томъ саду, токмо я ему не отдалъ, а отдалъ по Указу одинъ дворъ; и то дѣлалось въ прежнюю мою здѣсь бытность, что онъ, Архіерей, все утаилъ, а на меня затѣялъ: сверхъ того онъ имѣетъ особливой свой

садъ тутъ же въ замку противъ Архіерейского дому, и въ тотъ я не вступаюся.

4. Также при домовомъ нашемъ Кизическомъ монастырѣ, во кругъ и подлѣ самой ограды, присланные отъ него, Губернатора, многолюдствомъ издревле береженную многихъ лѣтъ рощу порубили не малое число, изъ которыхъ присланныхъ озорничествомъ хотѣли онаго монастыря Игумена Корнилія бить, и отъ той ихъ наглости едва онъ, Игуменъ, въ монастырь ушелъ и бѣгствомъ спасся, понеже онъ, Игуменъ, въ посѣчкѣ той рощи имъ воспрещалъ, а поимать оныхъ, за малолюдствомъ служителей монастырскихъ, было опасно и привесть за немилость Губернаторскую въ Канцелярію не возможно.

4. Все оное Архіерей солгалъ; понеже того ни чего не бывало, и я во всемъ томъ шлюсь на того Игумена и на всѣхъ того монастыря монаховъ, и на всѣхъ домовыхъ Архіерейскихъ служителей. Ктому жъ оная роща и теперь цѣла вся, которую я нарочно, услыша оную его затѣйную ложь, посылалъ свидѣтельствовать, а вырубить я ни кого ни одно дерево не посылывалъ; а съ чего онъ, Архіерей, то написалъ и солгалъ, я не знаю.

И когда я о томъ увѣдомился, спрашивалъ, при многихъ, того монастыря Игумена: цѣла ль та ихъ роща, или порублена, и кто оную рубилъ, и съ чего Архіерей то на меня написалъ, чего я не вѣдаю, и оной Игуменъ, при свидѣтеляхъ, мнѣ сказалъ, что рощи той ни кто не рубливалъ, только, де, весною приходили солдатскіе дѣти съ лѣкарскимъ ученикомъ, и, не сказавъ ему, Игумену, брали сосновые почки съ той рощи въ госпиталь на лѣченье больныхъ, а собирали, де, небережно и ломали нѣкоторыя сучья, и онъ, де, Игуменъ посылалъ на нихъ жаловаться къ тому Лѣкарю, отъ котораго они присыланы были, и тотъ, де, Лѣкарь хотѣлъ ихъ за то наказать, а рощи, де, они не рубливали, и его, Игумена, бранивали, и то, де, все напрасно на него затѣяно.

5. Оной же Губернаторъ, ѣхавъ изъ Москвы въ Казань Волгою-рѣкою, и пріѣхавъ въ городъ Чебоксары, и вышедъ изъ струговъ своихъ на берегъ, и по согласію съ Чебоксарскимъ Воеводою,

Алексѣемъ Заборовскимъ, велѣли изъ пушекъ палить (или стрѣлять), и въ то время отъ потѣхи ихъ пушку разорвало, и погибло мужеска и женска полу человѣкъ съ пятнадцать, о чемъ наше смиреніе, боясь суда Божія, по должности моего званія, и умолчать опасся, понеже отъ ихъ Господскихъ чрезвычайныхъ забавъ люди Божіи безъ всякаго Христіянскаго исправленія лишены сего отвѣта безвременно.

5. Я Воеводѣ Заборовскому истинно не только стрѣлять не приказывалъ, но и заказать велѣлъ, и о томъ кричали, чтобъ не стрѣляли, только не слышно было, понеже я не дошелъ до того мѣста сажень со ста. А что пьяной пушкарь зарядъ положилъ неумѣренный, и что разорвало пушку, и его самого и при томъ другихъ побило четырехъ человѣкъ на повалъ, да двое отъ ранъ померли, я въ томъ не виноватъ. Сверхъ того отъ той разорванной пушки два великія жеребья упали близъ меня, и на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ я шелъ, и такъ меня мало самого не убило до смерти.

6. А потомъ съ начала прибытія Господина Волынскаго въ Казань люди его и при немъ солдаты, слыша отъ него къ намъ всякія напрасныя посягательствы, пришедъ къ пѣвчему нашему, Алексѣю Высоцкому, въ домъ, нахально ночнымъ временемъ и бивъ его, едва жива покинули безъ всякія причины.

6. Я конечно людемъ моимъ и ни кому не потачикъ, а жалобы о томъ какъ отъ пѣвчаго, такъ и ни отъ кого не слыхалъ, и люди мои по ночамъ изъ двора моего не выходятъ, что у меня накрѣпко заказано, а и въ день по дворамъ не шатаются ни къ кому, развѣ кто за чѣмъ посланъ, и для того не вѣрю, чтобъ то было отъ моихъ людей сдѣлано.

7. Да у загороднаго Губернаторскаго двора, по Приказу Волынскаго, Богоявленскаго Дьякона, Ивана Семенова, да съ нимъ Владимирскія церкви посвященныхъ дву человѣкъ церковниковъ, Степана Степанова и Андрея Гаврилова, поимавъ, солдаты прутьями гоняли и стегали нагихъ, которыя и биты нещадно и оставлены при смерти.

7. Въ прошломъ году весною былъ я съ женою и съ дѣтьми на загородномъ дворѣ, при томъ были нѣкоторые Офицеры и Дво-

ране съ женами, и въ то время нѣсколько, человѣкъ раздѣвся нагіе, подъ самымъ дворомъ моимъ, противъ хоромъ тѣхъ, гдѣ я съ домашними моими и съ прочими былъ, купались и играли пьяные, которымъ къ моему дому, такъ безчинно обнажа свое тѣло, и близко подходить не надлежало: и за то я велѣлъ ихъ отогнать прутьемъ, а Дьяконы ль были, или Дьячки, узнать того было нельзя, для того что они наги были и можетъ быть что въ невѣдѣніи учинено было то, хотя бъ кто и лучше ихъ былъ, а чтобъ смертными побоями биты и будто они при смерти оставлены, то онъ, Архіерей, солгалъ, понеже ни одному изъ нихъ ни десяти ударовъ не досталось, и тому уже прошло слишкомъ полтора года.

8. Также домоваго нашего иконописца, Никифора Смирнова, по приказу Волынскаго, взявъ присланные въ полицу (такъ!) и снявъ съ него, иконника, рубаху били нагого кошками смертнымъ боемъ.

8. Полиція у меня сдѣлана порядочная, и тѣмъ воздержано воровство, кражи, пріемы бѣглецовъ, шинки и блядскія домы запрещены, понеже до полиціи всѣми тѣми пакостями Казань была наполнена такъ, что и добрымъ людемъ въ нощное время изъ дворовъ своихъ выйтить было трудно; ибо по улицамъ и переулками не только великіе грабежи были, но и смертные убійства, какъ то всѣмъ извѣстно. И естьли кто изъ подлыхъ людей явится въ малыхъ винахъ, тѣмъ всѣмъ, не докладывая, чинятъ отъ Полиціи наказанье, а въ большихъ винахъ съ доношеніями приводятъ въ Губернскую Канцелярію. А по справкѣ нынѣ явилось что оной иконописецъ въ прошломъ годѣ сѣченъ кошками за то, что досталося ему къ рогаткамъ на караулъ, а онъ, ругаяся тому опредѣленію, поставилъ на часы, вмѣсто себя, жену свою: и то наказанье учинено ему правильно, однако жъ не по моему приказу, а по опредѣленію Полиціи.

9. Да Казанскія нашея Духовныя Школы Авдитора, Ѳедора Афанасьева, захватя на дорогѣ его же, Губернаторскіе, деньщики били жестокими побои и таскали безвинно, и привели еще къ Волынскому на загородный дворъ, и онаго, Авдитора, приказалъ вторично бить батожьемъ предъ собою смертно, а оная Школа строе-

12. А сего 730 году, Мая въ 12 день, оной Волынской, злобствуя на наше смиреніе, по навѣту и заступленію живущаго въ Казани Подполковника Петра, Игнатьева сына, Дубасова, за взысканіе мое Спасо-Казанскаго монастыря на бывшемъ Архимандритѣ Іонѣ, нынѣ же разстригѣ, Іосафѣ Салникѣевѣ (съ которымъ Дубасовъ имѣлъ сильное дружество), по Указамъ, а не собою, церковныхъ и монастырскихъ похищеніевъ, посланные отъ него, Волынскаго, нарочные солдаты, пришедъ въ домъ Архіерейской, и взявъ изъ Казанскаго Приказа отъ дѣлъ Секретаря нашего, Ивана Богданова, неволею, и привели къ нему, на загородный его, Губернаторскій, дворъ, и оной, Волынской, первѣе билъ его, Богданова, и за волосы дралъ собою, потомъ велѣлъ солдатамъ въ сѣняхъ его же, Богданова, въ другіи бить палками и топтунами предъ собою, безъ великія причины, и оставилъ едва жива, и чинитъ Волынской зазнаемо оному вору, Салникѣеву, необычную понаровку, свободилъ его, изъ Канцеляріи прежде времени, и отвелъ ему свободную квартиру съ лучшими покои, чего Волынскому завѣдомо такому вѣдомому вору и церковному грабителю, разстригѣ, послабленія давать не надлежало.

12. Подполковникъ Петръ Дубасовъ на Секретаря его, Архіерейскаго, Ивана Богданова, мнѣ ни чего никогда не сказывалъ, а что онъ, Архіерей, написалъ, что будто присланы были нарочные солдаты въ домъ его, и будто онаго Секретаря взяли изъ Казеннаго Приказу отъ дѣлъ, и то онъ, Архіерей, все солгалъ, а я по него посылалъ дневальнаго Подьячего одного безъ солдатъ, только для того, чтобъ присланному, по Указу изъ Святѣйшаго Синода Нижегородской Епархіи, для слѣдствія по дѣлу о разстригѣ Салникѣевѣ, Архимандриту Лаврентію да Протопопу Андрею, въ Спасскомъ монастырѣ велѣлъ очистить квартиру, о чемъ я ему, Богданову, и предъ тѣмъ приказывалъ, что онъ учинить и обѣщался, а потомъ, пришедъ ко мнѣ, объявилъ, что кельи для нихъ въ томъ монастырѣ очищены, но какъ оные Архимандритъ и Протопопъ пришли въ тотъ монастырь, то оные кельи заперты и ихъ никуда не пустили, которые принуждены ко мнѣ прійтить и жаловаться въ томъ на того Секретаря, что онъ ихъ обманулъ, объявилъ имъ, что кельи очищены, а ихъ не пустили и кельи заперты, а самъ онъ съ ними туда не пошелъ; того ради я, призвавъ паки къ себѣ онаго

Секретаря, сталъ ему говорить о томъ, но онъ, отвѣтствуя мнѣ, смѣялся, и за то я приказалъ его, Богданова, караульному Капралу побить палкою, которой Капралъ, по приказу моему, ударилъ его разъ пять, или шесть, и топунками онъ не бивенъ и за волосы не дранъ; а что онъ, Архіерей, написалъ, что растрига Салникѣевъ свобоженъ изъ Канцеляріи въ квартеру, я ему квартеру дать велѣлъ, и при томъ поставленъ у него, Салникѣева, караулъ, и, кромѣ церкви и Канцеляріи, пускать его ни куда не велѣно.

13. А похищеннаго на немъ, Салникѣевѣ, церковныхъ и монастырскихъ вещей по Указу, отсель ни чего, по страсти своей, Волынской до сего времени не взыскиваетъ, и упустилъ, видно, и за взятку съ него, Іосифа, церковные интересы напрасно, и по посланнымъ изъ Синода дву Указамъ Саморокова дѣла изъ Казани въ Москву не присылаетъ и ни о чемъ по обоимъ Указамъ не репортуетъ.

13. На разстригѣ Салникѣевѣ не взыскиваю церковныхъ и монастырскихъ вещей для того, что по дѣлу, которое слѣдовалъ я, обще со опредѣленными духовными персонами, до Указу изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода взыскивать на немъ, Салникѣевѣ, не подлежитъ, понеже въ посланныхъ отъ него, Архіерея, въ Святѣйшій Синодъ выпискахъ, изъ которыхъ присланы къ слѣдствію при Указѣ копіи изъ подлиннаго дѣла, многихъ допросовъ было не внесено, и мнѣніемъ его, Архіерейскимъ, на ономъ, Салникѣевѣ, такіе вещи положены взыскивать напрасно, о чемъ писано въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ и послана обстоятельная выписка, а для скораго разсмотрѣнія при доношеніи приложены экстракты; а Саморокова драное дѣло послано при доношеніи въ Святѣйшій Синодъ минувшаго Іюня 10 числа, и о томъ въ Святѣйшій Синодъ репортовано. А что онъ, Архіерей, въ томъ третьемъ на десять пунктѣ написалъ, что я похищенныхъ вещей на разстригѣ Салникѣевѣ не взыскалъ будто изо взятковъ и въ Святѣйшій Синодъ не репортую, и тѣмъ онъ меня оболгалъ; а хотя бъ на немъ Салникѣевѣ, такіе деньги взыскивать, не токмо съ него, за разореніемъ, взять нечего, но тому что того Салникѣева всѣ пожитки и деньги его, Архіерейскимъ, опредѣленіемъ описаны и запечатаны и содержатся въ Спаскомъ Казанскомъ монастырѣ, а имянно, пожитковъ безъ мало на тысячу на пятьсотъ рублевъ, да изъ кельи его,

Салникѣева, вынуто денегъ тысяча пять сотъ рублевъ, которые и по нынѣ пропадаютъ напрасно, а онъ, Салникѣевъ, уже и дневной пищи не имѣетъ, кромѣ кто что подастъ милостыню, Бога ради, и тако мнѣ съ него брать стало нечего, понеже и до меня совсѣмъ разоренъ.

14. И сего Іюня въ 4 день увѣдомлено наше смиреніе, что, де, прошедшаго Мая 15 дня, въ промеморіи изъ Казанской Губернской Канцеляріи въ Духовной нашъ Приказъ, за руками Нижегородскаго монастыря Архимандрита Лаврентія, да Протопопа Андрея Иванова, да Казанскаго Секретаря Егора Абрамова, написано: «По присланному изъ Святѣйшаго Синода во оную Канцелярію Указу велѣно Казанскому Губернатору Волынскому, со опредѣленными изъ Синода духовными персонами, слѣдовать дѣло по предложеннымъ при томъ Указѣ съ выписокъ, присланныхъ въ Святѣйшій Синодъ отъ нашего смиренія, копіямъ, о похищеніи Спасо-Казанскаго монастыря и села Плетеней церковныхъ вещей бывшимъ Архимандритомъ Іоною (что нынѣ разстрига Іосафъ Салникѣевъ).»

15. И Мая же 13 дня, по приговору онаго Волынскаго съ тѣми духовными персонами, велѣно, де, во Архіерейской нашъ Духовный Приказъ, по сказкѣ выше писаннаго Салникѣева, послать промеморію, дабы ко оному слѣдствію изъ Духовнаго Приказу присланы были въ Губернскую Канцелярію подлинныя дѣла и выписки, которыя имѣются за его, Салникѣевою, рукою и описныя церковнымъ вещамъ Спасо-Казанскаго монастыря 1715 году книги, изъ которыхъ дѣлъ Секретарь Осипъ Судовиковъ сочинялъ выписки, и у онаго Судовикова и другихъ приказныхъ людей взять сказки съ подтвержденіемъ, что тѣ подлинныя дѣла, и выписки, и описныя книги, къ слѣдствію посланы всѣ, что есть, безъ утайки, и ни чего слѣдствія нашего въ Духовномъ Приказѣ не осталось, и тѣ ихъ сказки, купно съ помянутыми жъ дѣлами, присланы были въ Губернскую Канцелярію.

16. И на оную промеморію изъ Духовнаго Приказу въ Губернскую Канцелярію промеморіею отвѣтствовали, что, де, съ имѣющихся въ Духовномъ нашемъ Приказѣ Спаскаго монастыря и села Плетеней на Іосафа Салникѣева, въ похищеніи имъ церковныхъ ве-

щей съ дѣлъ и слѣдствія выписки впредь, для вѣдома, въ Духовномъ нашемъ Приказѣ готовятся точныя копіи, а во время сочиненія тѣ копіи о посылкѣ оныхъ дѣлъ и выписокъ, съ требованіемъ резолюціи, послано доношеніе къ намъ, въ Москву, понеже о посылкѣ оныхъ дѣлъ отъ Синода повелѣнія ни какого не имѣется, а Секретарь Осипъ Судовиковъ отправленъ съ присланными отъ Вашего Святѣйшества солдаты, Васильемъ Савельевымъ и Тимоѳеемъ Тихановымъ, въ Москву.

17. И онаго жъ Мая 21 дня, въ Духовной нашъ Приказъ присланы были отъ Господина Волынскаго отъ Кавалеріи Луцкаго полку Поручикъ Василій, Григорьевъ сынъ, Неѣловъ, отъ Артиллеріи Поручикъ же Тимоѳей, Денисовъ сынъ, Языковъ, да Губернской Канцеляріи Канцеляристъ Степанъ Стрѣлковъ, и при нихъ шесть человѣкъ драгунъ, которые присланные управителей того нашего Приказу, Судію Игумена Корнилія, Протопопа Михайла Иванова, Секретаря Осипа Судовикова, взявъ сильно, и привели съ немалымъ руганіемъ въ Губернскую Канцелярію, гдѣ въ то время присутствовалъ оной Волынской и съ иными Духовными персоны, и требовали отъ нихъ, управителей, имѣющіяся на разстригу Салникѣева о похищеніи имъ Спасо-Казанскаго монастыря и села Плетеней церковныхъ вещей подлиннаго слѣдствія и выписокъ, на которое требованіе они, управители, объявили, что онаго слѣдствія безъ послушнаго Указу отъ Вашего Святѣйшества и безъ повелѣнія нашего смиренія отдать не смѣютъ, и яко бы за отдачею тѣхъ дѣлъ посланъ въ нашъ Духовной Приказъ изъ Губернской Канцеляріи управляющій за Плацъ-Маіора Капитанъ Иванъ Рогинской, да оной же Секретарь Егоръ Аврамовъ, да показанной Канцеляристъ Степанъ Стрѣлковъ, да съ обвахты восемь человѣкъ солдатъ, и выше писанной Секретарь Аврамовъ имѣющіяся на помянутаго Салникѣева подлинныя дѣла при оныхъ, изъ Москвы присланныхъ, солдатахъ, изъ нашего Духовнаго Приказу побрали насильно, и Секретаря Осипа Судовикова въ Губернскую Канцелярію съ собою взяли и подъ караулъ отдали, у котораго требуютъ, сверхъ взятья дѣлъ, подписки, чтобъ ему изъ Казани никуды не съѣхать; точію оный Судовиковъ, за Указомъ отъ Вашего Святѣйшества, что отправленъ въ Москву, не подписывается, и за тою не подпискою содержится подъ карауломъ въ великомъ тѣсненіи и до днесь безвыходно.

14, 15, 16 и 17. Такая промеморія изъ Казанской Губернской Канцеляріи посылана для того, что и самъ онъ, Архіерей, въ томъ пунктѣ написалъ, что по Указу изъ Святѣйшаго Синода велѣно мнѣ со опредѣленными Духовными персонами слѣдовать дѣлъ по предложеннымъ при томъ Указѣ съ выписокъ его, Архіерейскихъ, копіямъ о похищеніи разстригою Іосифомъ Салникѣевыкъ Спасо-Казанскаго монастыря и села Плетеней церковныхъ и монастырскихъ вещей. И о посылкѣ той промеморіи приговоръ мой, обще со опредѣленными Духовными персонами, учиненъ, и о присылкѣ къ слѣдствію подлинныхъ дѣлъ и выписокъ, которые за рукою Салникѣева, и описныхъ 715 году книгъ церковнымъ вещамъ Спасо-Казанскаго монастыря, изъ Губернской Канцеляріи промеморія въ Архіерейской Духовной Приказъ послана для того, что при Указѣ изъ Святѣйшаго Синода съ выписокъ копіи хотя и присланы, но токмо въ томъ Указѣ написано, чтобъ о томъ изслѣдовать подлинно; къ тому жъ разстрига Салникѣевъ сказкою, при слѣдствіи, показалъ, что посланные выписки въ Святѣйшій Синодъ изъ Архіерейскаго Приказу учинены неправо, и при томъ просилъ, чтобъ о всѣмъ изслѣдовать по подлиннымъ дѣламъ, по тому что, де, многихъ допросовъ въ выписку, посланную въ Святѣйшій Синодъ, не внесено (что при слѣдствіи сыскано), и для того, чтобъ тѣ дѣла и выписки и книги къ слѣдствію присланы были безъ утайки, у Секретаря Судовикова и у приказныхъ людей сказки съ подтвержденіемъ и взяты; а хотя изъ Архіерейскаго Приказу промеморіею и отвѣтствовано, что съ тѣхъ дѣлъ будто готовятся точныя копіи, токмо то чинено для того, чтобъ тѣхъ дѣлъ не допустить до свидѣтельства непорядочныхъ Архіерейскихъ поступокъ и продолжить слѣдствію время. А понеже, по Указу изъ Святѣйшаго Синода, велѣно мнѣ, со опредѣленными Духовными персонами, какъ о присланномъ драномъ дѣлѣ, такъ и о другихъ по допросамъ показанныхъ отъ разстриги Салникѣева дѣлахъ, справясь достовѣрно освидѣтельствовать со всякою очисткою, и такъ по тому Святѣйшаго Синода опредѣленію и по оспору разстриги Салникѣева оные подлинные дѣла къ слѣдствію и свидѣтельству взять подлежало; а хотя бъ и опредѣленія отъ Святѣйшаго Синода о взятьѣ дѣлъ именно было не написано, но когда уже тѣ дѣла къ слѣдствію и свидѣтельству мнѣ съ тѣми Духовными персонами поручены, а оной разстрига о непорядочныхъ его, Архіерейскихъ, поступкахъ споритъ, то ни

какъ не можно было тѣ дѣла за его споромъ безъ свидѣтельства оставить, понеже (какъ и выше показано) онымъ изъ Святѣйшаго Синода Ея Императорскаго Величества Указомъ велѣно по ихъ дѣламъ освидѣтельствовать достовѣрно со всякою очисткою.

И для того я Порутчика Василья Неѣлова, а не Григорья, а потомъ и Потпорутчика Языкова и Канцеляриста Стрѣлкова въ Духовной Приказъ къ Судьямъ Игумену Корнилію и Протопопу, съ согласія съ Духовными персонами, посылалъ безъ солдатъ для того, чтобъ они по посланной къ нимъ промеморіи для свидѣтельства подлинные дѣла въ Губернскую Канцелярію, которые, не приславъ тѣхъ дѣлъ, и пришли сами, а брать ихъ подъ караулъ ни кто не бирывалъ и ругательства имъ ни какого, какъ отъ посланныхъ отъ меня, такъ отъ меня самаго, не бывало; а пришедъ оные въ Губернскую Канцелярію и сказали мнѣ и опредѣленнымъ Духовнымъ персонамъ, что тѣхъ дѣлъ безъ Указу Архіерейскаго отдать не смѣютъ. А понеже о свидѣтельствѣ дѣлъ слѣдуетъ присланной изъ Святѣйшаго Синода Ея Императорскаго Величества Указъ, къ тому жъ разстрига Салникѣевъ показалъ сказкою, что многихъ допросовъ и оправданія его въ выписку, посланную въ Святѣйшій Синодъ, не внесено, того ради я, съ общаго согласія со опредѣленными Духовными персонами, велѣлъ ему, Игумену и Протопопу, вычесть присланной изъ Святѣйшаго Синода Ея Императорскаго Величества Указъ, и ежели они по тому Ея Императорскаго Величества Указу тѣхъ дѣлъ, за ослушаніемъ своимъ, не отдадутъ, велѣлъ имъ въ томъ подписаться, которые и подписались, и за тѣмъ, для забранія тѣхъ дѣлъ и чтобъ въ слѣдствіи не учинить остановки, Секретаря Аврамова и Канцеляриста Стрѣлкова я, обще со опредѣленными Духовными персонами, и посылалъ, а съ габвахты солдатъ дву сотъ человѣкъ я не посылывалъ, и по двѣсти человѣкъ на габвахтѣ на караулѣ никогда въ Казанѣ за расходомъ на плацѣ не бываетъ, развѣ человѣкъ по сороку, да и тѣхъ посылать было не для чего; также какъ Судья Корнилій и Протопопъ приходили въ Канцелярію, безчестныхъ словъ ни какихъ я имъ не говаривалъ, Секретаря Осипа Судовикова подъ карауломъ многое время и ни въ какомъ тѣсненіи не держивалъ, только оной Судовиковъ задержанъ былъ въ Канцеляріи сутки, или двои, и то за упрямство его, по тому что, по вышеписаннымъ дѣламъ, надлежало ему, Судовикову, подписаться,

чтобъ безъ Указу изъ Казани никуда не съѣхать, по тому что Архіерейскіе Подьячіе безъ него, Судовикова, по тѣмъ дѣламъ, въ чемъ явится отъ Салникѣева споръ, отвѣтствовать не хотѣли, а указывали, что у тѣхъ дѣлъ былъ онъ, Судовиковъ, а онъ, Судовиковъ, въ томъ спорилъ и не подписывался, и когда подписался, то онъ, Судовиковъ, изъ Канцеляріи и отпущенъ. И онымъ всѣмъ, чего я не чинилъ, онъ, Архіерей, ябеднически оболгалъ меня напрасно.

18. Онъ же, Губернаторъ, въ бытность свою въ Казани, повсягодно, во время косьбы сѣна, на собственныя свои конюшни бралъ у насъ, чрезъ посланныхъ своихъ, домовыхъ нашихъ однихъ крестьянъ, кромѣ монастырскихъ, человѣкъ по тридцати и больше, и работали на него мѣсяца по три безъ отпуску и во время дѣловыя нужныя поры на ихъ крестьянскомъ хлѣбѣ, понеже онъ у себя лошадей держитъ чрезвычайно многое число.

18. Лошадей, сколько бъ я ни держалъ, ему, Архіерею, до того дѣла нѣтъ, а въ неволю я для косьбы сѣна не только изъ его, Архіерейскихъ, и ни изъ какихъ вотчинъ ни отъ кого крестьянъ не бирывалъ, и по три мѣсяца и больши не держивалъ, а во время сѣнокосовъ прашивалъ я Архіерея и другихъ о работникахъ, и онъ, Архіерей, давалъ мнѣ человѣкъ по двадцати и по тридцати, и того во всю мою бытность одинъ разъ, или дважды, которые дней по десяти на меня сѣно кашивали, а собою и въ неволю я ни одного человѣка не бирывалъ: а что онъ, Архіерей, на меня написалъ, и то солгалъ, какъ недоброй человѣкъ.

19. Да отъ него жъ, Волынскаго, посланные повсягодно въ осеннюю пору и грязи брали жъ крестьянъ однихъ нашихъ, кромѣ монастырскихъ, съ лошадьми подводъ по шестьдесятъ и больши, для перевозки вышепоказаннаго сѣна, и бывали на той его, Губернаторской, работѣ по мѣсяцу и больше безъ отпуску на ихъ крестьянскомъ хлѣбѣ, а съ дворцовыхъ и ясашныхъ вотчинъ людей однихъ и крестьянъ съ лошадьми ни на какую работу не бралъ, а все обработываютъ наши домовые и монастырскіе крестьяне.

19. Для перевозки сѣна подводъ въ неволю я ни съ кого не бирывалъ, и обработывать ни кого его, Архіерейскихъ, крестьянъ не

заставливалъ, только что въ прошломъ 1728 годѣ Архіерей, по просьбѣ моей, давалъ мнѣ для перевозки сѣна подводъ съ пятьдесятъ, которые перевезли сѣна поѣздки съ три съ луговъ, которые отсюды въ семи верстахъ, а въ прошломъ 1729 году онъ присылывалъ ко мнѣ нѣсколько подводъ, для возки сѣна, съ Казначеемъ своимъ, Алексѣемъ Раиескимъ, и тѣхъ подводъ я не принялъ.

20. По приказу его жъ, Волынскаго, посланные солдаты домовыхъ нашихъ дву человѣкъ оловянишниковъ да третьяго живописца, Якова Савина, изъ домовъ ихъ взяли насильно къ Губернатору на дворъ, безъ вѣдома нашего, и сдѣлали ему изъ подъ неволи оловянной посуды большой руки дюжину блюдъ, и къ тѣмъ блюдамъ четыре ковчега оловянные же, да пять дюжинъ тарелокъ большой же руки и на нихъ ковчеги, и прочія работы многіе дѣлали, а живописецъ свѣтлицы подмазывалъ и всякую живописную работу отправлялъ многое время, а за работу имъ платы ни мало не дано.

20. Оловянишники для починки посуды, а живописецъ для подмазыванья свѣтлицъ, временно хотя и работывали, только не насильно, иногда съ воли его, Архіерейской, а иногда и они мастеровые добровольно и съ платы, и безъ платы, и насильно ни кто на меня не работывалъ никогда.

21. Онъ же, Волынской, собою, безъ вѣдома нашего, велѣлъ солдатамъ побрать дву человѣкъ нашихъ оконничниковъ къ себѣ въ домъ для дѣланія въ новыя хоромы стекольчатыхъ и слюденыхъ окончинъ не малаго числа, и задержаны были они до совершенныя же отдѣлки, и работали на него днемъ и ночью безъ выпуску неотлучно, а платы имъ ни чего не даютъ.

21. Хоромъ собственныхъ у меня здѣсь своихъ нѣтъ, а живу въ домѣхъ Ея Императорскаго Величества, и когда случится дѣлать, или починить, окончины того, для такихъ подѣлокъ оконнишниковъ прашивалъ у него, Архіерея, или у его Казначея, для того, что иныхъ мастеровъ здѣсь, кромѣ его, нѣтъ, и какъ окончится дѣло, за работу имъ давано всегда.

22. А пищу оные всѣ крестьяне и мастеровые художники получаютъ отъ дому Архіерейскаго, а иное покупаютъ на свои по-

слѣдніе деньги, а изъ дому Губернаторскаго не токмо хлѣба, или щей, но и квасу отнюдь не даютъ, и отъ того насильнаго взятья мастеровыхъ людей въ домѣ нашемъ въ починкѣ всякаго званія учинилась остановка, и для того строенія, по многой нашей просьбѣ, мастеровыхъ нашихъ людей къ намъ не отпускивалъ, и горши за то ихъ тѣснилъ, и посланныхъ отъ насъ бранилъ и грозилъ бить.

22. Мастеровыхъ людей иногда у меня кормливали моимъ хлѣбомъ, а иногда и нѣтъ, для того что дается имъ за работу плата, и ни какого имъ утѣсненія не чинилъ, и посланныхъ его не бранивалъ, и побоями никогда не грозилъ, и онъ ко мнѣ ни кого говорить не присылывалъ, и то все онъ, Архіерей, затѣялъ на меня какъ безсовѣстной человѣкъ.

23. Да изъ новаго нашего Болгарскаго монастыря оной Губернаторъ велѣлъ вновь записать въ подушной окладъ дѣйствительныхъ церковниковъ, Поповыхъ дѣтей, трехъ человѣкъ, и послалъ невѣдомо куды, не увѣдомя насъ про нихъ, а иные Дьячки посланы были отъ насъ въ оной монастырь для обученія церковнаго круга.

23. Дѣйствительныхъ Поповыхъ дѣтей въ подушной окладъ записывать не вѣливалъ; только въ прошломъ 729 году, Іюля 29 дня, по челобитью Казанскаго Уѣзду Нагайской дороги, села Архангельскаго, Поповыхъ дѣтей, Гура да Ефима Ильиныхъ, да того жъ села Дьячкова сына, Петра Иванова, да помѣщикова села Архангельскаго Пономарскаго сына, Захара Яковлева, въ подушной окладъ написать велѣлъ, для того, что въ прошеніяхъ ихъ написано: «какъ, де, была перепись и свидѣтельство о душахъ мужеска полу, и они, де, при той переписи при отцахъ своихъ написаны, а подушнаго, де, окладу съ нихъ не берется, а за чѣмъ, не знаютъ; а нынѣ, де, тому третей годъ Болгарскаго монастыря Игуменъ Филаретъ взялъ ихъ изъ тѣхъ селъ въ помянутый монастырь съ женами и дѣтьми, по Архіерейскому ль приказу, или собою, того не знаютъ же, и съ того, де, числа живутъ и по нынѣ въ томъ монастырѣ, и работаютъ на тотъ монастырь всякую крестьянскую работу того монастыря съ крестьяны въ равенствѣ, а данной земли отъ того монастыря имъ не имѣется, и чтобъ по той переписи положить ихъ въ подушной окладъ и жить гдѣ Указомъ повелѣно будетъ, понеже они не дѣйствительные церковники и грамотѣ не обучены, и въ цер-

ковной службѣ быть не заобычайны, а желаютъ жить въ Казанскомъ Уѣздѣ по Зюрейской дорогѣ, въ деревнѣ вверхъ по Зою рѣчкѣ, Маврино тожъ, а по справкѣ съ переписными книгами имянныхъ при выше писанныхъ отцахъ ихъ и при Болгарскомъ монастырѣ не написано, а по Указѣ Блаженные и вѣчнодостойные памяти Императорскаго Величества изъ Канцеляріи Высокаго Сената Іюня 21 дня, прошлаго 722 году, написано: «Ежели кто гдѣ изъ церковныхъ служителей при перепискѣ явятся не служащіе и пожелаютъ въ посадъ и въ ремесленные люди, или на Государевы, или Синодальные и другіе вотченниковы пашенные земли, и таковыхъ опредѣлять и въ подушную перепись писать по ихъ волѣ.» По которому ихъ желанію въ выше писанномъ мѣстѣ въ подушной окладъ оные и написаны, понеже какъ и выше показано, что они не служащіе и грамотѣ не умѣютъ; а таковыхъ Указовъ, чтобъ Архіереемъ Поповыхъ и причетниковыхъ дѣтей въ крестьянскую работу опредѣлять, въ Губернской Канцеляріи не имѣется; и по тому видно, что желаніе его, Архіерейское, было тѣхъ людей имѣть въ крестьянской работѣ, а не для обученія церковнаго круга.

24. Онъ же, Губернаторъ, для изысканія надо мною всякаго неповиннаго сокрушенія, а домовымъ нашимъ и монастырскимъ крестьянамъ ища напраснаго разоренія, въ оной же Болгарской монастырь посылалъ тайно отъ себя Подъячего съ солдаты, не объявя намъ, и тѣ посланные Игумену съ братіею и при томъ монастырѣ живущимъ крестьянамъ чинили не малую изневагу и тѣсноту напрасно.

24. Во оной Болгарской монастырь Подъячего и солдатъ я посылалъ по присланной промеморіи изъ Казанской Лѣсной Конторы, въ которой въ промеморіи объявлено: «Въ прошеніи, де, Ибраима Мурзы Алѣева написано: Въ прошломъ, де, 728 году, крестились изъ за него люди и крестьяне изъ Татаръ въ Православную Христіянскую Вѣру Чирка Аклычевъ съ товарищи, семь человѣкъ, и въ поданныхъ о душахъ мужеска полу сказкахъ написаны оные за нимъ, Ибраиломъ Мурзою, за которыхъ подушные деньги платитъ онъ, Мурза спуста, отъ чего, де, онъ въ конецъ разорился, а жительство, де, оные новокрещены имѣютъ по опредѣленію изъ Архіерейскаго Приказу при Архіерейскомъ выше объявленномъ домовомъ мо-

настырю Успенскомъ, что на Болгарахъ, а изъ подушнаго, де, окладу изъ за него, Мурзы, не выключены, и чтобъ оныхъ большихъ людей и крестьянъ новокрещеновъ изъ за него, Мурзы, изъ подушнаго окладу выключить, и взыскивать подушные деньги и всякія подати въ выше писанномъ домовомъ Архіерейскомъ монастырѣ, гдѣ оные новокрещены нынѣ жительство имѣютъ.» А въ промеморіи изъ онаго Архіерейскаго Приказу писано, что выше писаннаго Мурзы люди и крестьяне, Татаръ семь человѣкъ, въ Православную Христіянскую Вѣру крещены и для обученія и исправленія Христіянскаго Закона опредѣлены жить при выше писанномъ монастырѣ; а при слѣдствіи, оные новокрещены сказками показали, что при томъ монастырѣ отведены имъ дворы и пашенные земли противъ крестьянъ въ равенствѣ, а въ подушную, де, перепись они написаны за помянутымъ Мурзою, и подушные деньги платитъ онъ, Мурза; а въ Указѣ блаженные и вѣчнодостойные памяти Петра Перваго, Императора и Самодержца Всероссійскаго, Ноября 22 дня, прошлаго 720 году, изъ Правительствующаго Сената написано: «велѣно по требовальной отпискѣ Казанскаго Тихона Митрополита, которые новокрещены разныхъ народовъ люди воспріяли Православную Христіянскую Вѣру, или которые впредь воспріимутъ, такимъ во всякихъ Его Императорскаго Величества зборѣхъ и въ издѣльяхъ давать льготы на три года;» и тѣхъ новокрещеновъ изъ за онаго Мурзы велѣлъ я выключить, и, по силѣ выше объявленнаго Указу, дать имъ льготы на три года и написать ихъ въ подушной окладъ на Вяцкой полкъ въ Свіяжскомъ же Уѣздѣ въ ясашное село Болшово, съ протчими того села крестьяны, которые положены на показанной Вяцкой полкъ, на которой прежде были написаны, дабы отъ того въ переводѣ изъ полка въ полкъ помѣшательства не было. Да при томъ же слѣдствіи по поданнымъ сказкамъ явилось за онымъ монастыремъ отъ подушной переписи утаеныхъ душъ не малое число, а имянно, семьдесять девять душъ, которые и по нынѣ подушнаго оклада не платятъ; а по Указамъ Ея Императорскаго Величества такихъ утаенныхъ отъ переписи взыскивать велѣно, а за утайку владѣльцамъ чинить наказанье, но точію по тому дѣлу за нынѣшнимъ его, Архіерейскимъ, споромъ рѣшенія не учинено. Изъ выше писаннаго видно, что оной Архіерей означенныхъ новокрещеновъ опредѣлялъ во оный монастырь для работы, а не ради обученія Христіянскаго Закона, какъ и выше въ сказкахъ оныхъ новокрещеновъ показано, что отведены были имъ

земли и покосы противъ крестьянъ въ равенствѣ; а таковаго Указу, чтобъ Архіереемъ новокрещеновъ у себя селить въ деревняхъ и подушныхъ денегъ съ нихъ не платить, въ Губернской Канцеляріи не имѣется.

25. Да въ мимошедшую осень въ каменномъ городѣ его жъ, Губернаторскимъ, приказомъ, бывшаго Соборнаго Протопопа, да у Протодіякона Ивана, дворы ихъ, да въ сосѣдствѣ Крутицкаго Архіерея подворье со всякимъ строеніемъ сломаны и мѣста очищены, и тѣмъ оные церковные служители разорены напрасно.

25. Такіе дворы сломать и мѣста очистить я велѣлъ для того, что они стояли въ тѣснотѣ близъ пороховыхъ цейхгаузовъ, и опасно было отъ пожару, да и для того, что такихъ партикулярныхъ людей дворамъ съ деревяннымъ строеніемъ въ крѣпостѣхъ быть не надлежитъ, а надлежитъ быть за городомъ, а вмѣсто того за городомъ велѣлъ имъ отвесть лучше тѣхъ порозжіе мѣста.

26. Въ прошломъ 1729 году въ Казанской Губернской Канцеляріи Симбирскаго Уѣзда вотчины Князь Василья Петрова сына Хованскаго села Векшамъ крестьянка, раскольница Ѳедосья Евдокимова дочь, въ допросѣ показала: «Вѣдаетъ, де, она въ Казанской Губерніи въ разныхъ лѣсахъ со многими мужеска и женска полу людьми три скита, въ которыхъ и она съ ними общее жительство равномѣрно имѣла, а именно: первой въ Керженцѣ Поповщинской, второй въ Синбирскомъ Уѣздѣ по рѣчкѣ Тересѣ въ лѣсу, третей въ лѣсу жъ вотчины Богородицкаго монастыря въ Свіяжскомъ Уѣздѣ, близъ деревни Харины, и живучи, де, въ тѣхъ скитахъ Святыхъ Таинъ, какъ Восточная Церковь, по преданію Святыхъ Апостолъ и Богодухновенныхъ Отецъ, повелѣваетъ, не пріобщалась, а причищалась, де, и молитву творила, живучи въ тѣхъ скитахъ, по ихъ, Раскольническому, ученію,» и которыхъ ея къ Церкви Святѣй и прочихъ въ тѣхъ скитахъ живущихъ раскольническихъ противностяхъ, оной Волынской не слѣдовалъ, и о всемъ завѣдомо умолчалъ въ духовную команду къ намъ по Указу, и за немилость свою для подлиннаго отъ раскола исправленія и выше показанныхъ скитовъ изысканія, тое женку не прислалъ, отъ котораго его, Губернаторскаго, попущенія и лучшую Раскольникамъ свободу задаетъ, на что

взирая, и болѣе такихъ суевѣрцовъ и скитовъ умножаться будетъ, понеже за ними, Раскольники, въ скиты посылки не было и уничтожено все зазнаемо.

26. Такая женка дворовыми людьми Вице-Губернатора Казанскаго, Нееда Кудрявцова, въ Губернскую Канцелярію приведена была, а слышалъ я отъ Нееда Кудрявцова, что онъ отсылалъ ее въ Архіерейской Духовной Приказъ, но тамъ оная не принята, а въ Губернской Канцеляріи о Раскольникахъ, которые живутъ въ лѣсахъ въ Свіяжскомъ Уѣздѣ, допросомъ оная женка показала, и для того показыванія тѣхъ раскольщиковъ и слѣдствія та женка отослана изъ Губернской Канцеляріи въ то жъ время въ Свіяжскую провинцію къ Брегадиру и Воеводѣ Козлову.

27. Онъ же, Губернаторъ, у Спаса-Казанскаго монастыря на подсѣкѣ подгородный дворъ со всѣми покои отнялъ себѣ, который изстари нарочно сдѣланъ былъ для монастырскаго хлѣба и скотины и прочаго къ тому приличества, и перевелъ на оной дворъ собакъ съ двѣсти, да псарей и другихъ людей человѣкъ съ пятнатцать, и жили во всѣхъ кельяхъ и работныхъ избахъ съ великимъ того двора служителемъ преобидѣніемъ, и кормили оныхъ людей, также и собакъ, монастырскимъ хлѣбомъ и кашею, и брали къ Губернатору на дворъ съ той подсѣки овесъ чистой, изъ гумна всякую невѣйницу, и рубили изъ сноповой ржи колосъ, также яровую и ржаную солому возили безпорядочно, отъ котораго гуменнаго корму напредь сего монахи, продавая за деньги охочимъ людямъ по цѣнѣ, въ монастырь всему братству получали соль въ годъ себѣ на пропитаніе, а въ иное время псари привозили на ту подсѣку собакамъ мертвыхъ лошадей и коровъ и всякое стерво, отъ чего на томъ дворѣ будущія овцы и прочая скотина вымерли; и усмотря той же обители власти оную причину, просили Губернатора о сводѣ выше показанныхъ людей и собакъ съ двора того неоднократно, и въ тѣ жъ числа призвалъ Губернаторъ къ себѣ въ Канцелярію тоя обители властей, и съ великимъ угражиданіемъ приказалъ имъ на томъ дворѣ, для помету щенятъ, сукамъ построить сломаную баню, и оныя власти, за страхомъ, подъ неволею, построили, и тѣмъ дворомъ Губернаторъ съ начала пріѣзда своего и донынѣ владѣлъ, а монастырь обижалъ напрасно.

27. Собакъ я у себя имѣлъ съ тридцать, а не съ двѣстѣ, а держать ихъ мнѣ у себя было негдѣ, а увѣдомился я съ пріѣзду моего, что за городомъ есть монастырскіе Спаскаго монастыря пустые два двора, конюшенной и скотной; того ради просилъ я Архіерея, чтобъ онъ далъ мнѣ тамъ мѣсто для людей моихъ и собакъ, и по просьбѣ моей, онъ, Архіерей, самъ велѣлъ того монастыря Келарю изъ тѣхъ дворовъ очистить для меня одинъ дворъ, на которомъ нѣсколько мѣсяцовъ жили люди мои, пять человѣкъ, и при нихъ съ тридцать только собакъ, однако жъ кормомъ монастырскимъ ни какимъ не кармливаны, и люди мои сами собою и соломы безъ спросу ни бирывали, и на дворъ ко мнѣ овса и колосу не важивали, а когда случалась нужда въ соломѣ, я всегда прашивалъ у него, Архіерея, или того монастыря у Келаря, и по прозьбѣ моей раза два, или три, давали мнѣ соломы возовъ десятка по три и по пятидесяти, а собою и того ни чего я не бирывалъ. А что онъ, Архіерей, написалъ, будто отъ тѣхъ собакъ на томъ дворѣ померли овцы и прочая скотина, того ни чего не бывало, и я о томъ жалобы не слыхалъ, да и мереть не чему, для того что и до того мало было. Что же написалъ на меня Архіерей, будто я, призвавъ въ Губернскую Канцелярію того монастыря властей, и съ великими угрозами приказывалъ построить сломанную баню, того ни чего не бывало жъ, и баня не была сломана, только была изъ бани выломана печь, а между тѣмъ пришелъ ко мнѣ въ Губернскую Канцелярію того монастыря Келарь за нѣкоторомъ монастырскимъ дѣломъ, котораго я въ то время безъ всякихъ угрозовъ просилъ, чтобъ онъ велѣлъ въ той банѣ печь починить, что онъ и учинилъ; а онъ, Архіерей, все то на меня солгалъ и затѣялъ, понеже я дворомъ тѣмъ никогда не владѣлъ и обиды ни какой не дѣлывалъ.

28. Онаго жъ монастыря въ городѣ каменномъ другой послѣдній конюшій старинный жалованный дворъ занялъ всякимъ лѣсомъ и хоромными бревны и прочимъ, тому третій годъ, тѣснитъ и принуждаетъ тотъ дворъ вовсе сломать и мѣсто очистить подъ строеніе ему Губернаторскихъ конюшенъ, о чемъ словесно и просьба ему властелинская была многая и письменно отъ насъ къ нему, Губернатору, келейнѣ, по требованію его, отвѣтствовано жъ, также и нынѣ принуждаетъ Келаря, Варѳоломея Володимерцова, оной Волынской конюшенной дворъ и въ рядахъ лавки чрезъ послан-

ныхъ изъ Полиціи ломать и очищать мѣста безвременно, и хощетъ, яко бы за неломаніе оныхъ, бить публично.

28. Въ каменномъ городѣ конюшеннаго Спаскаго монастыря двора лѣсомъ и бревны я не занималъ, того двора вовсе сломать не веливалъ, которой и понынѣ стоитъ въ прежнемъ состояніи, какъ и напредь было, и въ томъ Келарю Володимерцову ни какова принужденія отъ меня нѣтъ; возили лѣсъ того монастыря на строеніе Архимандричьихъ келій и на мостовое строеніе ихъ же монастырскіе крестьяне, а у меня только поставлены были на пустомъ мѣстѣ два струба избяныхъ ветхихъ, и то съ воли того монастыря Келаря; а въ мясномъ и рыбномъ рядахъ лавки чрезъ посланныхъ изъ Полиціи ломать и очищать мѣста я велѣлъ, по силѣ Губернаторской Инструкціи, для опасности отъ пожарнаго случаю, понеже оные лавки построены близъ самаго Государева каменнаго двора, сверхъ того отъ оныхъ мясного и рыбнаго рядовъ была великая въ городѣ вонь, такъ что тѣми мѣстами проѣхать трудно было, того ради оные мѣста и сломаны, а вмѣсто тѣхъ прежнихъ мѣстъ велѣлъ отвести другіе мѣста, которые и отведены подъ рыбной рядъ подлѣ рѣки Казанки, а подъ мясной за городомъ на пустомъ мѣстѣ.

29. Да онъ же, Волынской, по челобитью Маіора Болтина, рѣшилъ дѣло неправо, отнялъ у насъ и Болтину отдалъ жалованныхъ нашихъ крестьянъ, Михайла Григорьева сына Шеметова съ женами и съ дѣтьми, всего сорокъ одного человѣка, которыхъ по принужденію его, Губернаторскому, къ нему, Болтину, на сорока подводахъ и отвезли наймомъ болѣе пяти сотъ рублей, да сверхъ того правятъ насъ оному, Болтину, яко бы за пріемъ и держаніе оныхъ крестьянъ, свыше десяти тысячъ рублей, а тѣхъ крестьянъ, какъ прежде Архіереи, такъ и наше смиреніе и домовые приказные управители, отнюдь не принимали, а тѣхъ крестьянъ дѣды и отцы были не бѣглые и въ селѣ Ильбахтинѣ жили до отказу за домъ Архіерейской, о чемъ Шеметовъ и допросомъ показалъ, что дѣдъ и отецъ его, Шеметовъ, въ томъ селѣ, Ильбахтинѣ, и померли, а онъ, Михайло, съ братьями своими въ томъ же селѣ и родился, а отъ Копнина и Дементьева, отъ которыхъ, яко бы Болтину Шеметовы достались, крестьянства отпирались вовсе, и про

онаго Копнина отъ дѣда своего и отца не слыхивали, и ни малымъ къ тѣмъ Помѣщикамъ бѣглыми себя ни приличили, и подлинно называются нашими, Архіерейскими, крестьянами, а не пришлыми, и по переписи и свидѣтельству Генералитета, а по ихъ, Шеметовыхъ, сказкамъ, написаны они за домомъ нашимъ, а не за Помѣщики, и за тѣмъ въ Указное время вывозить намъ ихъ не надлежало, а признать ихъ въ то число и нынѣ пришлыми отнюдь не возможно, но которые его, Михайловы, допросы оной, Маіоръ Болтинъ, опроверженія и явнаго доказательства ни какого, что оные крестьяне суще Копнина, къ дѣлу не предложилъ, и родственниковъ его, Михайловыхъ, и знаемыхъ на нихъ постороннихъ свидѣтелей не предъявилъ.

29. Маіору Болтину изъ вотчинъ его, Архіерейскихъ, крестьяне Михайла Шеметъ съ товарищи, съ женами и съ дѣтьми, отданы по крѣпостямъ, по выписямъ съ писцовыхъ книгъ 132, 134 и 134 годовъ, съ переписныхъ 154 и 186 годовъ, въ которыхъ написаны тѣхъ крестьянъ прадѣды, и дѣды, и отцы, и дяди родные, и по Указу 722 году тѣхъ крестьянъ изъ вотчинъ его, Архіерейскихъ, въ прежніе жилища отвесть велѣно его, Архіерейскимъ, крестьянамъ на своихъ подводахъ, какъ о томъ Указы повелѣваютъ; а чего ради наймомъ тѣхъ крестьянъ мимо своихъ подводъ возили и во что сталъ наемъ, про то я не знаю; а что онъ, Архіерей, доноситъ, будто то дѣло я рѣшилъ неправо и будто я правлю съ него оному, Болтину, за пріемъ и за держаніе выше писанныхъ крестьянъ свыше десяти тысячъ рублевъ, и тѣмъ онъ, Архіерей, меня ябедою своею оболгалъ, по тому что крестьяне, какъ и выше показано, отданы по крѣпостямъ, а о пожилыхъ деньгахъ отъ Маіора Болтина въ Губернскую Канцелярію еще и прошенія не подано, и чтобъ повелѣно было то дѣло взять и освидѣтельствовать.

30. Да онъ же, Волынской, неправымъ своимъ приговоромъ отнялъ у Седьмиезерныя пустыни двѣ деревни, Большую Сару, Сосновка тожъ, Малую Сару, Кириловка и Матвѣевка тожъ, со крестьяны и со всякими угодьи, и отдалъ Казанскому Помѣщику, Андрею Писемскому, во владѣнье, не взявъ изъ монастыря крѣпостей, безъ допросу, о чемъ въ 729 году, Іюня въ 12, и въ нынѣшнемъ 730, Апрѣля 10 числахъ, по челобитью тоя пустыни Игумена Савватія

да Казначея Дамаскина, изъ Москвы къ нему, Волынскому, посланы изъ Юстицъ-Коллегіи два Указа, по которымъ, какъ первому, такъ и второму, велѣно тѣ деревни, у Писемскаго взявъ, паки возвратить къ монастырю по прежнему, а Писемскому отъ владѣнія тѣхъ деревень отказать, а неправо вершенное имъ, Волынскимъ, дѣло выслать ему къ рѣшенію въ Юстицъ-Коллегію, по которымъ обоимъ Указамъ того дѣла въ Юстицію не присылаетъ и деревню въ монастырь не возвращаетъ, и, взирая свое по тому дѣлу неправое вершеніе и на монастырь посягательство, а къ Писемскому понаровку, ни очемъ въ Москву другой годъ не рапортуетъ, и за оное властей прошеніе Волынской уграживаетъ онаго Казначея, Іеродіякона Дамаскина, на загородномъ дворѣ у себя бить кнутомъ напрасно.

30. Вышеписанной пустыни съ монахи по челобитью Писемскаго о деревняхъ дѣло вершено Вотчинной Коллегіи въ Конторѣ, и изъ той Конторы въ прошломъ 1724 году прислано при Указѣ въ бывшей Казанской Надворной Судъ, а не я оное вершилъ, и велѣно оные деревни за Писемскаго отказать, по которому Указу опредѣленіемъ Губерской Канцеляріи и отказаны; а тѣхъ вотчинъ къ той пустыни изъ за Писемскаго возвращать не надлежитъ, понеже во ономъ же присланномъ Указѣ изъ Вотчинной Конторы объявленъ блаженные и вѣчнодостойные памяти Императора Петра Великаго имянной Указъ, состоявшейся въ 701 году, что къ домовымъ Патріяршимъ вотчинамъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель не покупать и въ монастырѣхъ властемъ съ Помѣщики и вотченники жилыми и пустыми землями не мѣняться, и въ Помѣстномъ Приказѣ по ихъ заручнымъ челобитнымъ не росписывать, да по Уложенью 17 главы 42 пункта: «кто вотчину родовую, или выслуженую, или купленую, продастъ, или заложитъ, или по душѣ Патріярху, или Митрополиту, или Архіепископу, или Епископу, или въ которой монастырь, и та вотчина взять на Государя безденежно и отдать въ раздачу челобитчикамъ, кто о той вотчинѣ учнетъ Государю бить челомъ.» А оной пустыни бывшей Игуменъ съ братіею тѣ деревни къ тому монастырю изъ за Писемскаго сдѣлали подлогомъ за выше писаннымъ Его Императорскаго Величества имяннымъ Указомъ землю мѣною за одну четверть пятдесять четвертей, и тое четверть поступились по конецъ поль, которой и сыскать негдѣ, а кресть-

янъ будто бы по сдѣлкѣ за бѣглыхъ крестьянъ, а такихъ бѣглыхъ за пустынею и въ переписныхъ книгахъ имянами не написано, о чемъ явствуетъ по дѣлу имянно. Что же въ томъ пунктѣ написано, что тѣ деревни опредѣленіемъ Губернской Канцеляріи отданы Писемскому во владѣніе, не взявъ изъ монастыря крѣпостей безъ допросу, и то челобитчики сплутали, а оной Архіерей ябеднически на меня солгалъ, сообщася съ ними, понеже имѣющіяся на тѣ деревни ихъ крѣпости къ дѣлу предложены, а допрашивать, за присланнымъ Указомъ и за рѣшеніемъ того дѣла Вотчинной Коллегіи, въ Конторѣ тѣхъ челобитчиковъ не подлежало, и хотя бъ въ той Конторѣ оное дѣло и не правильно было рѣшено, Губернская Канцелярія перевершить не можетъ, и онымъ бы челобитнымъ надлежало бить челомъ въ Вотчинной Коллегіи на Контору, а не на Губернскую Канцелярію; и тако они челобитчики плутовствомъ, Архіерей ябедою и потачкою своею на нихъ, плутахъ, оболгали меня напрасно, о чемъ на оныхъ челобитчиковъ о сатисфакціи въ Государственную Юстицъ-Коллегію сего году Іюля 30 дня и доношеніе послано.

31. Онъ же, Губернаторъ, лѣтомъ и зимою со псовою охотою многолюдствомъ ѣздитъ по полямъ и сѣннымъ покосамъ и посѣянной яровой и озимой хлѣбъ нашъ и монастырской лошадьми и собаками и людьми своими толочутъ необычно, и мимо Помѣщиковыхъ и другихъ вотчинъ ночуютъ у насъ въ деревняхъ, и съ боемъ и неволею со крестьянъ нашихъ и монастырскихъ берутъ конямъ сѣна и овса и про людей всякой живности и хлѣба, сколько похотятъ, и тѣмъ несносную намъ и крестьянамъ обиду чинятъ напрасно.

31. Многолюдствомъ по полямъ я не ѣзживалъ, и Архіерейскихъ и монастырскихъ сѣнныхъ покосовъ и яроваго и озимаго хлѣба людьми и лошадьми и собаками не толачивалъ, и обиды ни какой крестьяномъ не чинивалъ, и сѣна и овса и про людей живности и хлѣба насильно не бирывалъ, а когда случалось съ собаками ѣздить, тогда отъ меня всѣмъ накрѣпко заказывано, чтобъ никому никто обидъ ни какихъ не чинили и хлѣба не толачивали, а въ деревняхъ монастырскихъ, какъ случится къ ночѣ, я ночевалъ, и то разъ пять, или шесть, а не для того, чтобъ чинить обиды, и жив-

ность, и овесъ, и сѣно въ то время покупаютъ у меня на деньги и повольною цѣною, кто что продастъ, а безденежно и въ неволю ни чего съ Архіерейскихъ и монастырскихъ крестьянъ не имывавано; а когда случалось, что и безденежно оные крестьяны принашивали, и того во всю мою бытность овса не взято ни двадцати четвертей, также и сѣна ни пятидесяти возовъ, а живности не взято ни на пять рублевъ, но и то не изъ подъ неволи, и обидъ ни какихъ конечно ни кому не бывало; а ежели бъ я, или люди мои что брали въ неволю и безденежно, и ему бъ надлежало показать имянно, сколько гдѣ, и въ которыхъ числѣхъ, и кѣмъ, и на сколько цѣною чего побрано, и хлѣба потолочено, но онъ того не показалъ, и по тому, что онъ, Архіерей, ябедою своею облыгаетъ и вредитъ честь мою напрасно, стало быть, видно.

32. Да по Губернаторскому жъ приказу къ домовымъ нашимъ пѣвчимъ и церковнымъ причетникамъ поставлено Офицеровъ и солдатъ, гдѣ одна печь, тамо по два человѣка, а у кого по двѣ печи, тамо по четыре человѣка, а у иныхъ учинены съѣзжіе дворы и послѣдніе покоицы отъ постою у всѣхъ заняты, а у простолюдиновъ, градскихъ жителей у многова числа дворовъ постоемъ обойдено, а церковники, за посягательствомъ Волынскаго, принуждены и дворишки продавать, да за страхомъ Губернаторскимъ и купить ихъ не смѣютъ.

32. Постой въ Казани у всякихъ чиновъ людей, кромѣ Поповъ и Дьяковъ, становится на всѣхъ дворѣхъ необходимо, а не у однихъ Архіерейскихъ, по тому что въ Казанѣ гварнизонныхъ три полка, да прибылыхъ армейскихъ пѣхотныхъ два, Ростовской и Нижегородской, и стоятъ по полугоду, а въ другія полгода переводятъ на другіе квартеры, и гдѣ случится, по очереди, у прибылыхъ полковъ имѣются и съѣзжіе дворы, а посягательства моего къ его Архіерейскимъ пѣвчимъ и церковнымъ причетникомъ ни какого нѣтъ, и отводятся квартеры для постою изъ Полиціи по очереди.

33. Они жъ, пѣвчіе, также и дѣйствительные церковники съ прочими градскими жители написаны къ рогаткамъ на караулы необходимо и въ двунадесятые праздники и въ Царскіе Ангелы, оставя церковное служеніе, караулятъ со всякой печи по ночи сами на каж-

дой недѣлѣ, гдѣ бы сколько ни было, понеже оные церковники люди скудные и нанять имъ вмѣсто себя не на что, также и рогатки принуждены дѣлать не противъ Московскаго гораздо чаще, и оковывали ихъ желѣзомъ, которыя дѣлали каждую рогатку съ десяти дворовъ, а становилась рубли по два и больши.

33. Рогаточные караулы въ Казанѣ по улицамъ имѣются не для посягательства къ церковнымъ причетникомъ, но для унятія воровства, которымъ Казань до меня была наполнена, какъ о томъ всѣмъ извѣстно, и караулятъ въ ночное время всякихъ чиновъ люди, кромѣ Поповъ и Діяконовъ, въ томъ числѣ и церковные причетники, по тому что они имѣютъ каждой у себя свои дворы, и на тѣхъ дворѣхъ отдаточные въ наемъ избы бурлакомъ и прочимъ непотребнымъ, скитающимся безъ пашпортовъ, между которыми въ тѣхъ отдаточныхъ избахъ многіе переловлены разбойники и воры, и выниманы шинки и многіе бляди; когда тѣхъ карауловъ было неопредѣлено, тогда въ ночное время были многіе воровства и кражи изъ церквей церковныхъ утварей, въ томъ числѣ пойманы были нѣкоторые вѣдомства и его Архіерейскаго, а имянно: Іеромонахъ Зилонтова монастыря Іосифъ, да церкви Бориса и Глѣба Дьяконъ, которой по розыску сосланъ въ Сибирь, и прочіе, изъ чего признаваю, знатно Его Преосвященство сожалѣетъ того, что его Архіерейскимъ служителемъ пресѣкли тѣми караулами воровство; ибо кромѣ вышеписаннаго въ нынѣшнемъ году не только прочіе церковные причетники и Іеромонахъ Спаскаго Преображенскаго монастыря Серафимъ въ ночное время пойманъ былъ съ непотребною, а Егорьевской Попъ Василей на кабакѣ игралъ въ карты и отнялъ у бурлака шапку, и съ тѣмъ приведены были въ Полицію, изъ которой отосланы къ наказанію въ его, Архіерейской, Приказъ.

34. Священники, Діяконы, пѣвчіе жъ и церковные причетники и градскіе жители, богатые и нищіе, всѣ безъ исключенія, принуждены по улицамъ со излишнимъ отягченіемъ чрезъ четыре сажени поставить столбъ и ель, и въ день Василія Великаго и Богоявленія Господня и въ прочія церемоніи, не по Указу, но по прихотямъ его, Губернаторскимъ, во всякое празднество по три дни сряду на каждой столпъ навѣшивали по три фонаря, въ которыхъ свѣчи горятъ зимою по осьми часовъ ночи непремѣнно, а не про-

тивъ Московскаго дѣйствія чрезъ десять саженъ столбъ учиненъ, и на немъ только по одному фонарю, которые люди отъ посланныхъ чрезъ нестерпимые побои, занимая въ долги, по тому размѣру и ставили фонари и столбы, и отъ того Священнослужителямъ и не имущимъ великое разореніе нанесъ, а за страхомъ Волынскаго и смертными побои, бить челомъ на него никто не смѣетъ.

34. Столбы по большимъ улицамъ только, и на нихъ фонари были выставлены, для дни коронованія Ея Императорскаго Величества, а не по моимъ прихотямъ, и когда то торжество минуло, то каждой свои столбы и фонари взяли въ домы къ себѣ по прежнему, и тако градскимъ жителямъ великаго разоренія принять было не отъ чего, по тому что многіе не только по большимъ улицамъ, но и по переулкамъ и поворотамъ для такого всенароднаго торжества фонари и у воротъ столбы съ фонарями жъ выставляли изъ воли своей сами и безъ приказу.

35. Да въ прошломъ 729 году, по приказу его, Волынскаго, ходили со многимъ людствомъ солдаты съ дубьемъ не малое время по дворамъ служителей нашихъ и прочихъ Казанскихъ жителей, и ловили баграми собакъ дворныхъ, и побивали многихъ до смерти, а хозяевамъ велѣли тѣхъ мертвыхъ собакъ за городъ возити, не вѣдая для чего.

35. О собакахъ приказъ такой отъ меня былъ, чтобъ ежели кто хочетъ у себя держать дворныхъ собакъ, то бъ держали на цѣпяхъ, а которые собаки шатаются по улицамъ, тѣхъ проѳосомъ бить и таскать за городъ велѣлъ для того, что многіе бѣсятся и вредятъ людей, къ тому жъ тѣ вольные собаки таскаютъ въ городъ всякую мертвечину, и отъ того бываетъ людемъ вредъ; сверхъ того столько было въ Казани собакъ умножилось, что въ нощное время по улицамъ и проѣздъ отъ нихъ съ трудомъ былъ, а по дворамъ собакъ бить приказу не бывало.

36. И выше означенныя власти и дому нашего служители, и крестьяне, и церковные причетники, приходя къ нашему смиренію со слезами и въ тѣхъ обидахъ жалобу приносили, по которымъ ихъ несчастнымъ докукамъ наше смиреніе просилъ его, Губерна-

тора, собою многократно, токмо ни какого къ себѣ и тѣмъ обидимымъ пользы и милости отъ него, кромѣ пущаго гнѣву, не могъ получить, но еще къ тому горшаго разоренія пріумножилось, и отъ того чрезвычайнаго утѣсненія духовной командѣ наносятся обиды и разореніе нестерпимое, отъ чего, не вытерпя, съ горестію нынѣ принужденъ симъ объявить, понеже, какъ слышимъ отъ своихъ, что ни при которыхъ Губернаторахъ и Воеводахъ такого утѣсненія и обидъ (какъ отъ Волынскаго суще разорены) не бывало.

36. Кто къ нему, Архіерею, жалобы на меня и въ какихъ обидахъ приносили, того я не знаю, и онъ, Архіерей, такихъ просителей имянно не показывалъ, и мнѣ онъ, Архіерей, ни о комъ не говаривалъ, и я ни какихъ дому его служителямъ обидъ не дѣлывалъ, и духовной команды людемъ утѣсненія ни какого я не чиню, а онъ, Архіерей, все то, какъ недоброй и безсовѣстной человѣкъ, напрасно затѣялъ.

37. А оныя власти и прочія духовной команды разнаго званія люди, видя его, Губернатора, ко мнѣ чрезвычайное утѣсненіе, домовымъ нашимъ управителемъ смертной бой и мало слыханное ругательство, бить челомъ на него, Волынскаго, никто въ Москву ити не смѣетъ, и принуждены власти, оставя монастыри, а свѣтскіе служители домы, брести врознь.

38. Понеже онъ, Волынской, и безъ всякаго моего и другихъ къ нему озлобленій, до сего времени чинитъ мнѣ и прочимъ великое разореніе; а какъ онъ увѣдаетъ про сіе мое нестерпимое доношеніе, то не токмо домовыхъ нашихъ и монастырскихъ властей, но и меня въ старости убьетъ и обругаетъ нагло; понеже между нами учинилась приказная быть ссора, и подъ вѣдомствомъ у него, Волынскаго, яко соперника своего, быть и служителемъ нашимъ и монастырскимъ крестьянамъ далѣе не возможно; ибо мы отъ него, Волынскаго, въ бытность его въ Казани Губернаторомъ, претерпѣваемъ всякія бѣдствія, тому нынѣ третій годъ неповинно.

Того ради, съ покорностію Вашего Святѣйшества прошу, дабы повелѣно было жезломъ паствы Вашего Святѣйшества церкви Божіи и насъ, сиротствующихъ, отъ него, Волынскаго, съ другими оборонить и защитить, и яко сильному насъ, немощныхъ, въ

Волынской представляетъ совершенно основательно, что противникъ его выступилъ обвинителемъ тогда, когда самъ уже былъ отвѣтчикомъ, слѣдовательно, настоящее судебное дѣло отводилъ въ сторону, запутывалъ и усложнялъ тяжбу обвиненіемъ своего судьи. Это не законный поводъ къ обвиненію, а уловка подсудимаго, который хотѣлъ этѣмъ замять свое дѣло. Если бы его показанія имѣли какое ни будь отношеніе къ судебному дѣлу, онъ имѣлъ бы право сдѣлать ихъ и обнаружить въ своемъ слѣдователѣ какія ни будь пристрастія, или заподозрить его въ неправильномъ слѣдованіи; но его обвиненія имѣютъ независимый отъ слѣдствія, самостоятельный характеръ. Волынскій имѣлъ право требовать формальнаго слѣдствія по обвиненіямъ Архіерея; онъ и требовалъ его, но не получилъ. Это естественно больше склоняетъ насъ въ его пользу, нежели въ пользу обвинителя.

Разсматривая самыя статьи обвиненій, мы видимъ, что однѣ изъ нихъ, и при томъ большая часть, дѣйствительно несправедливы, другія до крайности мелочны (на примѣръ, тотъ, что Волынскій высѣкъ Семинарскаго школьника за шалости довольно-крупнаго свойства, или что солдаты прогоняли прутьемъ пьяныхъ Дьячковъ,[18] которые вздумали купаться и шалить передъ Губернаторскими окнами, или что солдаты били собакъ по городу), а иные содержатъ ни на чемъ не основанныя подозрѣнія (на примѣръ, что Волынскій медлитъ слѣдствіемъ по дѣлу Салникѣева, надѣясь получить, или уже получивши, взятку, или опасеніе, что онъ убьетъ Сильвестра, какъ только узнаетъ о его доношеніи).

Но какъ повѣрили этой лжи, этѣмъ мелочамъ и небылицамъ? Отъ чего общество, и при томъ свѣтское, скорѣе стало на сторону Сильвестра, нежели на сторону Волынскаго? Безъ сомнѣнія, тутъ много значило обаяніе личной жалобы Сильвестра, восьмидесятилѣтняго старика, такъ какъ всякій по опыту знаетъ, что на сло-

---

[18] Сильвестръ особенно ударяетъ на то, что этѣ Дьячки были посвящены въ стихарь, какъ будьто это имѣетъ какое ни будь отношеніе къ купанью, сопровождавшемуся такими непріятными для нихъ послѣдствіями. Волынскій пишетъ, что того узнать было нельзя, для того, что они наги были.

вахъ можно сдѣлать изъ мухи слона. Человѣкъ, самый неразборчивый на слова, не осмѣлится написать, особенно въ судебной бумагѣ, того, чѣмъ онъ, не стѣсняясь, украшаетъ словесную жалобу. Но главной причиной была все та же нерасположенность общества къ Волынскому. Всѣ, кто ни сталкивался съ нимъ, знали его за человѣка съ несноснымъ характеромъ. Онъ былъ горячъ, заносчивъ, упрямъ, жестокъ, и при томъ весьма честолюбивъ. Мы не говоримъ о взяточничествѣ, по тому что общество было къ нему безразлично. Какъ оно ни было дурно, до него, однако жь, другимъ мало кому было дѣла, исключая тѣхъ несчастныхъ, на которыхъ обрушивалась его жадность; да пожалуй объ этой чертѣ его характера и знали не многіе. Понятіе о немъ установилось не тамъ, не въ той средѣ, гдѣ онъ бралъ взятки. Его не любило высшее общество, по тому что онъ относился къ нему, по меньшой мѣрѣ, съ неуваженіемъ. Онъ ссорился съ Долгорукими, Голицыными, Куракиными. Не успѣлъ пріѣхать въ Москву, какъ поссорился съ Ягужинскимъ. Другихъ послѣдующихъ ссоръ сдѣсь не перечисляемъ. Позже онъ говорилъ, и всегда думалъ, что онъ могъ бы править Государствомъ, что ни кто лучше его не понимаетъ искуства Государственнаго правленія.

Не только высшіе милостивцы его, даже свои домашніе часто, когда онъ бывалъ веселъ, говаривали ему: «Пора посмирнѣе жить, и на что всѣхъ презирать, а особливо и свою братью иногда уничтожать?»

Волынскій былъ очень уменъ; но его природныя дарованія не были образованы воспитаніемъ и наукой. Эта была богатая, даровитая, чрезвычайно живая, воспріимчивая, увлекающаяся, но въ то же время необузданная, натура, которая, при недостаткѣ воспитанія и направляющемъ дѣйствіи среды, одинаково способна была на добро и зло. Онъ способенъ былъ понимать достоинство лучшихъ порядковъ въ обществѣ; могъ даже пролагать путь этѣмъ порядкамъ своими проектами и предначертаніями; но въ немъ не было той цѣльности, которая состоитъ въ согласіи мысли съ жизнію, не было того живого начала, которое начинаетъ преобразованіе общества съ себя самаго. У него теорія въ постоянномъ разладѣ съ практикою его собственной жизни. Онъ великъ, какъ совѣтникъ въ

дѣлахъ Государственнаго правленія, но какъ правитель запятнанъ самыми темными пятнами.

По самой природной горячности сложенія, Волынскій не умѣлъ и не могъ скрывать своихъ сочувствій и отвращеній къ окружающимъ лицамъ, не могъ хладнокровно переносить ударовъ, наносимыхъ его честолюбію, положительно не способенъ былъ къ выжиданію, скрытности и двуличной политикѣ. Довольно было поставить подлѣ него лицо съ противоположными свойствами, чтобы измучить его самымъ вѣрнымъ образомъ. Такимъ лицомъ и былъ подлѣ него Остерманъ. Волынскій не могъ равнодушно переносить его двуличной и выжидающей политики, и возмущался всякій разъ, когда тотъ пускалъ въ дѣло свои Нѣмецкіе таланты. Онъ самъ сознавался, что часто плакивалъ передъ нимъ, какъ ребенокъ, и наконецъ таки сдѣлался жертвой этой убивающей политики, которую ни переносить, ни усвоить былъ не въ состояніи.

Остерманъ былъ хорошимъ дипломатомъ, и въ этомъ отношеніи имѣетъ свою заслугу. Но онъ не былъ Русскимъ, былъ безразличенъ, если не больше, къ Русской Церкви, и безпощаденъ къ Русской крови. Русскіе люди для него, какъ для Бирона и всего множества тогдашнихъ сильныхъ иноземцовъ, были шахматными фигурами, надъ которыми они показывали свое искуство. Волынскій, какъ ни злоупотреблялъ самъ властью, не могъ, однако жь, равнодушно смотрѣть на эту безучастность сильныхъ иностранцевъ къ Русскому народу. Онъ былъ Русскій, со всѣми его хорошими и худыми качествами. Его проекты направлены были къ дѣйствительной пользѣ Россіи, которую онъ зналъ и любилъ. Онъ видѣлъ недостатки Русскаго Духовенства и причины ихъ, хотѣлъ улучшить бытъ его какъ въ матеріяльномъ, такъ и въ нравственномъ, отношеніи. Онъ хотѣлъ поставить Русское купечество въ такое положеніе, въ которомъ бы оно, независимое отъ притѣсненій чиновничества, могло свободно и безопасно располагать своими капиталами и ихъ оборотами. Онъ хотѣлъ возвысить нравственный уровень Дворянства распространеніемъ въ немъ просвѣщенія. Онъ хотѣлъ образовать Русскихъ, своихъ природныхъ, Министровъ, посылая способныхъ молодыхъ людей въ иностранныя Государства для обученія разнымъ наукамъ и гражданскимъ правамъ. Для наблюденія

за исполненіемъ законовъ въ областяхъ онъ предполагалъ учредить ежегодные Сенаторскіе осмотры областей, и въ этѣхъ видахъ предлагалъ увеличить число Сенаторовъ. Мы не упоминаемъ о другихъ частяхъ его проектовъ, которые обнимали почти всѣ стороны Русскаго правленія и направлены были къ исправленію и улучшенію ихъ по указаніямъ опыта.

Историческая судьба государственныхъ дѣятелей весьма много зависитъ отъ успѣха ихъ предначертаній. Личные недостатки, неровности характера, злоупотребленія власти, останутся незамѣтными, или не столько замѣтными, если удастся имъ осуществить свои обширные планы, направленные къ счастію и величію народа, который произвелъ ихъ и пользѣ котораго они посвятили свой дальновидный умъ и свою опытность. Если жь случилось на оборотъ, если планы ихъ не осуществились, то народъ, не ощутивъ отъ нихъ пользы и не испытавъ на себѣ дѣйствія лучшихъ сторонъ ихъ души, или забудетъ о нихъ, или же сохранитъ память, какъ о людяхъ безпокойныхъ, или корыстныхъ, которые заботились только о себѣ, придавливая все, что лежало на пути къ цѣлямъ ихъ общественнаго преобладанія.

Эта судьба постигла и Волынскаго. Въ то темное время, когда онъ дѣйствовалъ, какъ высоко поставленное общественное лицо, онъ не могъ раскрыть лучшихъ силъ своей даровитой природы, не могъ сдѣлать примѣненія изъ богатыхъ запасовъ своего ума и обширной наблюдательности, и на судъ исторіи пошли одни темныя стороны его жизни, одни зазорныя дѣла, которыми онъ то прокладывалъ себѣ дорогу, то держался на высотѣ, купленной не дешевою цѣною.

Съ нимъ было и того хуже. Ему поставили въ вину то, что онъ осмѣлился «сочинять письменныя злодѣйскія разсужденія о приключившихся вредахъ особнѣ Государю и обще всему Государству и о гражданствѣ;» и то, что онъ «сочинялъ проектъ и разсужденіе съ явнымъ предосужденіемъ и укоризною прошедшаго и настоящаго въ Государствѣ управленія для того, что въ управленіи дѣлъ въ Государствѣ усмотрѣлъ онъ неудобствіе; чего ради то свое разсужденіе вмѣнялъ онъ за полезное и противъ прошедшаго и ны-

былъ изъ Голландіи Капитанъ Давидъ Бутлеръ съ компаніею мастеровъ и матрозовъ, которые и сдѣлали корабль, имянуемый Орелъ, да яхту или галіотъ, но сему дѣлу препятствовалъ бунтовщикъ Стенька Разинъ, которой, въ нашествіи своемъ на Астрахань, оное начатое дѣло разорилъ, и Капитана Бутлера убилъ, и протчіе той компаніи съ нимъ Капитаномъ избиты, а двое изъ нихъ, а имянно Лѣкарь Иванъ Термунтъ, да корабельной мастеръ Брантъ, ушли чрезъ Персію въ Индію, откуды паки, по умиреніи бунта, возвратились въ Москву, и Лѣкарь Термунтъ, во время государствованія блаженныя и вѣчно достойнославныя памяти Его Императорскаго Величества, Петра Перваго, титулованъ Докторомъ и взятъ ко Двору, и при Его Величествѣ былъ въ Голландіи и въ Англіи во время перваго похода съ Послами, и въ крайней Его Величества былъ милости, отъ котораго, а при томъ и отъ корабельнаго мастера Бранта, о выше помянутомъ отеческомъ дѣлѣ также по Персіи изволилъ наслышаться, какъ я отъ Его Императорскаго Величества о томъ самъ слыхалъ; понеже до семисотаго года присланы были (мастеры иноземцы въ Казань) шмаковаго дѣла и галернаго и прочихъ сортовъ морскихъ судовъ, для дѣла оныхъ, которые сдѣлали, кромѣ галеръ и другихъ мелкихъ судовъ, большихъ шмаковъ 150, или 160, такой пропорціи, что на каждое судно можно было посадить (свободно) для транспорта по 300 человѣкъ, да провіянта положить тысячи полторы, или по двѣ тысячи четвертей. Изъ которыхъ судовъ уже нѣсколько десятковъ сплавлены были къ Астрахани еще въ то время, когда тамъ Воеводою былъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, и нѣсколько туда морскихъ Офицеровъ иноземцовъ съ матрозами было отправлено, токмо и сему Астраханскому флоту такое жъ несчастье приключилось, какъ и первому. Понеже, когда забунтовали тамъ стрѣльцы и убили тамошняго Воеводу Тимоѳея Ржевскаго, тогда и оныхъ Офицеровъ и матрозовъ побили, а суда оные разорили. И когда такіе флоты начинали на Каспійскомъ морѣ оныя славныя Монархіи отецъ и сынъ, какая тамъ нужда была имѣть военные корабли и иные великія суда, естьли бъ не имѣли издавна намѣренія воевать Персію? Не вѣдаю намѣренія блаженныя памяти отца Его Императорскаго Величества, Государя, Царя Алексѣя Михайловича (понеже я тогда еще не родился); что же о Его Императорскомъ Величествѣ, конечно, могу безъ сомнѣнія сказать по истиннѣ, не меньше великаго Александра оной Августѣйшій Мо-

нархъ нашъ желалъ вездѣ славу свою показать. Понеже по замысламъ Его Величества не до одной Персіи было ему дѣло. Ибо естьли бъ посчастливилосъ намъ въ Персіи и продолжилъ бы Всевышній животъ его, конечно бы покусился достигнуть до Индій. А имѣлъ въ себѣ намѣреніе и до Китайскаго Государства, что я сподобился отъ Его Императорскаго Величества, по его ко мнѣ, паче достоинства моего, милости самъ слышать и, кромѣ себя, могу въ томъ и нынѣ на сіе Его Величества намѣреніе и высокіе замыслы нѣсколько свидѣтелей представить, которые, надѣюся, многократно и пространнѣе, нежели я, сами отъ Его Величества о томъ слыхали.

Буде же кто нарекаетъ на меня и клепаетъ тѣмъ, будто бы я склонилъ Его Императорское Величество и привелъ къ тому, что онъ изволилъ воспріять походъ свой въ Персію, и то явная ложь. Понеже помятуется мнѣ, что я еще былъ въ Турецкой землѣ, а Его Императорское Величество изволилъ послать нѣсколько морскихъ Офицеровъ и навигаторовъ въ Астрахань описать Каспійское море и берега, и осмотрѣть удобные гавани и впадающія въ то море рѣки, и сочинить правильную зей-карту. А я въ то время не только совѣтникомъ сего дѣла былъ, ниже о томъ вѣдалъ. А о самой Персіи зналъ только гдѣ оная, а какова оная и каковы люди, о томъ и вѣдать мнѣ нужды не было.

А потомъ въ прошломъ 715 году ни я искалъ, ниже желалъ быть въ такомъ отдаленномъ, а паче въ варварскомъ Государствѣ, токмо принужденъ ѣхать по волѣ Его Императорскаго Величества, и теперь имѣю инструкцію ту, которая тогда дана мнѣ, и хотя публичное мое было дѣло обнадеживаніе и подкрѣпленіе древней дружбы отъ Его Императорскаго Величества къ сторонѣ Шаха Персидскаго, и при томъ будто касалося дѣло для коммерціи, а самая была причина та, за которую мнѣ было тамъ легко пропасть мощно. Понеже морскіе Офицеры посланы были для описанія моря того, какъ выше показано, а я посланъ былъ смотрѣть внутреннее состояніе Персіи, и имянно: положеніе мѣстъ, и какіе горы и непроходимые мѣста, Гилянь и прочія провинціи по Каспійскому морю лежащіе, отдѣлены отъ Персиды. Также велѣно мнѣ осматривать рѣкъ большихъ, впадающихъ въ Каспійское море, и до которыхъ мѣстъ по онымъ рѣкамъ можно ѣхать отъ моря (и нѣтъ ли какой

рѣки въ Индіи, которая бы впала въ то море), и при томъ примѣчать пристаней морскихъ, смотрѣть городовъ, крѣпостей, и вѣдать, сколько у Шаха въ его области какихъ фортецей, и сколько въ которыхъ мѣстахъ войска, конницы и пѣхоты, артиллеріи и инова ружья, и въ какомъ состояніи все оное, и въ какомъ порядкѣ войска и артиллерія и протчее обрѣтается, и не множатъ ли гдѣ онаго, и тщательно ль, или слабо, во всемъ томъ поступаютъ, и не вводятъ ли Европейскихъ обычаевъ въ войнѣ. Мнѣ жъ повелѣно развѣдывать объ Армянскомъ и прочихъ Христіянскихъ и иновѣрныхъ съ Персами въ тѣхъ странахъ обрѣтающихся народахъ, и каковы они къ сторонѣ Его Императорскаго Величества (которыхъ къ тому велѣно было мнѣ и склонять всячески), и которой народъ какой состояніемъ.

Сіе все выше писанное имянно въ моей инструкціи написано, которая за рукою Канцлера Графа Гаврилы Ивановича Головкина, а съ чего оная написана, то помятуется мнѣ, что чернить и оные тайные пункты переправливать (и приписывать) своеручно самъ Его Императорское Величество изволилъ (такъ точно жъ было Его Величества оное дѣло), надѣюся и нынѣ еще въ сохраненіи лежитъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. А для скорѣйшаго свидѣтельства, я съ оныхъ пунктовъ списавъ, прилагаю при семъ копію.

По сему всякому добросовѣстному легко можно разсудить, что не по выѣздѣ моемъ изъ Персіи, но за нѣсколько лѣтъ прежде, нежели я туда былъ посланъ, уже имѣлъ конечно Его Императорское Величество оное свое намѣреніе, и что подлинно не я тому причина.

Что же я дѣлалъ по волѣ Его Величества, по изустнымъ приказомъ и по Указамъ мнѣ, я все то хранить и исполнять повиненъ былъ, и наша въ томъ должность, понеже на то присягаемъ, для того что я видѣлъ и слышалъ, и въ какомъ состояніи я Персію засталъ, такъ точно безъ прибавки и убавки и доносилъ Его Величеству, а иноково и поступать я боялся и грѣха и казни и суда отъ Его Величества. Понеже кромѣ меня и прежде меня довольно Его Императорское Величество о состояніи Персидскаго Государства извѣстенъ былъ отъ Царя Арчила Грузинскаго и отъ Армянскихъ Патріярховъ, которые, не хотя жить подъ игомъ Персидскимъ, неоднократно Его Императорское Величество, яко избавителя Христіян-

скихъ обоихъ, Грузинскаго и Армянскаго, народовъ просили о томъ изъ давныхъ лѣтъ, и съ тѣмъ отъ Армянскаго и Грузинскаго народовъ нарочные къ Его Императорскмоу Величеству присыланы тайно бывали, о чемъ и теперь въ Коллегіи Иностранной сыскать можно. И понеже, какъ о томъ извѣстно, что Его Императорское Величество столько любопытенъ былъ, что только бъ о чемъ могъ услышать, надобно было ему о томъ конечно уже и совершенно вѣдать, и не только о важныхъ, но и о такихъ, до чего бы, казалося, и нужды мало, или и нечего не было.

И что бъ кто отважился на такое дѣло склонять его, котораго бъ Его Величество самъ самоизвольно дѣлать былъ не намѣренъ, конечно бъ, въ томъ всякъ обнанулъ себя, понеже онъ, Всеавгустѣйшій Монархъ нашъ, былъ особливо отъ Бога одаренъ душевными силами, какъ о томъ не однимъ намъ извѣстно, но и всему свѣту явно. И самые мудрые дѣла его и безсмертной памяти достойные могутъ великодушіе и непоколебимое постоянство высокаго ума его засвидѣтельствовать.

И что же, мнѣ ли бъ такому по истиннѣ возможно было обуздать моими слабыми представленіями такого мудраго Монарха и вести туда, куда бъ Его Величество самъ итить не изволилъ, и по чему бъ было сіе моей силы дѣло, понеже тогда уже Его Величество былъ въ лучшей крѣпости совершеннаго мужества своего, а я (не ровняю себя въ примѣръ всемилостивѣйшему нашему бывшему Государю) моложе Его Величества былъ безъ мала двадцати лѣтами? А какая деференція (противу Его Величества) въ недостаткѣ ума моего, о томъ, сколько я о себѣ вѣдаю, столько бъ и протчимъ знать мощно, понеже сіе не закрытое, но всѣмъ было явное.

Сверхъ того, представляю и сіе последнее мое оправданіе: когда Его Императорское Величество изволилъ вступить уже въ Персидскую войну, видѣлъ совершенно самъ въ томъ дѣлѣ многіе неудачи и убытки въ людѣхъ и въ прочемъ, однако жъ того ни чего на мнѣ взыскивать не изволилъ; самъ Его Величество въ себѣ подлинно изволилъ вѣдать, что тому дѣлу не я былъ виною, и не только Персію оставить не хотѣлъ, но и самъ паки высокою персоною своею въ прошломъ 1725 году итить былъ по вскрытіи воды ка-

мѣренъ, токмо то скорая смерть пресѣкла; какъ же о томъ намъ разсудить, что самъ видѣлъ уже многіе противу воли своей неудовольства, а тѣмъ всѣмъ не могъ отъ того отвратить себя? А для чего такъ изволилъ дѣлать сіе дѣло, не только мнѣ, но, чаю, и другимъ многимъ было не довѣдомое. А теперь, по смерти Его Величества, мощно толковать, какъ кто разсудитъ, а по истиннѣ сказать, развѣ рѣдкой угадать можетъ.

А кто, злодѣйствуя мнѣ, говорилъ то, что Его Императорское Величество гнѣвался на меня въ Низовомъ походѣ, и вмѣняетъ въ томъ образѣ, будто бъ прогнѣвался за неудачу Персидскаго дѣла, и то подлинно солгано, понеже тогда еще на Персію мощно было разсмотрѣть, ни о будущихъ неудачахъ (которые потомъ воспослѣдовали) возможно было вѣдать; ибо въ то время ни одинъ человѣкъ еще съ судовъ и на землю не выходилъ, а сдѣлалось сіе мнѣ несчастье такимъ образомъ: когда мы при Его Величествѣ перешли море и сталъ флотъ на якоряхъ подлѣ Персидскихъ береговъ, повелѣлъ Его Величество, забавляяся, купать въ морѣ, страны тѣ жъ кто не бывалъ на Каспійскомъ морѣ, начавъ съ Адмирала всѣхъ до послѣдняго (а при томъ и самъ купаться изволилъ), между тѣмъ хотѣлося Адмиралу и Петру Толстому чтобъ и я былъ купанъ, къ чему и Его Величество склоняли, но я поупрямился въ томъ, понеже тогда былъ припьянъ, и тѣмъ своимъ упрямствомъ Его Величество прогнѣвалъ; подъ то жъ время получены были письма отъ Бригадира Витерянова о взятіи города, именуемаго Андрѣева деревня, которой велѣно было тому Бригадиру доставать, но онъ непорядочно въ томъ поступалъ, и потерялъ одного Подполковника, и съ 80 человѣкъ драгунъ съ нимъ побито, а можно было и кромѣ сего убытка достать оной городъ, токмо оной Бригадиръ, закрывая въ томъ дѣлѣ вину свою, писалъ къ Его Величеству то, чего не бывало. И хотя было Его Величество сей невеликой уронъ изволилъ уничтожить, однако жъ подъ такой случай Адмиралъ и Толстой, злодѣйствуя мнѣ, привели Его Величество на найбольшой гнѣвъ; но хотя жъ и претерпѣлъ я, однако жъ, не такъ, какъ мнѣ рабу надлежало терпѣть отъ своего Государя, но изволилъ наказать меня, какъ милостивой отецъ сына, своею ручкою, и на завтрия самъ всемилостивѣйше изволилъ въ томъ обмыслиться, что вины моей въ томъ не было, милосердуя раскаялся, и паки, какъ милосердой

отецъ и Государь нашъ, изволилъ меня принять въ прежнюю свою высокую милость и содержалъ непоколебимо. А между тѣмъ хотя и были случья гнѣва Его Величества на меня, но и то, или на нѣсколько дней, или на нѣсколько часовъ, пока принесу извиненіе, или подлинное оправданіе, и такъ во всю мою жизнь (кромѣ одного онаго вышеписаннаго случая) не бывало никогда мнѣ отъ Его Величества не только побоя, ниже, тяжкой брани, и хотя зависти ради многіе покушались вредить меня какъ то между нашимъ народомъ особливо паче другихъ водится, однако жъ я высокою Его милостію столько обнадеженъ былъ, что не только безъ поврежденія чести, но и съ крѣпкою обороною жилъ, и никогда туне провождалъ мою жизнь, но всегда былъ въ важныхъ и нужныхъ дѣлахъ, паче многихъ сверстниковъ моихъ, не по моимъ молодымъ лѣтамъ, и вѣрить мнѣ паче достоинства моего изволилъ, и содержанъ былъ въ числѣ вѣрныхъ рабовъ даже до самой плачевной Его Величеттва кончины.

Претворяя себѣ въ жалость о убыткахъ, такъ какъ бы уже многіе тысячи пропали, и при томъ разсуждали, что тѣмъ дѣломъ переднему непріятелю (на кого шли) будто великой авантажъ будетъ и протчее тому подобное внушали Его Величеству, но онымъ Господамъ ни побитыхъ жаль было, ни о непріятелѣ нужда разсуждать была, кромѣ что до меня одного было дѣло, чтобъ тѣмъ больше повредить и ввести въ побои, что по ихъ желанію и сдѣлалось. Понеже Его Величество скоро съ Адмиральскаго судна на свое изволилъ притить (хотя тогда и ночь была), однако жъ изволилъ прислать по меня, и тутъ, гнѣваяся, бить тростью, полагая вину ту, что будто тотъ городъ явился многолюднѣе, нежели я доносилъ, токмо блаженныя и вѣчныя памяти, любезная Его Величества супруга, всемилостивѣйшая Государыня Императрица, до большихъ побой милостиво довестить не изволила.

Хотя внушено на меня, будто я непорядочно жилъ въ Казани и будто многимъ дѣлалъ напрасные обиды, но въ томъ засвидѣтельствуюся генерально всѣми Казанскими жителями и прочими, кто былъ тамъ (выключая только однихъ притчинныхъ), сколько я умѣренно велъ себя во всѣхъ моихъ поступкахъ.

А что причина моего несчастія, о томъ доношу слѣдующее. Понеже тамошней Вице-Губернаторъ, Кудрявцовъ, имѣетъ тамъ домъ и

деревни, а съ природы зѣло прихотливъ и безмѣрно лѣнивъ, и для того я былъ имъ недоволенъ, а противу того и ему довольно мною нельзя быть, понеже я по прихотямъ его ни чего дѣлать не хотѣлъ. А имѣлъ онъ у себя дядю Дашкова, Архіерея бывшаго Ростовскаго, чрезъ котораго онъ, Кудрявцовъ, и прежде сего вредилъ меня, понеже хотѣлося Ростовскому Архіерею сдѣлать его туда и Губернаторомъ.

Потомъ нужда пришла и Казанскому Архіерею вредить меня. Понеже присланъ ко мнѣ изъ Синода Ея Императорскаго Величества Указъ, по которому велѣно было мнѣ про онаго Архіерея розыскивать въ томъ, что онъ, по кончинѣ блаженныя и вѣчно достославныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Перваго, оставя свою присягу, не сталъ челобитенъ у челобитчиковъ принимать съ титуломъ Императорскаго Величества, и оные челобитные дралъ и бросалъ, а велѣлъ переписывать на свое имя. Также и прочіе многіе безсовѣстнѣе дѣла были на него, Архіерея, показаны.

Но когда я въ то слѣдствіе вступилъ и порядочно повелъ дѣло, Архіерей тотъ увидѣвъ, что ему праву нельзя быть, принужденъ подняться противу меня, и подалъ подозрѣніе, но то не помогло ему; потомъ подалъ другое, а напослѣдокъ, затѣявъ, написалъ на меня 38 пунктовъ, между которыми истинно ни трехъ такихъ нѣтъ, которые бъ были и половина правды, а прочее, какъ недоброй и безсовѣстной человѣкъ, все затѣялъ, и при томъ ѣздя многимъ жаловался, плакалъ и лгалъ на меня, сколько могъ выдумать.

А отъѣзжая изъ Казани, не имѣлъ со мною ни какой ссоры, и за день отъѣзда своего былъ у меня и просилъ о неоставленіи своего дома, при томъ рекомендовалъ мнѣ своего Казначея и Секретарей, которымъ и приказалъ о всѣхъ нуждахъ объявлять мнѣ и просить, и уже и сюды прибывъ, жилъ около полугода, а ни въ чемъ не меня не билъ челомъ и не показалъ ни какой ссоры, и писывалъ ко мнѣ благодѣтельски, и я къ нему, но какъ объ немъ началося дѣло, тогда затѣялъ на меня бить челомъ.

А подъ тотъ случай присталъ къ нему и Вице-Губернаторъ Кудрявцевъ, и такъ сообщался съ Архіереемъ, вредили меня, сколько могли.

Между тѣмъ же случилося въ Казани и еще одно дѣло, которое не мало помогло моему несчастію. Понеже Казанской Губерніи подчиненная провинція Соль-Камская безмѣрно запущена доимкою въ кабацкихъ и таможенныхъ сборахъ, а оные на откупу многіе сборы у тамошняго купца Турченинова, что я усмотря, по совѣсти моей началъ слѣдовать (отъ чего та доимка), взялъ табельные оклады и тамошніе репорты, и счелъ только одинъ годъ и 9 мѣсяцовъ (понеже только меня время допустило), но и въ томъ короткомъ времени нашелъ на томъ одномъ купцѣ сумнительныхъ съ 36000 рублевъ, и онъ уже было во многомъ самъ признался, а ежели бъ захватилъ я далѣ время, надѣялся бъ сыскать и больше, токмо и то мнѣ во вредъ стало, и такъ собралося одно къ одному.

А нынѣ слышу, что помянутой Вице-Вубернаторъ Кудрявцевъ, не довольствуяся тѣмъ всѣмъ, и еще въ мое поврежденіе трудится, научилъ нѣкоторыхъ плутовъ Татаръ, которые были наказываны за воровство (еще прежде меня), и велѣлъ имъ составить челобитную, приличая къ тому, будто я велѣлъ собирать съ волостей, сверхъ подушняго окладу, нѣкоторые сборы, и по тому взяты въ Казань изъ тѣхъ волостей знатные изъ Татаръ Сотники, которыхъ изъ того держали въ тюрьмѣ и стращали, а они подали челобитную, написавъ отъ всѣхъ волостей. Что тѣ доносители плуты и что многіе изъ нихъ наказаны кнутомъ, а у другихъ за воровство и уши отрѣзаны, и для того чтобъ имъ въ томъ не вѣрили.

А о сборѣ томъ написали, что у нихъ изъ давныхъ лѣтъ бываетъ съ общаго согласія повсягодно, по чему опредѣлять иногда копѣйки по двѣ, иногда по три съ души на годъ, для общихъ расходовъ на наемъ подводъ и на приказные и протчіе нужды. Они жъ изъ тѣхъ денегъ отправляютъ чолобитчиковъ въ Москву, даютъ за труды приказнымъ людемъ, и сами живучи за дѣлами, изъ того жъ довольствуются, но и за тѣмъ принуждаютъ оныхъ всячески, чтобъ кто показалъ на меня. А я нынѣ отъѣзжаю, для того опасаюся, чтобъ и симъ дѣломъ, такъ какъ и Архіерейскимъ, я не поврежденъ былъ.

А понеже и понынѣ Архіерейское дѣло по се время еще не слѣдовано, хотя я о томъ еще изъ Казани прислалъ въ Сенатъ

челобитную, прося о розыскѣ въ томъ самъ на себя. Также и нынѣ, прибывъ сюды, напоминалъ о томъ, однако жъ все то уничтожено, а я остаюсь въ суспиціи, такъ какъ бы подлинно виноватъ былъ.

Того ради я всепокорно прошу не о иной какой милости, токмо чтобъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣла, кому изволить въ томъ повѣрить (кромѣ тѣхъ, кто вредитъ мнѣ), все то, что принесено на меня и впредь будетъ, произвесть приказнымъ порядкомъ и прямымъ судомъ, изъ чего будетъ двѣ пользы. Первая та, что невинные впредь отъ безсовѣстныхъ вредителей терпѣть не будутъ напрасно. Второе, когда дѣло судомъ произведено и рѣшено будетъ, то всякъ виноватой подлинно обличенъ будетъ, и не можетъ сказать, что безвинно терпитъ.»

По дѣлу съ Казанскимъ Архіереемъ слѣдствія, однако жь, не было назначено, но жалобы Татаръ были такого рода, что нельзя было оставить ихъ безъ вниманія. Волынскаго удержали въ Москвѣ.

Ясашные иновѣрцы въ челобитной своей написали, что въ 1730 году Сотники собирали съ нихъ, сверхъ подушныхъ денегъ, по 3 — 5 к. съ души. По показаніямъ сотниковъ тѣхъ денегъ въ сборѣ было болѣе 2000 руб. Изъ нихъ 1959 руб. отдано человѣку Волынскаго, Кубанцу, чтобъ имъ не быть въ работѣ корабельныхъ лѣсовъ.

Тѣ же ясашные Татары показали, что Волынскій взялъ съ нихъ 500 руб. за не посылку ихъ въ Персію въ переводчики. По слѣдствію оказалось, что Волынскому поручено было Сенатскимъ Указомъ посылать въ переводчики, кого онъ признаетъ лучше, ясашныхъ, или служилыхъ Татаръ. Волынскій донесъ, что ясашные Татары, какъ теперь, такъ и впредь, къ этому дѣлу не годятся. Ясашные Татары, въ благодарность за это, собрали съ двухъ дорогъ 500 руб. и отнесли къ Казанцу гостиной сотни Каменеву, чрезъ котораго и просили Волынскаго о не посылкѣ ихъ въ Персію, а тотъ велѣлъ отдать ихъ человѣку Волынскаго.

Черемисы Казанскаго Уѣзда также подали десять прошеній, въ которыхъ жаловались, что въ ихъ сотни и волостяхъ, послѣ по-

душной переписи, посланные для слѣдствія о не написанныхъ въ подушной окладъ, брали взятки не малыя. Въ Симбирскомъ Уѣздѣ также былъ сборъ сверхъ подушныхъ денегъ.

Императрица, уже предубѣжденная противъ Волынскаго, приказала арестовать его и сдѣлать ему инквизицію. [20] Волынскій оправдывался, какъ могъ. О ясашныхъ деньгахъ сначала показалъ уклончиво, что при отъѣздѣ его изъ Казани выборные ясашныхъ волостей объявили ему денегъ 2500 руб. для провозу, за опасностію, до Москвы; но потомъ признался, что Казанскіе и Свіяжскіе Сотники принесли ему тѣ деньги по обѣщанію за то, чтобъ имъ не быть у корабельной работы, и за прочія его благодѣянія, которыя онъ и принялъ предъ отъѣздомъ изъ Казани. Изъ 24 деньщиковъ Волынскаго, оговоренныхъ въ томъ, что они, по приказу Волынскаго, собирали этѣ деньги, ни одинъ не показалъ, чтобъ онъ чрезъ нихъ у кого ни будь вымогалъ деньги, или кому ни будь объ нихъ напоминалъ; милостивцы Волынскаго успѣли, однако жь, расположить Императрицу въ его пользу. Сентября 28 объявленъ ему Высочайшій Указъ, которымъ объявлено ему прощеніе въ тѣхъ взяткахъ, въ которыхъ онъ сознался, а въ прочихъ остальныхъ приказано было слѣдовать въ Казанской Губернской Канцеляріи и по окончаніи слѣдствія доложить Ея Императорскому Величеству. [21]

---

[20] Когда въ 1740 году Волынскій обвиненъ былъ въ Государственныхъ преступленіяхъ, то въ Слѣдственную Коммисію потребовали, между прочимъ, нерѣшеное дѣло изъ Сената о взяткахъ Волынскаго въ Казани въ 1731 году и о бывшей на него инквизиціи. Экстрактами изъ этого дѣла мы и пользовались въ настоящемъ случаѣ.

[21] Именной Высочайшій Указъ Сенату, 28 Сентября, 1731 года:

«Понеже Генералъ-Маіоръ Артемей Волынской Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше подалъ на письмѣ повинную въ разныхъ взяткахъ, которыя онъ бралъ въ бытность его въ Казани Губарнаторомъ и въ чемъ отъ Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйше прощенія просилъ.

И того ради въ тѣхъ отъ него самаго объявленныхъ взяткахъ онъ, Волынскій, всемилостивѣйше прощенъ, и Ея Императорское Величество указала его изъ подъ аресту освободить. А что по продолжающемуся о немъ въ Казанской Губерніи слѣдствію еще впредь показано будетъ, о томъ донесть Ея Импера-

Но такъ какъ Волынскій скоро вошелъ въ милость при Дворѣ, то слѣдствія въ Казани произведено не было, и это въ послѣдствіи, въ 1740 году, причтено въ вину Казанскому Губернатору, Графу Платону Мусину-Пушкину. 8 Октября Волынскій освобожденъ изъ подъ ареста. Ноября 12, по поводу новаго распоряженія, по которому обрѣтающимся при арміи и у дѣлъ Генералитету повелѣвалось быть въ указномъ числѣ, Волынскій назначенъ въ Украинскій корпусъ Инспекторомъ при кавалеріи, но онъ только считался при корпусѣ. Въ то же время или около того же времени, онъ былъ опредѣленъ, по Высочайшему Указу, въ Секретную Коммисію о упущеніи таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ Казанской провинціи Соли-Камской.

Мы совсѣмъ забыли про нашихъ Казанцовъ, Сильвестра съ Питиримомъ и Салникѣева.

Питирима, какъ мы помнимъ, Синодъ потребовалъ къ отвѣту по доношенію Волынскаго еще въ 1730 году, когда онъ былъ въ Москвѣ. Питиримъ не заблагоразсудилъ явиться и, вмѣстѣ съ Сильвестромъ, уѣхалъ въ Казань. Синодъ возобновилъ свое требованіе о высылкѣ Питирима въ Мартѣ 1731 года и отправилъ за нимъ, солдата. Сильвестру жаль было разстаться съ своимъ союзникомъ, и по тому онъ отрепортовалъ Синоду, что «Питиримъ заболѣлъ тяжкою болѣзнію, и наше смиреніе, прибавлялъ онъ, усмотря въ томъ законную причину, солдату безвременно отдать и въ пути его нынѣшнею весеннею распутицею везти отъ тяжкія его скорби умученнаго подъ смертнымъ страхомъ не возможно, по тому что оной Архимандритъ до полученія того Указу за долговременно весьма тяжкою болѣзнію заскорбѣлъ, въ которой исповѣдыванъ и елеемъ освященъ, и про то извѣстно той обители всему братству, и нынѣ

торскому Величеству, для всемилостивѣйшаго разсмотрѣнія. Въ слѣдствіе этого Указа, 8 Октября въ Правительствующемъ Сенатѣ опредѣлено ему, Волынскому, о прощеніи вины его въ показанныхъ имъ взяткахъ объявить въ Сенатѣ, и изъ подъ ареста освободить. А содержащихся въ Сенатѣ по дѣлу объ немъ, Волынскомъ, человѣка его Курочкина и деньщика Копылова, тако жъ и Татаръ изъ подъ караула освободить съ росписками. А когда изъ Казанской Губерніи объ немъ, Волынскомъ, достальное слѣдствіе присiано будетъ, тогда о томъ донесть Ея Императорскому Величеству.»

отъ той немощи отрады не имѣетъ, и лежитъ весьма болѣнъ, и пользы ему получить вскорѣ не надѣюсь.»

Въ то же время (18 Марта) Синодъ потребовалъ отъ Казанскаго Губернатора подробныхъ выписокъ по донесенію Волынскаго, а отъ Сильвестра обстоятельнаго по нему объясненія, по всѣмъ пунктамъ, исключая челобитныхъ, писанныхъ на Архіерейское имя: понеже и во всѣхъ Епархіяхъ челобитныя пишутъ и подаютъ на Архіерейскія имена. О томъ о всемъ Его Преосвященству велѣть отвѣтствовать самою сущею правдою, съ явственнымъ о всемъ показаніемъ и подлинною очисткою въ немедленномъ времени, не примѣшивая посторонняго ни чего, подъ опасеніемъ за то штрафа.»

Казанскій Губернаторъ, Князь Долгорукій, 2 Мая отрепортовалъ Синоду, что требуемыя выписки сочиняются, а какъ сочинены будутъ, то пришлются немедленно.

Но Сильвестръ не отвѣчалъ на Синодскій Указъ, и даже не репортовалъ о полученіи его.

Мая 22 Синодъ послалъ къ нему вторичный Указъ, чтобы онъ отвѣтствовалъ въ самой скорости безъ всякихъ отговорокъ, не дожидаясь впредь о томъ другихъ Указовъ, подъ опасеніемъ за неисполненіе штрафа. А Питирима приказалъ выслать въ Синодъ всеконечно, безъ всякихъ отговорокъ, въ немедленномъ времени, и для взятія его опять послалъ солдата. Въ инструкціи солдату наказано, что ежели Архимандритъ несмотрѣніемъ его въ дорогѣ утечку учинитъ, то будетъ ему жестокое наказаніе безъ упущенія. Сильвестръ, не видя возможности удерживать долѣе Питирима, выдалъ его, 4 Іюня, присланному солдату, а въ слѣдъ за тѣмъ, 7 Іюня, прислалъ и свое объясненіе по доносу Волынскаго.

Мы не будемъ переписывать всѣхъ его подробностей, но ограничимся изложеніемъ только въ главныхъ чертахъ:

1. О новокрещенскихъ деньгахъ, чтобъ ихъ на лицо было малое число, можетъ быть и приказывалъ, только не ради какой моей страсти, но изъ ревности по Вѣрѣ, чтобы всегда имѣть въ запасѣ

деньги для помощи новоприходящимъ въ Св. Крещеніе иновѣрцамъ. Синодъ, однако жь, отрѣшилъ его отъ управленія новокрещенскихъ дѣлъ, и поручилъ ихъ Казначею Казанскаго Архіерейскаго дома, Алексѣю, котораго и произвелъ въ Архимандриты Свіяжскаго монастыря, отчисливъ его въ вѣдомство Святѣйшаго Синода.

2. О сборахъ съ вѣнечныхъ памятей показалъ, что они установлены еще предмѣстникомъ его, Митрополитомъ Тихономъ, но количество показано несравненно меньше, нежели въ донесеніи Волынскаго.

3. О Питиримѣ показалъ, что, бывши въ Рязани, въ земляной тюрьмѣ его не держивалъ и въ Синодъ не писывалъ объ немъ, что онъ ябедникъ, плутъ и грабитель. Попомъ и Діакономъ онъ до монашества нигдѣ не былъ, а имѣлъ житіе и пропитаніе трудомъ своимъ по разнымъ обителямъ, ища себѣ церковнаго обученія, изъ котораго сиротства Рязанской Епархіи въ Солотчинскомъ монастырѣ, по обѣщанію своему, въ 1708 г., и постриженъ холостой, а не изъ Священниковъ. И служилъ онъ при Стефанѣ Митрополитѣ, а не на воровствѣ, многіе годы, и по кончинѣ его у нашего смиренія въ Рязани и въ Казани, и за приказными моими дѣлами ходилъ явно, а не тайно.

4. О резолюціяхъ, писанныхъ на разныхъ челобитныхъ рукою Питирима, Сильвестръ доносилъ, что иногда приказывать ему записывать свои резолюціи, за что наше смиреніе не токмо ни какому осужденію неповиненъ, но и всякія похвалы еще за то достоинъ, что, не допуская бѣдныхъ до многой волокиты, немедленно, кому прилучилось, резолюцію велѣлъ подписывать, какъ и въ другихъ мѣстахъ у благоразсмотрительныхъ командировъ то водится.

Питиримъ, на допросѣ въ Синодѣ, показалъ, что все, что онъ ни говорилъ и ни писалъ на духовныхъ слѣдователей, все это дѣлалъ съ словъ Архіерея и по Архіерейскому приказанію, а самъ ни чего того не видалъ и ни какихъ обидъ съ ихъ стороны монастырю, или кому либо изъ братіи, не знаетъ.

Синодъ послалъ его на обѣщаніе въ Рязанскую Епархію, въ Солотчинскій монастырь въ братство, для того, что онъ тамошній

постриженецъ, и предписалъ монастырскому Начальству содержать его неисходно, а Сильвестру поставилъ на видъ, что онъ въ Спасо-Казанскій монастырь произвелъ его неправильно, безъ Указу Святѣйшаго Синода, по тому что этотъ монастырь принадлежитъ къ Синодальной области.

Оставался не разъясненнымъ одинъ пунктъ доношенія Волынскаго, о деньгахъ Салникѣева, спрятанныхъ въ подпольѣ его, Архимандритской, кельи. Синодъ потребовалъ у Сильвестра объясненія по этому дѣлу, а Спасо-Казанскаго Келаря, Варѳоломея Володимерцова, и Казначея, Герасима Байбакова, которые той поклажи искали, и Подъячего Плетеневца, по бумагамъ котораго сдѣланъ этотъ поискъ, приказалъ выслать для допросовъ въ Москву за конвоемъ (3 Сентября, 1731 г.). Всѣ они согласно показали, что по письму Питирима искали денегъ въ Архимандричьихъ кельяхъ въ подпольѣ, но ни чего не нашли.

Синодъ потребовалъ виновника этой тревоги, Родовицкаго монастыря Іеромонаха Питирима Храповскаго. Настоятель монастыря, Архимандритъ Гедеонъ, донесъ, что Питирима въ его монастырѣ нѣтъ, что онъ еще въ 1728 году, за нѣкоторыя продерзкія слова, которыя причитались къ важности, съ прочими монахами того монастыря взятъ подъ караулъ въ Синодъ. А по Синодскимъ дѣламъ оказалось, что онъ, за свои вины, въ 1730 году, битъ шелепами и отосланъ въ Вологду къ Преосвященному Аѳанасію, для содержанія въ монастырскихъ работахъ.

Можетъ быть, несчастному пришлось бы еще разъ отвѣдать шелеповъ, если бы его не выручилъ изъ бѣды новый доносъ на Салникѣева.

Сильвестру хотѣлось добить Салникѣева. Губернская Канцелярія была въ его рукахъ, хотя по тому, что боялись сплетника и сутяги, Нееедъ Кудрявцевъ—давній его благодѣтель. За доносчиками изъ монаховъ дѣло не стало, и вотъ онъ пустилъ въ ходъ новую каверзу:

Августа 28 въ Архіерейскомъ Приказѣ сдѣланъ доносъ о насильственномъ убійствѣ конюха Спаскаго монастыря, Созона Павлова,

совершенномъ лѣтъ около пятнадцати назадъ, по приказанію бывшаго Спаскаго Архимандрита, Салникѣева. Извѣтчиками явились монастырскій конюшенный Іеромонахъ Гавріилъ и служитель Козьма Исаевъ. Убійцы, монастырскіе служители, также не запирались въ убійствѣ, но показывали, что совершено то убійство по повелѣнію бывшаго Спаскаго Архимандрита, Салникѣева. Поводомъ къ убійству была, по ихъ показанію, связь Салникѣева съ женою Созона Павлова.

На другой же день Архіерейскій Приказъ сообщилъ объ этомъ Губернской Канцеляріи, а Губернская Канцелярія, по предварительномъ изслѣдованіи дѣла, донесла о немъ Святѣйшему Синоду. Въ донесеніи своемъ она объявляла, что звала Салникѣева на очныя ставки съ доносщиками и убійцами и водила въ застѣнокъ, но онъ съ розыску сознался только въ связи съ женою Павлова, а отъ обвиненія въ убійствѣ отрекался. Салникѣевъ объявлялъ дѣло такъ. Въ прошлыхъ годахъ, тому лѣтъ съ четырнадцать, ѣздилъ онъ изъ монастыря въ Закамскую вотчину, въ село Чертыкъ. Съ нимъ было человѣкъ десять монастырскихъ служителей, въ томъ числѣ и конюхъ Павловъ. Изъ Чертыка они поѣхали въ деревню Мордову и, отобѣдавъ у одного крестьянина, ввечеру поѣхали назадъ въ Чертыкъ. А въ то время была великая заметель и снѣгъ и въ пути отъ той заметели и отъ пьянства разъѣхались врознь. Онъ, Салникѣевъ, съ нѣкоторыми служителями, пріѣхалъ въ то село на монастырскій дворъ, гдѣ и ночевалъ, а другіе служители ночевали въ томъ же селѣ на другихъ дворахъ. На другой день утромъ всѣ служители съѣхались на монастырскій дворъ и объявили, что конюха Павлова нѣтъ, а гдѣ дѣвался, того они не вѣдаютъ. Салникѣевъ нарядилъ крестьянъ отыскивать его, но поиски ни къ чему не привели. Наконецъ ужъ черезъ недѣлю его отыскали въ лѣсу, гдѣ, по гнилости, его и похоронили. Салникѣевъ въ то время заявлялъ объ этомъ въ Губернской Канцеляріи: это было въ 1719 году.

По закону его слѣдовало розыскивать съ трехъ розысковъ, но такъ какъ онъ старъ и можетъ умереть въ пыткѣ, а за нимъ имѣется еще слѣдственное Синодское дѣло, то Канцелярія не рѣшалась пытать его, не снесшись съ Синодомъ (9 Ноября, 1731 г.). Но Синодъ поручилъ поступить съ нимъ, какъ Указы повелѣваютъ, потому что онъ уже не духовнаго, но свѣтскаго суда.

Дѣло это, однако жь, не имѣло ндальѣйшаго хода, по тому что зачинщикъ его, Сильвестръ, самъ попалъ подъ слѣдствіе по дѣлу Коломенскаго Митрополита, Игнатія Смолы, и въ Декабрѣ 1731 года сосланъ въ послушаніе въ Невскій монастырь, а въ слѣдующемъ лишенъ сана и сосланъ въ Выборгъ, въ крѣпость, гдѣ и скончался въ 1735 году.

Долгорукаго смѣнилъ на Губернаторствѣ Графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ. Принимая, или очищая, дѣла Губернской Канцеляріи, онъ встрѣтилъ не рѣшенное дѣло объ убійствѣ Созонова, и снова потребовалъ у Синода рѣшенія, какъ поступить съ Салникѣевымъ, по тому что онъ старъ и не можетъ вынести пытки. Синодъ отвѣчалъ своимъ прежнимъ опредѣленіемъ, чтобы въ розыскѣ убійства поступать, какъ Указы повелѣваютъ (3 Декабря, 1733 г.).

Въ то же время Синодъ приказалъ прекратить дѣло о деньгахъ, похищенныхъ у Салникѣева въ подпольѣ, по тому что то дѣло является быть весьма неимовѣрное. Ктому жъ онъ, Салникѣевъ, явился уже и весьма подозрителенъ и вѣры не достойный человѣкъ, понеже, по правиламъ Св. Отецъ и по военнымъ процессамъ, прелюбодѣй, въ чемъ и онъ, Салникѣевъ, явился, въ свидѣтельство не пріемлется (3 Декабря, 1733 г.).»

И. Ч.